МИЛЕСКУ СПАФАРИЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Н. Милеску Спафарий (1635–1708) — дипломат, мыслитель, ученый, крупнейший представитель молдавской и русской культуры второй половины XVII — начала XVIII в. Его трудами было положено начало развитию в Молдавии философии как самостоятельной науки.

В книге рассматривается жизненный и творческий путь мыслителя, его философские взгляды, а также его дипломатическая деятельность.

- Д. Т. Урсул
  -
  - Введение
  - Глава I. Мыслитель и эпоха
  - Глава II. Дипломатическая деятельность
  - Глава III. Ученый-просветитель
  - Глава IV. Философские взгляды
  - Глава V. Общественно-политические взгляды
  - Заключение
  - Указатель имен
  - Литература
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20

- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43

Д. Т. Урсул
Николай Гаврилович Милеску Спафарий

Истина есть начало всякия мудрости.

Милеску Спафарий

…Ничего так не очистит и не украшает и исправляет человека, и душевно и телесно, как ведомость и познание разных вещей…

Милеску Спафарий

Я удивлен был, встретив в уроженце страны, столь близкой к границам Татарии, человека столь богатого общим образованием и знающего столько языков

Арно де Помпонн (французский посол в Швеции в 1667 г.)

Николай Милеску Спафарий был очень мудрым и образованным человеком и знал он много иностранных языков

И. Некулче (молдавский летописец, кон. XVII-нач. XVIII в.)

ОБ АВТОРЕ

Урсул Дмитрий Тимофеевич — известный советский ученый — философ и педагог, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки МССР, академик — секретарь Отделения общественных наук АН МССР. Работы Д. Т. Урсула посвящены истории философской и общественно-политической мысли Молдавии и развитию общественных отношений в период строительства коммунизма. В их числе монографии:

Философские и общественно-политические взгляды Н. Г. Милеску Спафария. Кишинев, 1955; Н. Г. Милеску Спафарий. Кишинев, 1975 (на молд. яз.); И. В. Очинский. Кишинев, 1979 (в соавт.); Развитие общественных отношений в Советской Молдавии. Кишинев, 1967; Расцвет и сближение советских наций. Кишинев, 1971 (на молд. яз.); На пути к бесклассовому коммунистическому обществу. Кишинев, 1973 (на молд. яз.) и др.

Введение

Марксистско-ленинское освещение истории общественной мысли народов нашей великой страны и роли передовой русской культуры в ее формировании и развитии имеет большое значение в деле коммунистического воспитания трудящихся и укрепления дружбы народов СССР.

Особо важную роль это приобретает в настоящее время, когда «идейное противоборство двух систем становится более активным, империалистическая пропаганда — более изощренной» (3, 74)[1]. Буржуазные националисты искажают ход исторического развития и вопреки исторической правде всемерно пытаются умалить или совершенно исключить роль славянской и русской культуры в развитии культуры нерусских народов нашей страны. Идеологи империалистической буржуазии, фальсифицируя историю молдавского народа и возводя клевету на русский народ, пытались и пытаются вызвать между ними вражду.

Но неопровержимые данные — памятники материальной культуры, письменные источники, общественно-политическая и естественнонаучная литература — свидетельствуют о многовековой дружбе молдавского народа со славянскими народами, и в первую очередь с русским и украинским народами, и о влиянии их культуры на развитие культуры молдавского народа. Последняя в свою очередь благотворно влияла на культуру братских народов. Дружественные связи молдавского, русского и украинского народов проявлялись и крепли в совместной борьбе против общих врагов, а также благодаря экономической, политической и культурной помощи молдавскому народу со стороны русского и украинского народов.

Автор настоящей работы, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, поставил своей задачей охарактеризовать видного представителя молдавской и русской культуры конца XVII — начала XVIII в. Николая Гавриловича Милеску Спафария, прогрессивная общественно-политическая деятельность которого, равно как и его научное наследство, заслуживает пристального внимания.

В досоветский период жизнь и деятельность Н. Г. Милеску Спафария исследовалась русскими историками и филологами Ю. В. Арсеньевым, Д. Н. Бантыш-Каменским, Н. Кедровым, И. Н.

Михайловским, П. А. Сырку, А. И. Яцимирским и др. Но работы этих ученых посвящены главным образом биографии Н. Г. Милеску Спафария и библиографическому исследованию его произведений. Труды названных авторов достаточно устарели, но они содержат ценный фактический материал.

О Н. Г. Милеску Спафарии есть также работы на молдавском, румынском, французском, английском, греческом и других языках. Так, например, жизнь и деятельность Н. Г. Милеску Спафария нашли свое отражение в хронике молдавского летописца И. Некулче, написанной в 30—40-х годах XVIII в. (110). Молдавский ученый и писатель Б. П. Хаждеу в 1870 г. опубликовал работу о Н. Г. Милеску Спафарии, в которой использовал многие русские источники и литературу (118). В 1883 г. вышел труд французского ученого Э. Пико «Биографические и библиографические заметки о Николае Спафарии Милеску» (120), восходящий к работам Б. П. Хаждеу, а в 1919 г, — книга английского историка Дж. Ф. Бэддли «Россия, Монголия, Китай» (114), в которой уделяется много места путешествию Н. Г. Милеску Спафария в Китай. В 1925 г. в Париже опубликована на французском языке книга румынского историка П. Панаитеску «Николай Спафарий Милеску» (119). В Бухаресте в 1948 г. было издано сочинение Р. Боуряну «Жизнь Н. Спафария Милеску» (115), которое носит беллетристический характер. В 1950 г. румынский историк А. Греку опубликовал статью «О связях Николая Милеску Спафария с Россией» (117).

Отдельные стороны многогранной деятельности Н. Г. Милеску Спафария были предметом исследования советских ученых — Д. М. Лебедева, Е. М. Руссева, Н. А. Агасьевой, В. П. Соловьева, А. С. Киделя, О. А. Белобровой, А. А. Матковской, автора настоящей работы и др. Молдавский советский художник Л. П. Григораще нко написал портрет Н. Г. Милеску Спафария и картину «Посольство Милеску в Китае», Бюст Н. Г. Милеску Спафария, созданный скульптором Л. В. Авербухом, в 1957 г. установлен в г. Кишиневе в аллее классиков парка им. А. С. Пушкина.

Деятельность Н. Г. Милеску Спафария нашла определенное отражение и в советской научно-популярной и художественной литературе. К. В. Базилевич в 1927 г. опубликовал научно-популярную книгу «В гостях у богдыхана», в которой описываются путешествие Н. Г. Милеску Спафария в Китай и дипломатические переговоры возглавленного им русского посольства в Пекин (36). Этой же теме посвящена историческая повесть Г. Кунгурова «Путешествие в Китай», вышедшая в Иркутске в 1940 г. (68) и переизданная в 1959 г. под названием «Албазинская крепость»

(69).

Некоторые западные буржуазные авторы признают, что Н. Г. Милеску Спафарий «является одной из наиболее интересных личностей», «которая завоевала широкую известность благодаря своим многочисленным способностям». В то же время они считают, что он был «коварным царедворцем», «осторожным интриганом», «авантюристом» (Э. Пико и др.), «мистически настроенным мыслителем, проявившим особую заботу о религиозных писаниях»; его произведения суть «выражение космополитического мироощущения»; ему «не удалось наложить печать своей личности на собственные многогранные познания» (Г. Карагаце) (112). Реальные исторические факты и объективный анализ произведений Н. Г. Милеску Спафария опровергают эти измышления буржуазных фальсификаторов.

В основу настоящей работы автором положено изучение с позиций марксистско-ленинской методологии сочинений Н. Г. Милеску Спафария. Использованы также другие источники и литература, относящиеся как к истории рассматриваемого периода, так и к жизни и деятельности мыслителя. Значительная часть произведений Н. Г. Милеску Спафария опубликована на русском и молдавском языках, часть находится в рукописях, хранящихся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, Государственном Историческом музее, Центральном государственном архиве древних актов, Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, библиотеке Академии наук СССР и других научных учреждениях.

Предлагаемая читателю книга характеризует общественно-политическую, в том числе дипломатическую, деятельность Н. Г. Милеску Спафария в Молдавии и России, дает представление о том положительном, что он внес в науку, философию и общественно-политическую мысль своего времени.

Глава I. Мыслитель и эпоха

азвитие передовой общественно-политической, научной и философской мысли Молдавии во второй половине XVII — начале XVIII в. может быть правильно понято лишь в связи с той конкретной социально-экономической, политической и культурной обстановкой, в которой жили и творили ученые, мыслители и общественно-политические деятели.

Во второй половине XVII — начале XVIII в. Молдавия представляла собой феодальную страну, в которой господствовало натуральное хозяйство. Решающим средством производства являлась земля, принадлежавшая в основном светским и духовным феодалам. Крепостные крестьяне получали, в надел небольшие участки земли, за что отбывали барщину и платили своему господину оброк. Размеры барщины в Молдавии устанавливались феодалами произвольно. Д. Кантемир писал: «… крепостные крестьяне… обязаны со всем старанием работать на своих хозяев. Им не дается никакой меры, и хозяин сам решает, сколько дней им работать на него» (61, 150).

Кроме барщины крепостные крестьяне платили феодалам натуральный оброк в размере не менее одной десятой части урожая всех культур, а также одной десятой части скота. Весьма часто оброк доходил до одной четверти и даже до половины урожая. Натуральная рента, отмечал К. Маркс, «как нельзя более пригодна для того, чтобы служить базисом застойных общественных отношений» (1, 25, ч. II, 359–360). Помимо этого молдавские крестьяне платили большие налоги и несли различные повинности в пользу господаря (князя), бояр и монастырей.

В Молдавии в рассматриваемый период были также свободные крестьяне — резеши, имевшие, как правило, собственную землю. Резеши платили господарю подати и налоги и выполняли различные государственные повинности.

Во второй половине XVII в. в Молдавии быстрыми темпами стали развиваться товарноденежные отношения. Светские и духовные феодалы приспосабливали свое хозяйство к потребностям внутреннего и внешнего рынка и в связи с этим усиливали эксплуатацию крепостных крестьян. Непрерывное увеличение налогов и различных повинностей, неприкрытое

насилие над народом со стороны господарей, бояр и церковных феодалов вели к разорению крестьян и ремесленников. Это вызывало возмущение народа и антифеодальные восстания.

Острая классовая борьба являлась главной характерной чертой всего социально-экономического и политического строя страны. На страже интересов крупных землевладельцев стояло феодальное государство, являвшееся орудием подчинения, эксплуатации и подавления трудящихся. Как политическая надстройка над экономическим базисом, оно всемерно укрепляло феодальные производственные отношения, защищало интересы класса эксплуататоров.

Молдавский народ в этот период угнетали не только местные феодалы-крепостники, но и иноземные поработители. Еще в начале XVI в. Молдавия, несмотря на ожесточенное сопротивление, в силу сложившихся неблагоприятных внутренних и внешних условий (слабость центральной власти, феодальные междоусобицы, отсутствие поддержки со стороны сопредельных государств) подпала под иго Османской (Оттоманской) империи, длившееся свыше трехсот лет. Этот период является самым тяжелым и мрачным в истории молдавского и других придунайских народов, порабощенных феодальнодеспотическим государством. «Турецкое, как и любое другое восточное господство, — писал Ф. Энгельс, — несовместимо с капиталистическим обществом; нажитая прибавочная стоимость ничем не гарантирована от хищных рук сатрапов и пашей; отсутствует первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности — безопасность личности купца и его собственности» (1, 22, 33). Захваты и сопряженные с ними грабежи, обложение данью завоеванных народов были важнейшим источником накопления средств в руках правящей феодальной верхушки Турции.

Таким образом, жестокая феодальная эксплуатация крестьянских масс, произвол молдавских бояр и господарей усугублялись невыносимо тяжелым османским игом. Молдавия вынуждена была ежегодно платить турецкому султану большую денежную дань (харач), а также поставлять огромное количество сельскохозяйственных продуктов, превратившись по сути дела в зерновую кладовую империи. Для сбора натуральных поставок султанское правительство направляло в княжество своих представителей, которые чинили насилие и беспощадно грабили население. Кроме того, Молдавия обязана была посылать свои войска для участия в походах турецкой армии, ремонтировать крепости, дороги, строить мосты и т. д.

Несмотря на формальное сохранение самоуправления

Молдавии в Османской империи, фактически как внутренняя жизнь страны, так и ее внешние сношения всецело зависели от султанского правительства, которое осуществляло политику ограбления и угнетения молдавского народа при помощи своих верных слуг — бояр и господарей. Молдавский престол был в Константинополе предметом купли и продажи, а все расходы, связанные с его получением, господари возлагали на народ. Д. Кантемир писал, что «Оттоманская Порта[2] даже начала предоставлять княжеский престол всякого рода чужеземцам, подобно некоему товару» (61, 59). Турецкие вельможи были заинтересованы в том, чтобы было как можно больше конкурирующих между собой претендентов на молдавский престол. В конце концов фирман (указ) султана на княжение получал тот, кто обязывался платить большую дань и давал больше подарков (пешкешей) султану и взяток (бакшишей) его вельможам. При этом турецкое правительство непрерывно увеличивало плату за получение княжеского престола. Различные группировки молдавских бояр вели между собой борьбу за то, чтобы посадить на престол своего ставленника, и часто смена господарей сопровождалась кровопролитными феодальными междоусобицами, разорявшими и ослаблявшими страну. Этим пользовалось султанское правительство, чтобы наложить еще более высокую дань на Молдавию. Турецкое правительство часто сменяло молдавских господарей. Так, за сто лет (с 1654 по 1753 г.) они сменялись более тридцати раз. Вновь назначенные господари нередко вступали в страну вместе с турецкими и татарскими ордами, которые подвергали ее разграблению и многих уводили в рабство.

Молдавский летописец И. Некулче так описывает пребывание татарских войск в Молдавии в 70-х годах XVII в.: «Татары вошли в страну, как волки в стадо овец… Они грабят, заполоняют, избивают и мучают христиан… Татары поели все: и хлеб, и живность, и ограбили всех до нитки. Многих заполонили — женщин, девушек и детей. Остались бедные люди с одной лишь душой, до того горько и ужасно истерзанные и потрясенные, что ни описать, ни рассказать невозможно всех тех мук и терзаний, которые претерпели они от татар» (110, 101).

Большинство молдавских господарей, являвшихся ставленниками турецкого правительства, не были заинтересованы в развитии экономики и культуры страны. Они были временщиками и смотрели на Молдавию как на источник личного обогащения. Для уплаты всевозрастающей дани султанской Турции и в целях личного обогащения такие господари нещадно грабили население, увеличивали число и размеры различного

рода налогов, поборов и повинностей. Молдавские феодалы и чужеземные поработители отбирали у трудящихся не только весь прибавочный продукт, но и большую часть необходимого продукта. Жестокая феодальная эксплуатация и систематическое ограбление населения султанским правительством, крымскими и буджакскими татарами, господарями разоряли народ, хозяйство страны, тормозили развитие ее производительных сил. В результате сельское хозяйство развивалось медленно, земля нередко оставалась невозделанной, и в Молдавии частым гостем был голод, от которого гибло много людей.

В условиях османского ига экономическое развитие Молдавии шло крайне медленно. До второй половины XVII в., хотя и весьма мучительно, с частыми перебоями, происходил рост сельскохозяйственного и ремесленного производства, развивались города и товарно-денежные отношения, расширялась внутренняя и внешняя торговля (см. 58, 166–182). Однако в последние десятилетия XVII — начале XVIII в. в результате хищнической системы эксплуатации трудящихся масс наступает экономический упадок Молдавии. К этому времени молдавский народ оказался под угрозой полного экономического, политического и морального порабощения, а также физического истребления со стороны крайне отсталой военно-феодальной Османской империи. В молдавских летописях мы находим потрясающие картины хозяйственного разорения страны и страшных бедствий, испытываемых населением. Так, И. Некулче, описывая положение Молдавии в середине 80-х годов XVII в., указывает, что «был великий голод, вся страна разбрелась и не могли люди обрабатывать землю, не добывали хлеба. На дорогах и улицах лежали обессиленные люди и тела умерших… а продовольствия в стране не было» (там же, 184).

В XVII — начале XVIII в. центральная власть в Молдавском княжестве была слабой.

Захват Молдавии Османской империей способствовал еще большему ослаблению власти господаря и усилению крупных феодалов. Это сказалось в повышении роли дивана (боярской думы), который вмешивался в управление страной и порой издавал различные указы и распоряжения самостоятельно, без утверждения их господарем. Большой административно-судебной и военной властью бояре пользовались и на местах. Широко была распространена система кормлений и передача боярам сбора налогов на откуп. Молдавией фактически управляла боярская олигархия, состоявшая из 75 семей крупнейших феодалов.

Внутриклассовая борьба за власть, за землю, за рабочие руки развертывалась как между отдельными группировками крупных

бояр, так и между крупными феодалами, с одной стороны, и мелкими боярами, служилыми людьми и городской верхушкой, с другой. Мелкие феодалы, служилые люди, купцы и ремесленная верхушка городов являлись сторонниками укрепления центральной власти и выступали против боярского произвола. Поэтому те господари, которые стремились укрепить центральную власть, в своей борьбе с крупными боярами опирались на мелких и средних феодалов, служилых людей и горожан. Кроме того, продолжалась борьба молдавского боярства против засилья в Молдавии фанариотов — греческих купцов и ростовщиков, которые, будучи доверенными лицами турецкого правительства, постепенно захватывали ключевые позиции и в экономической, и в политической жизни страны. Многие крупные феодалы страны, стремясь сохранить свое господство над крепостными крестьянами, проводили политику сотрудничества с султанским правительством в целях борьбы против трудящихся, выступавших как против внутренних, так и против чужеземных угнетателей.

Но османским завоевателям не удалось подчинить себе свободолюбивый молдавский народ. Усиление иноземного гнета и феодальной эксплуатации обостряло социальные противоречия, укрепляло ненависть народных масс к чужеземным поработителям и их верным слугам — молдавским господарям я боярам. Трудящиеся Молдавии вели напряженную классовую борьбу против внутренних эксплуататоров-феодалов. Эта борьба принимала различные формы: побеги крестьян от своих феодалов, массовый уход целыми селами на Украину и в Трансильванию, крестьянские восстания, восстания городской бедноты.

Классовая и освободительная борьба трудящихся Молдавии в XVII в. принимала также форму движения народных мстителей — гайдуков. Гайдуцкое движение поддерживалось народными массами и в конце XVII в. приняло исключительно широкий размах. Расправляясь с феодалами и иноземными поработителями, гайдуки отбирали у эксплуататоров захваченные у народа богатства и раздавали их беднякам.

Феодальное государство жестоко подавляло крестьянские восстания и гайдуцкое движение, принимало суровые меры против тех, кто отказывался нести феодальные повинности, а также против сбежавших крепостных крестьян, помогало боярам и монастырям в их розыске, издавало законы, навечно закреплявшие крестьян за их владельцами и препятствовавшие их побегам.

Восстания крестьян и социальных низов городов объективно

были направлены и против иноземных поработителей. Они подрывали турецкое феодальное господство и способствовали укреплению в сознании народа идеи свободы. К. Маркс, характеризуя роль народных восстаний в странах, порабощенных Османской империей, указывал, что «власть центрального, то есть турецкого, правительства из года в год ослабляется восстаниями в христианских провинциях…» (1, 9, 6).

Многие молдавские бояре и господари, являвшиеся верными слугами османских поработителей, выступали против освободительной борьбы народа и считали, что Молдавия и впредь должна оставаться в составе Османской империи. В то же время некоторые из них стремились к укреплению в Молдавии центральной власти, способной организовать и возглавить освободительную борьбу против чужеземных поработителей. Подобные попытки и стремления, несомненно, стимулировались пониманием ими факта начавшегося упадка Оттоманской империи, особенно после тяжелого поражения турецких войск под Веной в 1683 г. К. Маркс отмечал, что «организация Турецкой империи находилась тогда в состоянии разложения и что уже за некоторое время до этого эпохе оттоманского могущества и величия быстро приходил конец» (там же, *10,* 262).

Молдавский народ, однако, не имел достаточно сил, чтобы самостоятельно сбросить с себя кровавое иноземное иго и отстоять свою независимость. В борьбе против своего векового врага — Османской империи — он нуждался в помощи. Но западноевропейские страны не хотели оказывать помощь молдавскому и другим порабощенным турецкими феодалами придунайским народам. Такие могущественные в то время европейские государства, как Англия и Франция, не собирались воевать против Османской империи, так как были заинтересованы в торговле с ней и даже поставляли оружие и снаряжение для турецкой армии. Эту помощь могла оказать только Россия — единственная великая европейская держава, чья экономическая и военная мощь непрерывно росла и чьи интересы уже на рубеже XVII–XVIII вв. приходят в столкновение с интересами Османской империи.

Поэтому передовые люди Молдавии, борясь против османских поработителей, обращали свои взоры к России и искали у нее помощи и поддержки, ходатайствовали перед русским правительством о включении Молдавии в состав России. Это совпадало с чаяниями трудящихся масс, которые видели в русском народе единственную реальную силу, могущую освободить Молдавию от жестокого ига.

Стремление молдавского народа к союзу с Россией

вызывалось многовековыми экономическими, политическими и культурными связями с великими русским и украинским народами.

Карпато-Днестровские земли (территория Молдавии) одно время входили в состав Древнерусского государства и Галицко-Волынского княжества, что имело большое значение для развития экономики и культуры края. В своем дальнейшем развитии Молдавия также испытывала благотворное влияние России и Украины. Влияние славянской, русской и украинской, культуры выразилось в богатом расцвете в Молдавии славянской письменности, славянской литературы, в быту, архитектуре, в развитии ремесел, городов.

Важным фактором, обусловившим стремление молдавского народа к объединению с русским, являлось единоверие. В поисках помощи в борьбе против османских угнетателей это стремление к объединению с единоверной Россией еще более усилилось, ибо только сильное централизованное государство способно было освободить Молдавию от османского ига, защитить ее от агрессоров, прекратить феодальные междоусобицы и создать условия для нормального экономического и культурного развития страны.

В рассматриваемый период в России уже сложилось могучее централизованное феодальное государство. Особенно возросли мощь Русского государства и его международный авторитет после воссоединения Украины с Россией. В конце XVII — начале XVIII в. в России большого развития достигли ремесла, создавалась крепостная мануфактура, развивались экономические, политические и культурные связи с Западом, делались попытки завязать политические и торговые отношения с восточными странами. В результате роста производительных сил, товарно-денежных отношений и образования единого всероссийского рынка внутри феодального строя в России возникают элементы нового, капиталистического уклада, зарождаются новые, буржуазные общественные отношения. В это время укрепляется положение служилого дворянства и купечества, которые были заинтересованы в упрочении централизованного государства.

Во второй половине XVII в. в России появилась большая группа энергичных практических деятелей. Даже царь Алексей Михайлович, как отмечают исследователи, имел деятельную натуру и исключительную хозяйственную энергию. Царь настойчиво требовал быстроты и неутомимости в вершении дел и «подвергал своих вельмож большим трудам». Его окружали такие весьма энергичные деятели, как А. Л. Ордин-Нащокин, А. С. Матвеев и др. В развитии экономики и культуры, в укреплении

централизованного государства в России огромную роль сыграли преобразования Петра I, имевшие своей целью развитие национальной промышленности, торговли, культуры, науки и укрепление обороноспособности страны.

Россия и Украина оказывали Молдавии большую помощь в ее борьбе против Османской империи и ее вассалов — буджакских и крымских татар. В совместной борьбе против общего врага молдавский, украинский и русский народы кровью скрепляли многовековую дружбу. Запорожские казаки в XVI в. и первой половине XVII в. неоднократно приходили на помощь молдавскому народу в его борьбе против турецких, татарских и других завоевателей. В свою очередь в период освободительной борьбы украинского народа против панской Польши в середине XVII в. молдавский народ, несмотря на двойственную политику господаря Василия Лупу и молдавского реакционного боярства, оказывал помощь украинскому народу. Много молдаван сражалось против польских панов в рядах казацкого войска под руководством Богдана Хмельницкого.

Воссоединение Украины с Россией и приближение границ Русского государства к Молдавии имели большое прогрессивное значение для молдавского народа. Это событие явилось поворотным пунктом в освободительной борьбе молдавского народа, оно усилило его тяготение к объединению с Россией, укрепило в нем уверенность, что Россия окажет Молдавии решающую помощь в освобождении от османского ига.

Отдельные молдавские господари и передовая часть бояр во второй половине XVII — начале XVIII в. неоднократно обращались к русскому правительству с просьбой о защите Молдавии от разорения и угнетения Османской империей и о принятии ее «под государскую высокую руку в вечное подданство». Русское правительство выразило согласие на принятие Молдавии в подданство России (см. 58, 9—19). Однако общая политическая обстановка в Европе во второй половине XVII — начале XVIII в. не благоприятствовала разрешению этого вопроса. Следует отметить, что многократно повторявшиеся с 1656 г. переговоры о принятии Молдавии в русское подданство, а также Луцкий договор 1711 г. о вхождении Молдавии в состав России представляли интерес не только для Молдавии. После воссоединения Украины с Россией в 1654 г. русское правительство было кровно заинтересовано в обретении нового союзника в возможном вооруженном конфликте с Польшей из-за решений Переяславской рады. В дальнейшем в проведении постепенно ориентировавшейся на юго-восток Европы внешней политики царизма Молдавия по замыслу Петра I могла стать

весьма удобным плацдармом для военных действий России против Турецкой империи. К тому же в военных походах на этом направлении должно было участвовать и молдавское войско, что, несомненно, усилило бы ударную мощь русской армии. В экономическом отношении это способствовало бы дальнейшему развитию товарообмена между Россией и странами Восточного Средиземноморья (см. 88, 62–65). Хотя в то время и не удалось положительно разрешить вопрос о присоединении Молдавии к России, Русское государство оказывало действенную экономическую и дипломатическую, а с первой половины XVIII в. и военную помощь молдавскому народу в его борьбе против иноземных поработителей.

Тяжелое османское иго и жестокая феодальная эксплуатация народных масс обусловили низкий уровень развития культуры в Молдавии. До середины XVII в. в Молдавии по существу школ не было. Отдельные молдавские феодалы обучали своих детей грамоте в монастырях, где «образование» сводилось к усвоению письма и заучиванию наизусть нескольких церковных книг. Подавляющее большинство молдавских бояр, народные массы, низшее духовенство и даже отдельные господари были неграмотны. Конечно, и в этих тяжелых условиях культура в Молдавии хотя и крайне медленно, но все же развивалась. Народ творил свою самобытную культуру, хранил и развивал свой язык. Передовая часть молдавских феодалов и некоторые господари стремились распространять просвещение с целью подготовки определенного числа грамотных людей для нужд феодального государства, в частности для пропаганды господствовавшей в то время феодальной религиозной идеологии. На развитии молдавской культуры благотворно сказались прежде всего дружественные связи молдавского народа с братскими русским и украинским народами.

Влияние культуры русского и украинского народов проявилось в первую очередь в деле развития просвещения и книгопечатания в Молдавии. В 1640 г. в столице Молдавского княжества — Яссах была организована первая в стране школа, так нызываемая Славяно-греко-латинская академия. В организации и открытии этой школы Василию Лупу огромную помощь оказал киевский митрополит Петр Могила, молдаванин по происхождению. Им были направлены в Яссы бывший ректор Киевской академии Софроний Почацкий и другие известные в то время книжники, которые организовали Ясскую школу наподобие Киево-Могилянской академии. В 1641 г., также в Яссах, открывается и первая молдавская типография, оборудование для которой было получено из Киева, Львова и Москвы. Во второй

половине XVII в. Россия продолжала оказывать Молдавии систематическую помощь в развитии книгопечатания, в частности в 80-х годах из Москвы в Яссы вновь было отправлено оборудование для типографии. Из Киева и Москвы Молдавия получала большое количество книг на русском языке. Молдавские бояре и зажиточные купцы нередко посылали своих детей для получения образования во Львов, Бар и другие города Украины.

Русская культура способствовала поднятию материальной и духовной культуры молдавского народа, распространению просвещения, формированию и развитию передовой общественнополитической и философской мысли в Молдавии. Это благотворное влияние России на развитие культуры в Молдавии один из молдавских книжников конца XVII в., Досифей, выразил следующими словами: «Свет к нам идет из Москвы» (58, 272). Начиная с середины XVII в. на молдавский язык переводятся книги с русского и греческого языков. Первая печатная книга на молдавском языке — «Казания», переведенная со славянского языка, вышла в Яссах в 1643 г. В начале XVIII в. на молдавский язык было переведено много русских оригинальных произведений, в том числе «Синопсис»[3]. В конце XVII — начале XVIII в. появляется также большое количество молдавских оригинальных произведений, главным образом летописей и стихов. Следует отметить, что молдавские летописи XVII–XVIII вв. — это не официальная княжеская историография, не сухой перечень фактов, а действительно литературные произведения. Они написаны в занимательной форме, живым, образным языком, насыщены фольклорными элементами и носят ярко выраженный классовый характер.

Экономические и политические противоречия, классовая борьба трудящихся против эксплуататоров, освободительная борьба народа против иноземных угнетателей нашли свое отражение в народном творчестве Молдавии того времени. Тяжелая жизнь молдавского народа, стонавшего под двойным гнетом внутренних и иноземных поработителей, жгучая ненависть к эксплуататорам и борьба против них, вера в лучшую жизнь и призыв к борьбе за освобождение от невыносимо тяжелого ига феодалов и иноземных поработителей отражены в многочисленных дойнах, легендах, сказках, балладах и поговорках. Молдавские народные песни — дойны и баллады — прославляли героические подвиги народных мстителей — гайдуков и призывали крепостных крестьян к борьбе за освобождение от гнета феодалов и иноземных поработителей. Народ создавал и сатирические произведения в прозе и стихах, разоблачавшие и бичевавшие эксплуататоров.

Великий русский поэт А. С. Пушкин во время своего пребывания в Молдавии собирал произведения устного народного творчества, в которых отразилась классовая борьба трудящихся против эксплуататоров в конце XVII в. И. П. Липранди в своих воспоминаниях рассказывает о записанных Пушкиным молдавских народных преданиях XVII в., которые поэт переработал в повести. И. П. Липранди хранил копии этих рассказов, а П. Бартенев читал их и удостоверил полное соответствие их исторической действительности. Эти повести Пушкина назывались «Дука, молдавское предание XVII в.» и «Дафна и Дабижа, молдавское предание 1663 г.». Но они не были опубликованы по цензурным условиям, ибо в них говорилось о борьбе молдавского народа против своих угнетателей (52, 36–40). К сожалению, эти повести до сих пор не найдены.

Классовая борьба народных масс Молдавии в XVII в. нашла свое выражение также в форме ересей. Доказательство тому — устное народное творчество (например, рассказ об Адаме и Еве), а также антибогомильские рукописи, из которых явствует, что в стране еще ощущались отзвуки богомильства (58, 134–135). Под религиозной оболочкой ересей скрывалась антифеодальная борьба, направленная против господствующей церкви, освящавшей и поддерживавшей феодальную эксплуатацию «в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя» (1, 7, 361).

Передовая общественно-политическая и философская мысль второй половины XVII — начала XVIII в. в Молдавии была проникнута общей идеей борьбы против османского ига, реакционных бояр-изменников и феодального произвола. Об этом свидетельствуют труды Д. Кантемира, М. Костина, И. Некулче и других мыслителей, доказывавших необходимость всемерного укрепления Молдавского княжества, экономического прогресса и просвещения, укрепления русско-молдавской дружбы. Но поскольку даже наиболее передовые представители господствующего класса того времени являлись идеологами феодализма, они стремились всемерно защитить прежде всего интересы своего класса. Критика ими тирании и крайностей феодальной эксплуатации велась с позиций передовой части феодалов и ставила в качестве своей цели предотвращение восстаний угнетенного народа. Вместе с тем их выступления против иноземного ига, тирании господарей и произвола феодалов объективно способствовали развитию освободительных идей в Молдавии. Прогрессивная роль названных мыслителей состоит в том, что в своих произведениях они призывали к борьбе против османского ига, вселяли в народ уверенность в успешный

исход освободительной борьбы.

Важное место в истории передовой мысли молдавского народа занимает выдающийся ученый и общественно-политический деятель Николай Гаврилович Милеску Спафарий. Он являлся первым крупным молдавским мыслителем, сделавшим попытку обобщить некоторые накопленные научные знания о природе и обществе и высвободить философские и социологические взгляды из-под влияния господствовавшей в период феодализма религиозной идеологии.

Милеску Спафарий (около 1635–1708) родился в Милештах (округ Васлуй) в семье малоизвестного молдавского боярина[4].

Первоначальное образование он получил в Ясской Славяно-греко-латинской школе (академии). Большинство ее преподавателей, как уже отмечалось, были из Киева, оттуда же были получены дидактические пособия. Образование и воспитание в академии протекали под благотворным влиянием русской и украинской культур и были проникнуты духом укрепления дружественных связей Молдавии с Украиной и Россией. Свое образование Милеску Спафарий продолжил в Константинополе (1645–1650), в так называемой Высшей школе, основанной константинопольским патриархом и находившейся под его покровительством. В рассматриваемый период в этой школе широко распространялись идеи возрождения и гуманизма, что, несомненно, положительно сказалось на формировании взглядов Н. Милеску Спафария. Одним из его учителей здесь был Гавриил Власий, сторонник тесного сближения Молдавии с Россией. Г. Власий часто бывал в Молдавии, где занимался педагогической деятельностью, приезжал он и в Москву с целью учреждения греческой школы, а также с политическими поручениями к московскому правительству от молдавского господаря Василия Лупу и гетмана Украины Богдана Хмельницкого (см. 31). Таким образом, Милеску Спафарий еще в юности воспитывался в духе наиболее передовых идей своего времени.

В Константинополе Милеску Спафарий изучил древнегреческий, новогреческий, турецкий, арабский языки, а также полный тогдашний курс истории, философии, литературы и богословия. Затем он уехал в Италию, где занимался (вероятно, в Падуе)[5] естественными науками, математикой, латинским и итальянским языками.

Из Италии Милеску Спафарий возвратился в Молдавию. Здесь он занял видное общественное положение и принял деятельное участие в государственной и культурной жизни страны. Как свидетельствуют современники, в частности

молдавский летописец И. Некулче и французский дипломат де ля Невилль (политический представитель Франции в Москве в 1689 г.), Н. Милеску Спафарий был по тому времени крупным, разносторонним ученым, обладавшим огромной эрудицией и выдающимся умом. Многосторонняя научная работа, проводившаяся Милеску Спафарием, неразрывно сочеталась с его общественной и политической деятельностью как в Молдавии, так и впоследствии в России. При дворе молдавского господаря он занимал должности грэмэтика (секретаря), советника, логофета (руководителя государственной канцелярии) и спатаря, или спафария (хранителя оружия господаря и командующего войсками). Некоторое время Милеску Спафарий занимал пост спатаря также в Валахии и был представителем валашского господаря в Константинополе при султанском правительстве. От придворной должности спатаря (спафария) и произошла вторая фамилия Н. Милеску— Спафарий, под которой он известен в России.

В Молдавском княжестве, а впоследствии в странах Западной Европы Н. Милеску Спафарий жил до 1671 г. В 1671 г. он в силу ряда обстоятельств, о которых речь будет идти в следующей главе, переехал в Москву и был назначен переводчиком Посольского приказа. С того времени и до конца своей жизни Милеску Спафарий жил и работал в России, которая стала его второй родиной[6].

Переезд Н. Милеску Спафария в Россию и приобщение к передовой русской культуре и общественно-политической мысли того времени имели решающее значение как в окончательном формировании его мировоззрения, так и во всей его общественно-политической и научной деятельности. На Руси Милеску Спафарий написал почти все свои произведения, отразившие его философские и общественно-политические взгляды; здесь он проявил себя активным и талантливым деятелем в области дипломатии и просвещения. В связи с этим его, бесспорно, можно причислить также к мыслителям и общественным деятелям России.

Выдающийся патриот, глубокий мыслитель, государственный деятель, многосторонний ученый и педагог, посвятивший всю свою жизнь борьбе за освобождение Молдавии от османского ига, за укрепление русско-молдавской дружбы, Н. Милеску Спафарий внес также значительный вклад в развитие общественнополитической, философской и естественнонаучной мысли.

Глава II. Дипломатическая деятельность

ак мы уже подчеркивали, Н. Милеску Спафарий был влиятельным лицом при дворе молдавских и валашских господарей и играл значительную роль в политике Молдавии, а также Валахии. Как политический деятель он неуклонно пропагандировал и проводил в жизнь идею освобождения молдавского и других придунайских народов, порабощенных Османской империей, выступал за сближение молдавского и русского народов и принятие Молдавии в русское подданство. Милеску Спафарий вел также неустанную борьбу против попыток папы римского усилить свое влияние в Молдавии и других восточноевропейских странах.

Милеску Спафарий принимал активное участие в сношениях молдавских господарей с московским правительством. В 1656 г. в Москву прибыло посольство от молдавского господаря Георгия Стефана с ходатайством о защите молдавского народа от османского угнетения и о принятии Молдавии «под государскую руку». К грамоте молдавского господаря был приложен проект соответствующего соглашения. Весьма вероятно, что этот проект был составлен при участии Милеску Спафария, который находился в близких отношениях с Георгием Стефаном, был его советником и логофетом. Переговоры о принятии Молдавии в русское подданство были успешно завершены, но турецкое правительство, узнав о них, в марте 1658 г. низложило Георгия Стефана, и последний был вынужден покинуть Молдавию.

В 1658 г. новый молдавский господарь, Георгий Гика, по требованию султанского правительства послал Милеску Спафария во главе отряда войск в Трансильванию для участия в подавлении антитурецкого выступления князя Ракоци. Но он уклонился от оказания помощи османским поработителям и вскоре вернулся с войском в Молдавию.

Летописец И. Некулче указывает, что Милеску Спафарий был участником политического заговора против господаря Стефаницы, проводившего протурецкую политику. Однако этот заговор был раскрыт, и Милеску Спафария подвергли унизительному телесному наказанию: ему был «урезан» нос. В связи с этими событиями он был вынужден покинуть Молдавию и

переселиться в Валахию (см. 110, 76). Бывший в то время валашским господарем Георгий Гика назначил Милеску Спафария своим политическим представителем (капикихаей) в Константинополе при правительстве Османской империи. Здесь он сблизился с общественнополитическими деятелями (иерусалимским патриархом Досифеем, великим драгоманом Оттоманской Порты Н. Панагиотом и др.), которые боролись за освобождение христианских государств от ига османских захватчиков, выступали против католического влияния на Востоке и являлись сторонниками укрепления дружественных связей Молдавии и других придунайских стран с Россией. В 1664 г. началась война между Турцией и Польшей. Валашский господарь перешел на сторону Польши, выступив против турецкого правительства. В связи с этими событиями Милеску Спафарий в 1664 г. был вынужден покинуть Константинополь и, чтобы избежать преследования со стороны своих политических противников, переселиться в Бранденбург (Берлин), но по требованию польского короля, знавшего, что Милеску Спафарий является сторонником идеи союза Молдавии и Русского государства, курфюрст Бранденбурга объявил Милеску Спафария «персоной нон грата», и тот отправился в Померанию, где тогда в Шеттине жил бывший молдавский господарь Георгий Стефан. Он назначил Милеску Спафария своим доверенным лицом к шведскому королю в Стокгольме. В этот же период (июль 1667 г.) Милеску Спафарий по поручению Георгия Стефана, шведского короля Карла XI и французского посла в Швеции Арно де Помпонна побывал с дипломатической миссией в Париже, где вел переговоры о создании Лиги христианских государств против Османской империи (см. 31).

После продолжительных скитаний по странам Западной Европы Милеску Спафарий в 1668 г. возвращается в Молдавию, откуда вскоре отправляется в Валахию, а затем в Константинополь и Адрианополь.

Между тем в Восточной и Юго-Восточной Европе четко обозначились глубокие политические противоречия, требовавшие своего разрешения. Дело в том, что в результате социальноэкономического развития России в первой половине XVII в. перед ней встала насущная необходимость выйти к Черному и Балтийскому морям, без чего невозможно было расширение внешнеторговых связей страны, в том числе со странами Средиземноморья. Поскольку выход к Черному морю был закрыт Османской империей, перед царской Россией встала задача сперва вытеснить турецких завоевателей из Северного Причерноморья. Отсюда многочисленные и кровопролитные

русско-турецкие войны, начавшиеся во второй половине XVII в. и продолжавшиеся свыше двухсот лет. В дальнейшем царское правительство преследовало цель захватить Константинополь и проливы Босфор и Дарданеллы. По своим субъективным целям русско-турецкие войны были агрессивными.

В. И. Ленин со всей определенностью подчеркивал: «И к завоеванию Константинополя, и к завоеванию все большей части Азии царизм стремится веками, систематически проводя соответствующую политику и используя для этого всяческие противоречия и столкновения между великими державами» (2, *30*, 186). Эти войны сыграли решающую роль в истории многих стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Для балканских народов они имели положительные последствия: победоносные кампании русских войск значительно ослабили Османскую империю и способствовали обретению независимости балканскими народами.

Народы Балканского полуострова хорошо понимали, что без военного разгрома Османской империи им не сбросить цепей иноземного рабства. Они, естественно, обращали свои взоры к России, чьи непримиримые противоречия с султанской Турцией могли быть разрешены только оружием. Растущая мощь России вселяла в балканские народы уверенность в неминуемый разгром ею турецкой армии (см. 88, 70–72). Вот почему, как на это указывал Ф. Энгельс в 1853 г., «девять десятых населения Европейской Турции будет видеть в России свою единственную опору, свою освободительницу, своего мессию… *своего естественного… покровителя».* И это с тем большим основанием, что «русская помощь являлась единственным прибежищем от турецкого гнета» (1, 9, 32). Сказанное в полной мере касалось молдавского народа, сокровенным чаянием которого было освобождение от турецкого ига. Одним из выразителей этих чаяний молдавского и других угнетенных придунайских народов и явился Милеску Спафарий. В течение ряда лет лично общавшийся с государственными деятелями многих стран Западной Европы, он убедился в том, что западноевропейские страны (особенно Англия и Франция), заинтересованные в получении огромных барышей от своей торговли с Османской империей, не намерены начинать военные действия против нее. Будучи опытным дипломатом и прозорливым политиком, Милеску Спафарий правильно определил создавшееся международное положение и объективно освободительную роль России по отношению к балканским народам. Поэтому он и обращает свои взоры к могучей восточной державе.

Московский царь Алексей Михайлович, который поддерживал

тесные связи с иерусалимским патриархом Досифеем, попросил последнего направить к нему человека, хорошо владеющего иностранными языками, в качестве переводчика Посольского приказа, а также для перевода книг с греческого и латинского языков. Досифей считал, что наиболее подходящим для такой миссии является Милеску Спафарий, и предложил ему поехать в Россию. Движимый мыслью упрочения связей Молдавии с Русским государством, Милеску Спафарий с радостью принял это предложение и с рекомендательными письмами к царю Алексею Михайловичу от патриарха Досифея и драгомана Н. Панагиота отправился в Москву. В своем письме патриарх Досифей писал, что он рекомендует Милеску Спафария как «человека премудраго в латинском и словенском, а наипаче в еллинском языцех и русский может скоро выучить и готов есть переводить; дивен есть добрым писанием… есть яко гронограф, в котором содержатся всякие дела вселенныя…», а поэтому может быть весьма полезным в России (50, 193). В начале марта 1671 г. Милеску Спафарий выехал из Адрианополя в Россию через Венгрию и Польшу. В Варшаве он пробыл три недели и был принят польским королем. 3 июня 1671 г. Милеску Спафарий прибыл в Москву.

Русское правительство было заинтересовано в том, чтобы иметь специалистов по восточным вопросам, хорошо знающих положение в Османской империи. Одним из таких специалистов и являлся Милеску Спафарий. В конце 1671 г. он был назначен переводчиком Посольского приказа с эллинского (греческого), латинского и волошского (молдавского) языков и записан по Московскому списку, что было важной служебной привилегией, дававшей Милеску Спафарию старшинство между прочими переводчиками, которые обыкновенно записывались по иноземному списку. Вскоре он занимает почетное место среди переводчиков и приглашается в качестве «старейшего» к парю. В то же время Милеску Спафарню было положено довольно значительное по тому времени жалованье, а впоследствии пожаловано и небольшое поместье (72, 19). Между Милеску Спафарием и начальником Посольского приказа А. С. Матвеевым, а впоследствии В. В. Голицыным и Ф. А. Головиным устанавливаются дружеские отношения. Будучи высокообразованным человеком, знакомым с политической обстановкой в Османской империи и на Западе, Милеску Спафарий часто обсуждает с этими видными политическими деятелями дипломатические вопросы, а также вопросы государственного управления и распространения просвещения в России.

Отдавая свои знания и силы укреплению Русского

государства, Милеску Спафарий не забывает и своей родины и активно содействует развитию русско-молдавской дружбы. С этой целью он поддерживает постоянную связь с прогрессивными общественно-политическими и культурными деятелями Молдавии, стремившимися к русско-молдавскому сближению. Когда в феврале 1674 г. в Москву приехали послы молдавского и валашского господарей (Стефана Петричейку и Георгия Гика) с просьбой об избавлении княжеств от османских угнетателей и о принятии их в подданство России, то для более верного успеха переговоров господари и бояре обратились также с особыми письмами к Милеску Спафарию. В этих письмах они просили его всемерно способствовать тому, чтобы княжества были приняты под покровительство России, а также чтобы он был их политическим представителем в Москве (см. 56, 341–343). В ответ на просьбу господарей царь Алексей Михайлович дал согласие принять Молдавию и Валахию в русское подданство и защитить их своими войсками от османских поработителей, а также предоставить им денежную помощь. Но турецкое правительство, узнав об этих тайных переговорах, сместило господарей. В 1679 г.

Милеску Спафарий снова принимает активное участие в политических сношениях русского правительства с Молдавией в связи с приездом полномочного представителя молдавского господаря капитана Ивана Белевича по вопросу о посредничестве Молдавии в целях заключения мирного договора между Россией и Турцией. Молдавский господарь Г. Дука просил Милеску Спафария оказать содействие Белевичу в предстоящих переговорах (см. там же, 347). Россия в то время была заинтересована в заключении мира с Турцией, и московское правительство положительно отнеслось к посредничеству молдавского господаря. Милеску Спафарий по существу становится основным посредником в сношениях между Молдавией и Россией. Помимо содействия, которое он оказывал обеим сторонам в целях укрепления русско-молдавской дружбы, Милеску Спафарий с помощью своих родственников и друзей из Молдавии добывает сведения политического и военного характера, представлявшие огромную ценность для русского государства. Так, родственники заблаговременно сообщили ему о приготовлениях Турции к войне с Россией. Они же доставляли ему ценные сведения о политическом положении Османской империи. Милеску Спафарий содействует также развитию культуры и просвещения в Молдавии. Он ведет оживленную переписку с деятелями молдавской культуры, выполняет их поручения в Москве. Так, он подготовил почву для благоприятного отклика на просьбу Досифея прислать из Москвы

в Молдавию оборудование для типографии (см. 32, 50–51).

Большая и многосторонняя общественно-политическая деятельность Милеску Спафария обратила на него внимание московского правительства, и он был назначен главой русского посольства, направленного в Китай. Решение о направлении в Пекин полномочного посольства было принято московским правительством в феврале 1673 г. При этом правительство не установило заранее точного ранга своего представителя. Оно позволило Милеску Спафарию исходить из обстоятельств при Цинском дворе. В случае если цинский император согласился бы принять его лично, Милеску Спафарий должен был именоваться послом; если же переговоры происходили бы с представителями Цинского двора, то он должен был выступать как посланник. Подготовка посольства Милеску Спафария заняла два года. Будущий посол изучил дела всех предыдущих посольств и поездок в Китай, а также собрал всю имевшуюся в Москве информацию о путях в столицу Цинской империи (87, 18). В Посольском приказе для Милеску Спафария была составлена выписка о Китайском государстве, материалом для которой послужили сочинения миссионеров-иезуитов и донесения русских землепроходцев. В ней говорилось, что на восток от Китая находится «остров зело велик имянем Иапония», на юго-востоке «лежит остров имянем Фромоза», а на юге соседом Китая является Индия, «а на западе порубежный с Китайским государством суть степи пустые, в которых кочуют многих народов калмыцких и татарских. А на северную страну живут татары мугальские, которые и прошлого году присылали послов своих и ныне к великому государю, к его царскому величеству, посылают, а с тем Муганским есть порубежное царство Сибирское» (там же, 331–332). В наказ послу вменялось в обязанность, чтобы он обо всем том «проведал имянно и в статейный список написал» (там же, 345).

Дипломатические отношения между Россией и Китаем в то время только устанавливались. При этом русским дипломатам приходилось иметь дело не с самими китайцами, а с маньчжурами, завоевавшими Китай. В 1644 г. в Китае водворилась маньчжурская династия Цинов. С установлением маньчжурского господства в Китае связям между двумя странами был нанесен ущерб. Цинская монархия вопреки коренным интересам китайского народа проводила по отношению к России враждебную политику. Русские землепроходцы еще в 30-х годах XVII столетия вышли на Амур. В середине XVII в. на обоих берегах Амура и его притоках был построен ряд русских укрепленных городков, вокруг которых быстро вырастали русские поселения.

На Амуре русские люди встретились с независимыми кочевыми и полукочевыми племенами эвенков, дауров, дючеров и нивхов, но не нашли здесь поселений китайцев или маньчжуров и их администрации. Эти области никогда не входили в состав Китайского государства. Цинская монархия развивала внешнюю экспансию, одной из сфер которой стало Приамурье. Захватывая земли приамурских племен, маньчжуро-китайские войска столкнулись с русскими. Цинские войска нападали на русские поселения и разрушали их. Русское правительство стремилось установить дружественные отношения с Цииской империей. С этой целью оно направило в Пекин несколько посольств, но их усилия были безуспешными.

Маньчжурские завоеватели еще не утвердились окончательно в захваченной ими стране и опасались, что иностранцы могут способствовать росту недовольства китайского народа маньчжурским владычеством. Поэтому они проводили политику строгой изоляции в области дипломатических отношений и ограничений во внешней торговле. Цинское правительство очень редко посылало послов за границу, считая правителей всех прочих стран своими вассалами. Следуя традиционной древнекитайской концепции о господстве императора — Сына Неба — над народами Поднебесной и рассматривая Китай центром всего мира, а другие народы варварами, цинские сановники сообщали населению о приезде иностранных послов не иначе как о прибытии данников. При приеме иностранных послов они стремились всячески подчеркнуть подчиненное по отношению к богдыхану положение их правителей, требовали от представителей иностранных государств исполнения различного рода унизительных церемоний. Так, согласно обряду «коутоу», иностранный посол при пересечении границы Цинской империи, а также во время аудиенции у богдыхана должен был трижды встать на колени и, коснувшись лбом земли, простереться ниц. Унизительные церемонии нередко служили причиной серьезных трений между цинскими чиновниками и иностранными послами, препятствуя установлению нормальных отношений между Китаем и иностранными государствами (см. 79, 48).

Главной целью посольства Милеску Спафария было установление регулярных дипломатических и торговых отношений с Цинской империей, а также поиски наиболее удобных путей в Китай для посольств и торговых караванов. В связи с этим русскому правительству необходимо было урегулировать пограничные конфликты на русско-китайской приамурской границе, уточнить пограничную линию, иметь подробное описание Сибири и Китая, а также обстоятельные и

точные сведения о кратчайшем пути в Китай. В царской грамоте от 28 февраля 1675 г., переданной Милеску Спафарию для вручения цинскому императору, говорилось, что русский царь желает с ним, как с «наилюбезнейшим соседом, быти в приятной дружбе и любви» и непрерывной переписке. Милеску Спафарию был дан наказ всячески убеждать китайских купцов приезжать в Россию со своими товарами, обнадеживая их льготами от русского правительства (см. 87, 333–334). Кроме дипломатических и торговых поручений посольство Милеску Спафария имело также и специальные научные задачи. Это подтверждается тем, что в его состав должны были войти специалисты «для изыскивания тамошних лекарств и всякого коренья», «для знатия каменья», т. е. люди, знакомые с ботаникой, медициной, минералогией, географией и картографией. В действительности не все эти специалисты вошли в состав посольства. Посольство взяло с собой различные астрономические инструменты, компасы и книги, в которых «описано государство Китайское и лексикон китайской» (там же, 321).

Посольство, в состав которого вместе с вооруженной охраной входило 150 человек, выехало из Москвы 3 марта 1675 г. и через Тобольск, Енисейский, Селенгинский и Даурский остроги направилось в Китай.

В Тобольске Милеску Спафарий встретился с Ю. Крижаничем[7], который в то время находился там в ссылке. На протяжении всего времени пребывания посольства в Тобольске с конца марта до начала мая 1675 г. они ежедневно встречались друг с другом. Крижанич пишет: Милеску Спафарий «на приезду в первый день есть обо мне спросил; пять недель есть зде постоял, а ни единого обеда, ни вечери без меня не ел» (цит. по: 42, 142). Крижанич оказал помощь посольству как в организации экспедиции, так и в снабжении ее необходимым материалом. В своей челобитной царю Федору Алексеевичу от 9 октября 1676 г. Крижанич писал, что он «к его (Спафария. — *Д. У.*) посольству верно поработал» и перевел для него на латинский язык к «едну холандским языком напечатану велику книгу об посольству, како суть Холандци пред 8 летми в Китаю пословали» (там же, 142). Речь шла об описании посольства голландцев в Китае в 1666–1668 гг., взятом Милеску Спафарием из Москвы. В той же челобитной Крижанич указывает, что он дал Милеску Спафарию «переписать свою книгу, которую… издавна об Китайских делах из всяких повестей собирал, а наипаче от себя по философии придумал. А в ней об заводу много корыстного с Китайским кральеством торга, и как можно через таков торг и чрез иные

изрядные промыслы государевой казне значну прибыль учинить» (там же, 177). Кроме того, по словам Крижанича, он сообщил Милеску Спафарию свои сведения о Сибири и сибирских путях в Китай. Таким образом, Ю. Крижанич не только содействовал посольству Милеску Спафария в Китай, но и не исключена также возможность, что при написании своего сочинения о Китайском государстве Милеску Спафарий частично использовал материалы Крижанича.

Вопрос о дальнейшем маршруте посольства из Тобольска в Китай был тщательно изучен послом вместе с тобольским воеводой, который допросил об этом людей, ранее ездивших в Китай по торговым делам.

Какое огромное внимание уделяло русское правительство посольству Милеску Спафария в Китай, видно из того, что сибирским воеводам было дано указание оснастить посольство всем необходимым для длительной поездки и обеспечить его безопасность в связи с возможными нападениями кочевых племен. Ряд писем и грамот сибирских воевод и казаков в Посольский приказ и непосредственно царю Федору Алексеевичу свидетельствует о том, что ими были приняты необходимые меры для обеспечения безопасности посольства (см. 80).

Прибыв в Нерчинск, посол отдает распоряжение местным властям воздержаться от каких-либо действий, могущих помешать его переговорам в Пекине. Здесь же в Нерчинске к нему явился весьма влиятельный среди местных кочевых племен эвенкийский князь Гантимур с просьбой не выдавать его маньчжурам. Князь Гантимур перешел в русское подданство в 1651 г. Однако до 1667 г. он, стараясь не ссориться с Цинами, считался также и их подданным. Когда же цинские власти приказали ему воевать против русских, он порвал свои связи с Цинской империей и перешел на сторону России. Опасаясь претензий Гантимура на его владения, оставшиеся в Китае, и влияния его на племена, переселенные в глубь Маньчжурии, цинское правительство вплоть до заключения Нерчинского договора требовало выдать Гантимура. Со стороны России не было попыток использовать Гантимура для территориальных претензий (см. 87, 557).

Из Нерчинска Милеску Спафарий в сопровождении служилых людей и купцов отправляется в Китай через Маньчжурию и 15 мая 1676 г. прибывает в Пекин. Во время предварительных переговоров разгорелись длительные споры о посольском церемониале. Маньчжурские власти пытались навязать русскому послу унизительный церемониал и потребовали передачи царской грамоты не самому богдыхану, а цинским чиновникам.

При этом асханьи амбань (член правительственного совета), ведший предварительные переговоры с Милеску Спафарием, заявил, что если в царской грамоте содержатся «какие грозы или непристойные речи приказаны», то ему велено русского посла «прогнать назад тотчас», а самому «собирати войско, сколько мочно, великое, и итить под Нерчинской и под Албазинской остроги и их до основания разорить, потому что ведаем, по скольку человек живет в них» (там же, 373). В ответ на эту угрозу Милеску Спафарий спокойно ответил: «А мы войною не хвалимся, а бою и их не боимся ж. Наш великий государь не желает войны и ссоры, но желает с бугдыхановым величеством великий государь дружбу и любовь, и для того послал меня». Что же касается Нерчинска и Албазина, то в них людей «потому мало, что больши не надобно того, а, как будет надобно, есть у великого государя великое множество рати, что в год мочно наполнитца всему Амуру» (там же).

Переговоры с цинским правительством, ход которых изложен Милеску Спафарием в его «Статейном описке», длились с мая по сентябрь 1676 г. Хотя русский посол и пошел на некоторые уступки в области церемониала и был принят императором (в честь русского посла богдыхан даже устроил прием), но в целом посольство успеха не имело. На все предложения русских об установлении нормальных политических и торговых связей цинское правительство ответило отказом.

Цинские сановники весьма недружелюбно отнеслись к личному составу русского посольства. Почти во все время пребывания русского посольства в Пекине оно по сути находилось под арестом, и цинские вельможи всячески над ним издевались, не давая возможности служилым людям не только общаться с населением, но даже покупать продовольствие. Во время предварительных переговоров Милеску Спафарий заявил асханьи амбань: «По многим дням многие разговоры учинились, и ис тех видит он и сам, что они от своего предложения не хотят отступить, для того чтоб не учинилась равность меж обеих великих государей, да и он, посланник, отступити от указу не смеет, потому что от царского величества жестоко наказан будет; и понеже у бугдыханова величества обычай потребный и честнее есть, нежели дружба царского величества, и посольство, как ведется у всех государей, не принимает, чтоб указал вольность нашим людем дати ходить вон и торговать, что надобно, потому что столько дней живем будто в тюрьме и за затворенными воротами живем…» (там же, 386). Далее в «Статейном списке» Милеску Спафарий отмечает: «А во все тех днях (конец мая. — *Д. У.*) были жары великие, и служилые люди от того и от худые воды

половино были больны. А ворота были все заперты и смотрить за ворота никово не пускали. А съестное продавали караульщики тройною ценою, а караульщики были холопи боярские» (там же, 387).

Таким образом, если московское правительство стремилось наладить нормальные политические и торговые взаимоотношения, то Цинская империя не желала установления таких связей на равноправной основе. В силу самонадеянных великодержавных взглядов маньчжуров на окружающие государства и народы как на «варварские», обязанные подчиняться «повелениям» правителей империи Цин, цинское правительство отказывалось от установления добрососедских отношений с Русским государством. Русского царя оно приравняло к одному из вассальных князей, платящему дань китайскому богдыхану, а от Милеску Спафария требовало выполнения ряда унизительных церемоний.

Милеску Спафарий показал себя истинным патриотом своей родины, умным и неустрашимым дипломатом. Хотя Милеску Спафарий и пошел на некоторые уступки в области придворного церемониала, он не допустил, чтобы ему навязали процедуру, которая принизила бы государя великой державы и уронила бы достоинство посла России. Отказом выполнить во время приема посольства у богдыхана эти унизительные церемонии Милеску Спафарий подчеркивал величие Русского государства, указывая, что он может выполнить лишь то, что свойственно общепринятым международным нормам, что русский царь не менее велик, чем китайский, а поэтому русского посла должны принимать в Китае со всеми почестями, как представителя великого Русского государства.

В «Китайской реляции о посольстве Николая Спафария в Китай» говорится, что «русский белый царь, ища просвещения [китайского] императора, отправил [своего] сановника и послал [его таким образом] доставить в дань местные произведения и спросить об Высочайшем здравии, но прибывший посол Николай — [человек] весьма не знающий церемоний и упрямый. Если рассмотреть его слова и наружность, то он вовсе не покоряется законам нашего великого государства» (64, 25).

Под тем предлогом, что русский царь не соглашался выдать китайскому богдыхану перешедшего в русское подданство эвенкийского князя Гантимура, а Милеску Спафарий не принял придворный церемониал, цинские чиновники отказали ему в ответной грамоте китайского богдыхана русскому царю. Они заявили, что цинское правительство не только не желает устанавливать дипломатическую переписку, но не будет больше

принимать ни послов, ни гонцов, ни торговых людей из России, пока русским царем не будут исполнены три следующих условия: «1-е, чтоб Гантимура послал сюды с послом своим; 2-е, чтоб тот посол был самой разумной и чтоб он делал все, что прикажем по нашему обычаю, и в ни чем не противился; 3-е, чтоб все порубежные места, где живут вашего великого государя порубежные люди, жили всегда смирно» (87, 21). После того как цинские власти отказались от дальнейших переговоров, Милеску Спафарий с составом посольства 1 сентября 1676 г. покидает Пекин и 5 января 1678 г. возвращается в Москву. В действительности выдача Гантимура и не выполнение Милеску Спафарием некоторых церемоний были формальным поводом срыва переговоров. Настоящей причиной неудачи этих переговоров была агрессивность Цинской империи по отношению к России и стремление ее правительства очистить Приамурье от русских. Требование цинского правительства возвратить Гантимура и его многочисленный род носило тактический характер. Если бы Гантимура вернули, то вслед за ним вернулось бы в Маньчжурию и остальное ясачное[8] население этого края. Если же это требование московское правительство отклонит, то у цинского правительства появится удобный предлог для объявления войны. Эти сведения Милеску Спафарий получил от миссионеров. В своем «Статейном списке» он, ссылаясь на приставленного к нему иезуита, служившего при цинском дворе, указывает: «И иезуит же говорил втайне посланнику под клятвою, что у богдыхана такое есть намерение, буде царское величество не даст мужика того Гайтимура, а он станет сыскать его войною, также хочет воевать порубежные крепости, Албазинской и Нерчинской» (87, 433).

Отказ цинского правительства от установления нормальных политических и торговых связей с Россией, его стремление к политике изоляции в этот период обусловливались также слабостью стоявшей у власти маньчжурской верхушки. Маньчжурские завоеватели боялись и китайского народа, и соседей Китая. Это подтверждается теми сведениями о внутреннем положении Китая, которые собрал Милеску Спафарий. Миссионеры-иезуиты, пользовавшиеся большим влиянием при пекинском дворе, рассказали ему, что «лутчие были страны китайские и богатые, те изменили недавно, чють не половина царства, и беспрестанно службы бывают, только бог ведает, на чем окончится то дело, а они (маньчжуры. — *Д. У.*) опасаютца, чтоб не выгнаны были опять от китайцев». Страшась «бунта и измены», маньчжуры выселяли китайцев даже из Пекина. «А опасаютца они и мунгалов, которые живут за стеною, также и

калмаков, потому что завидуют им, для того что народ малой, а такое великое царство обовладели» (87,406).

Что касается реакции на прибытие русского посольства, то она была двойственной. «А про посольство нынешнее сказали, — писал Милеску Спафарий, — что они и ради и не ради богдойские (маньчжуры. — *Д. У.*). И ради они для того, как услышат неприятели их, киканцы (китайцы. — *Д. У.*), что от такого славного государя пришло посольство с великою дружбою, и будут опасны о том, чтоб великий государь не дал помощи богдойским. А не ради они опять для того, что уже рубеж царского величества к их рубежу приближился подлинно, и от того они имеют великое опасение, потому что прежде сего они чаяли, что те русы, которые к ним ходят с торгом, также и те, которые живут близ рубежей их, что они все беглецы, а не ево великого государя прямые люди; да и отнюдь не верили, что столь пространное Российское царство, чтоб подошло под их государство. Да и они, иезуиты, сами удивляютца о том, и прежде сего не верили, потому что из Московского царства до Пежина четвертая часть света есть. А ныне и они верят…» (там же).

Хотя посольство Милеску Спафария и не добилось дипломатических успехов в связи с агрессивностью Цинской империи, однако оно внесло существенный вклад в дело ознакомления русских людей с китайским народом, с его культурой и обычаями. Милеску Спафарий ратовал за установление экономических и культурных связей между Россией и Китаем, указывая на взаимную выгоду таких связей для обеих сторон, и призывал русских глубже изучать историю и жизнь китайского народа. Посольство доставило богатейшие географические и другие сведения о Сибири и Китае. Это особенно важно подчеркнуть потому, что уровень европейских знаний о Сибири в XVII в. был крайне низким. Что касается Китая, то сведения о нем в Москве и в Западной Европе порой носили фантастический характер.

Перед отъездом из Пекина Милеску Спафария китайские художники написали два его портрета, которые до сих пор, к сожалению, не найдены (87, 563).

Возвратившись в Москву, Милеску Спафарий представил русскому правительству дорожный дневник следования по Сибири, статейный список (отчет посла) и особую книгу, посвященную описанию Китая, а также чертеж (карту).

На обратном пути из Пекина в Москву Милеску Спафарию уже в дороге пришлось испытать изменение обстановки в правящих кругах России. В 1676 г. умер царь Алексей Михайлович и воцарился его сын Федор Алексеевич. Покровитель

Милеску Спафария начальник Посольского приказа боярин А. С. Матвеев был сослан в Пустозерск. В связи с этими событиями изменилось отношение и к посольству. В Енисейске участников посольства подвергли грубому обыску и задержали (26, 8). Непосредственно после возвращения посольства из Китая было начато следствие, поводом для которого послужил донос переводчика С. Безобразова, поданный им летом 1677 г. в Енисейскую приказную избу[9]. Участник посольства С. Безобразов обвинил Милеску Спафария в различных злоупотреблениях и упущениях. Произведенное расследование установило необоснованность выдвинутых против него обвинений. В посольской части нарекания были вызваны тщательным выполнением послом всех пунктов наказной памяти, данной из Посольского приказа Н. Милеску Спафарию и остававшейся секретной для остальных членов посольства (например, отказ отдать царскую грамоту маньчжурским чиновникам). В Сибирском приказе Милеску Спафарию учинили строгие и длительные «распросы». Реакционные духовенство и боярство обвинили Милеску Спафария и его покровителя боярина А. С. Матвеева в «чернокнижии». По возвращении из Китая Милеску Спафарий был отстранен от должности переводчика Посольского приказа. Только к 1683 г. ему удалось полностью оправдаться, но уже в сентябре 1679 г. он был зачислен на прежнюю должность переводчика Посольского приказа (см. 87, 564–565).

О последних годах жизни и деятельности Милеску Спафария сохранилось сравнительно мало сведений. Известно, что при Петре I он продолжал работать в области просвещения, поддерживал связи с общественно-политическими деятелями Молдавии, а также со многими общественно-политическими деятелями и учеными Запада и Востока, принимал активное участие в сношениях русского правительства с иностранными государствами. Эти сведения подтверждаются рядом документов. Известно, что в 1679 г. Милеску Спафарию было поручено подготовить дипломатические документы для русского посольства, направляемого к императору Австрии Леопольду (см. 81, 5, 729). В 1684 г. Милеску Спафарий участвует в переговорах русского правительства со шведским посольством в Москве. В этом же году он переводит на русский язык секретные документы дипломатического посольства Леопольда I, направленного императором в Россию.

В летописи Некулче есть указание о том, что Милеску Спафарий был одним из учителей царевича Петра, а также советником царя Алексея Михайловича, а впоследствии Петра I

по восточным вопросам (см. 110, 75–77). Его рекомендовали деканом Славяно-греко-латинской академии в Москве.

В 1694 г. Милеску Спафарий был назначен постоянным русским послом («резидентом») в Польшу, но в связи с изменением политической обстановки в Варшаву не выехал. В 1695 г. он участвует в качестве переводчика и советника Петра I в походе на Азов (см. 43, 141–143). Об огромном доверии Петра I к Милеску Спафарию говорит и то, что он принимал участие в составлении секретных писем царя польскому королю Собесскому (1695), императору Леопольду I (1696) и дожу Венеции (1699) (см. 81, 7, 1358). Следует отметить, что эти документы имели большое политическое значение, так как были связаны с переговорами о создании Лиги христианских государств против Османской империи.

В 1691 г. иерусалимский патриарх Досифей написал письмо Петру I, в котором давал анализ политической обстановки на Балканах и обращался с просьбой к русскому царю об оказании помощи угнетенным османскими захватчиками народам в их освободительной борьбе. Досифей просил Петра I хранить это письмо в строгом секрете и ознакомить с его содержанием лишь Милеску Спафария (см. 92, 1143–1145).

О большой и многосторонней деятельности Милеску Спафария свидетельствует также его связь с общественно-политическими деятелями Армении, находившейся тогда под игом феодальной Персии. Документы подтверждают, что в 1701–1708 гг. он принимал участие в сношениях русского правительства с армянскими политическими и общественными деятелями с целью оказания Россией помощи в освобождении армянского народа от иноземного ига (см. 32, 57–59).

Приведенные факты являются ярким доказательством того, что Милеску Спафарий был в курсе всей восточной политики Русского государства и являлся одним из советников Петра I по восточным вопросам. Он был сторонником реформ Петра I, направленных на развитие экономики и культуры и укрепление государства. Петр I высоко ценил деятельность Милеску Спафария, о чем говорит и награждение его в 1683 г. (см. 87, 521–522).

Таким образом, дипломатическая деятельность Милеску Спафария была направлена на укрепление и развитие дружбы между Молдавией и Россией, на укрепление Русского централизованного государства и освобождение молдавского народа от ига Османской империи. Как русский посол в Китае, он добился некоторых успехов по сравнению с предыдущими русскими и западноевропейскими посольствами. Милеску

Спафарий был принят цинским императором без выполнения унизительного церемониала «коутоу», его длительные переговоры в Пекине способствовали взаимному ознакомлению сторон; он внес существенный вклад в составление русской общественностью понятия о современном ему китайском государстве и в установление русско-китайских дипломатических и торговых отношений.

Ознакомившись с результатами посольства Милеску Спафария в Цинскую империю в 1675–1678 гг., московское правительство решило продолжать строительство острогов и «обьясачивание» местных племен в Приамурье, не позволяя в то же время служилым и промышленным людям совершать походы в районы правобережья, уже занятые маньчжурами. Вопрос о разрешении противоречий между Русским государством и маньчжурской Цинской империей явился основным для русской и маньчжурской дипломатии последующего периода, закончившегося подписанием в 1689 г. Нерчинском договора (см. там же, 21).

Глава III. Ученый-просветитель

Наряду с дипломатической деятельностью Н. Милеску Спафарий занимался также научной работой, переводами, педагогической практикой, активно участвовал в общественной жизни Молдавии и России.

Сведения о его научной работе в Молдавии весьма скудны. Известно только, что в 1655 г. Милеску Спафарий исследовал архивы библиотеки старейшего молдавского монастыря — Нямецкого (ныне расположенного на территории СРР. — *Д. У.*), где обнаружил ценные документы по истории Молдавии, в частности переписку византийского императора Иоанна Палеолога с молдавским господарем Александром Добрым (первая треть XV в.). На основании этих документов он написал сказание о богородичной иконе Нямецкого монастыря[10]. Во время пребывания в Константинополе с 1660 по 1664 г. Милеску Спафарий занимался не только политической, но и научной деятельностью, а также переводами. Здесь он впервые перевел с греческого на румынский язык Библию[11] (106).

В Берлине, Шеттине и Стокгольме (1664–1668) Н. Милеску Спафарий занимается историей, литературой, латинским языком и богословием. В 1667 г. по предложению французского посла в Швеции Арно де Помпонна он пишет на латинском языке богословский трактат, изданный в Париже в 1669 г. (27). Этот трактат написан в защиту таинства пресуществления святых даров и его истолкования Кириллом Лукарисом в споре с кальвинистами. В нем Милеску Спафарий характеризует обычаи и веру молдаван, валахов, русских, греков и доказывает, что между православием и протестантизмом мет ничего общего. Протестант Клод опубликовал ответ на эту статью, в котором опровергает доводы Милеску Спафария и обвиняет его в отходе от православия и в приверженности католицизму (см. 116).

Наиболее плодотворно научная и общественно-политическая деятельность Милеску Спафария развернулась после его переезда в Россию. Здесь он пишет ряд книг, готовит для Славяно-греко-латинской академии и училищ в Москве греческие и латинские учебники, обучает иностранным языкам сыновей боярина Матвеева и князя Черкасского, принимает участие в выборе преподавателей для Славяно-греко-латинской академии, переводит на русский язык полемические сочинения,

направленные против папы римского, и т. п. Есть также сведения о том, что он готовил греко-латино-славянский лексикон.

Милеску Спафарий написал на русском языке свыше 30 разнообразных по своему характеру сочинений, а также перевел много книг с латинского и греческого языков. Он приехал в Москву в то время, когда Посольский приказ по инициативе его главы А. С. Матвеева начал «строить» книги светского содержания. Кроме авторов-составителей в их «строении» участвовали писцы, золотописцы, художники, переплетчики, ювелиры. Эти книги предназначались для поднесения в царский дом. Несколько таких книг А. С. Матвеев заказал Милеску Спафарию. В связи с тем что Милеску Спафарий владел русским языком еще недостаточно свободно, заказанные книги он составлял вместе с подьячим Петром Долгово, который, очевидно, выполнял для писателя значительную часть подготовительной работы. «А слагал те книги и сбирал из различных книг Посольского приказу еллино-греческого языку переводчик Николай Спафарий да подьячей Петр Долгово», — указывается в документах (26, 5).

Сочинения Милеску Спафария в свое время были весьма популярны. Сначала официально подготавливались два списка: один — в царский дом, другой — для Посольского приказа. Со временем все трактаты Милеску Спафария разошлись. Многие из них неоднократно переписывались, о чем свидетельствуют сохранившиеся до нашего времени рукописные списки-копии. Большинство трактатов Милеску Спафария осталось в рукописях; некоторые из них полностью или частично публиковались в XIX и начале XX в. Значительное число его сочинений опубликовано в советское время на русском и молдавском языках.

Ряд трактатов Милеску Спафария имеет компилятивный характер. Составляя их, автор обращался ко многим источникам, в основном греческим и латинским: произведениям исторического жанра, словарям, античным и средневековым философским трактатам, а также сочинениям отцов церкви. Среди них Фалес Милетский («Фалис Милисианин»), Пифагор, Августин, Скалигер, Тертулиан, Гермес Трисмегист («Гермес Тревеличайший») и др. (см. 26, 17). При этом он не только называет философа или историка, но часто указывает и его произведение: «Платон во „Кратиле“ глаголет», «Аристотель во „Метафисику“ пишет», «Гермес Тревеличайший в слове своем „Примандре“ пишет» и т. п.

Следует отметить, что некоторые компилятивные трактаты Милеску Спафария страдают известной внутренней противоречивостью, неотделанностью, недоработанностью,

незавершенностью[12]. Это в известной мере объясняется тем, что автор использовал большое число источников без строгого отбора. Поэтому не все положения в его компилятивных трактатах являются авторскими или непременно разделяемыми им. Однако наряду с противоречивым материалом, заимствованным писателем из источников, в его трудах имеются, как он сам выражается, «различные и пространные толкования». Эти «толкования», безусловно, авторские, самостоятельные. Кроме того, мы считаем, что такой высокообразованный и эрудированный автор, как Милеску Спафарий, заимствовал из различных источников прежде всего те положения, которые в той или иной мере им разделялись.

Милеску Спафарий питал повышенный интерес к истории. Он написал ряд трактатов по всеобщей истории, истории России и Китая. К его историческим сочинениям относятся: «Государственная книга», иначе «Титулярник» или «Корень великих государей царей и великих князей российских» (написана вместе с подъячим Посольского приказа П. Долгово), «Хрисмологион», «Василиологион», «Книга об избрании и венчании на царство царя Михаила Федоровича», «Татарская книжица» и др.

В сочинении «Хрисмологион» (оракул, предсказание, или, как выражался Милеску Спафарий, «предречение»), написанном в 1672 г., излагается свойственная средневековой историографии провиденциалистская концепция о четырех монархиях. Это переработка толкования снов библейского персонажа пророка Даниила с соответствующей поэтикой и символикой образов. Книга состоит из предисловия, особой вступительной части («пролегоменон») и 12 глав. В основном это перевод с греческого оригинала. Однако трактат переведен с весьма значительными дополнениями, сделанными Милеску Спафарием по разным источникам. Даже в самом расположении материала он не всегда следует греческому оригиналу. Греческий текст был взят лишь в основу этого труда, и по этой основе Милеску Спафарий развивал свои соображения и толкования. В предисловии автор пишет, что эта книга с греческого на славянский язык «не токмо переведена, но и на вся главы различная и пространные толкования его многотрудным тщанием приложена» (24, 2). «Толкования» Милеску Спафария самого разнообразного характера и касаются философских, исторических, богословских и даже бытовых вопросов. Эти «толкования» представляют собой особый интерес, ибо выражают взгляды мыслителя на государство и различные исторические события.

Для доказательства своих мыслей Милеску Спафарий

приводит множество примеров и свидетельств. Способы доказательства и сам взгляд на рассматриваемые предметы преимущественно схоластические. Главные доказательства черпаются из Священного писания. Однако значительную роль при этом играют свидетельства и примеры, а также аллегорические толкования и подобия. Свои мысли Милеску Спафарий доказывает и богословски, и философски, обращаясь к авторитетам древнегреческой философии.

Из задуманных автором трех книг «Хрисмологиона» была написана лишь одна (24). Остальные две книги, в одной из которых он намеревался изложить историю Османской империи, остались ненаписанными. В 1841 г. в журнале «Русский вестник» напечатано лишь предисловие к этому трактату под названием «Посвящение царю Алексею Михайловичу книги „Хрисмологион“» (16).

Около 1674 г. Милеску Спафарий написал сочинение «Книга Василиологион»[13] (6), в котором характеризуется деятельность различных ассирийских, персидских, греческих и римских царей, излагается ряд сведений по истории России и Украины.

Милеску Спафарий задумал создать большой труд по истории России. К сожалению, этот замысел ему не удалось осуществить полностью, ибо «Хрисмологион», как уже отмечалось, остался незаконченным, а остальные его работы освещают лишь отдельные периоды истории России. Но к своему задуманному сочинению он написал интересное предисловие, опубликованное в 1871 г. Е. Замысловским в приложениях к книге «Царствование Федора Алексеевича» как анонимное под названием «Предисловие к исторической книге, составленной по велению царя Федора Алексеевича». Это предисловие, как доказал И. Н. Михайловский, принадлежит перу Милеску Спафария (77)[14].

Особое место в богатом литературном наследии Милеску Спафария занимают сочинения научно-справочного, дидактического характера. Среди них «Книга избранная вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах», «Книга о сивиллах», «Арифмология», «Книга иероглифийская». Эти сочинения образуют своеобразный цикл эстетического содержания. Они впервые опубликованы в 1978 г. в Ленинграде под общим названием «Эстетические трактаты»[15]. Характерно, что в этих трудах, как и во многих других своих сочинениях, Милеску Спафарий широко использует античную мифологию.

«Книга избранная вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» написана Н. Милеску Спафарием в 1672 г. В настоящее время известны девять списков этой работы,

и среди них подносной экземпляр[16] с миниатюрами. Это сочинение состоит из предисловия, восьми глав изложения и заключительной части со стихотворным послесловием. В предисловии автор вначале говорит, что «мусы» «от философов того ради изобретены и изображены суть», чтобы удобнее познавалась «сладость» учения, затем перечисляет семь «свободных художеств» («1. Грамматика. 2. Риторика. 3. Диалектика. 4. Арифметика. 5. Мусика. 6. Геометрия. 7. Астрология») и семь «служительных художеств» («земноорание, лов, воинство, кование, рудометство, ткание, кораблеплавание») и в заключение приводит восемь оснований, т. е. основных положений математических наук (26, 25–27).

Далее он указывает имена муз: «1. Клио. 2. Калиопи. 3. Ерато. 4. Фалиа. 5. Мелпомена. 6. Терпсихора. 7. Евтерпи. 8. Полимниа. 9. Ураниа» — и каждой из них дает краткую характеристику (26, 28). Глава заканчивается стихами Виргилия, посвященными музам и Апполону.

В остальных главах вкратце объясняется сущность каждой из семи «свободных» наук. В этом сравнительно небольшом, но ярко и образно написанном трактате Милеску Спафарий горячо ратует за просвещение и в популярной форме кратко излагает начала современных ему наук, обосновывая необходимость их изучения указанием на практическое их применение. С этой целью он использовал аллегорические образы. Каждая наука — Грамматика, Диалектика, Арифметика, Геометрия, Музыка и другие, являясь аллегорическим персонажем, говорила «от лица своего» и, обращаясь к людям, преподносила им интересные и полезные знания. В трактате кроме девяти муз упоминаются такие герои античной мифологии, как Прометей («Промифус»), Орфей, Паламед, Европа, а также библейские персонажи: Авраам, Давид, Соломон, Моисей, Исайя, Сим и др. «Книга избранная вкратце…» заканчивается следующим стихотворением Милеску Спафария:

> Аполлоне, новыя тебе мусы явно зовут.
> О них же Спатарий рече и остро пишет.
> Прийди, Аполлоне, не жалей Еликона горы.
> И источников древних и лик твой оставити.
> И ясный зде источник и гора паче веселая.
> И мусикою новою всякая веселятся.
> (там же, 47).

Текст этой книги в начале XVIII в. был широко использован в школьном диалоге, или в «Действе о семи свободных науках» (см.

85, 84).

«Книга о сивиллах (Книга о сивиллях, колика быша и киими имяны и о предречении их)» известна в настоящее время в пяти списках, в том числе подносной экземпляр с иллюстрациями. Изложению, или «повести», о сивиллах предпосланы «Предисловие» и «Предглаголапие». В «Предисловии» Милеску Спафарий пишет, что «пророчествие и вящьба» сивилл «простирается во трех начальственных временах, сиречь во прешедшее, настоящее и будущее», но только последнее собственно может быть названо пророчеством (см. 26, 49). «Предглаголание» дает, как выражается автор, «определение философское» и отвечает на вопросы: «аще есть?», «что есть сивилля?», «каково есть сивилля?» и «чесо ради есть сивилля?» Изложение состоит из 12 глав, в каждой из которых говорится об одной из сивилл, причем сначала перечисляются все известные имена сивиллы, затем говорится о происхождении и наружности ее, иногда рассказываются некоторые случаи из жизни и, наконец, приводятся важнейшие «предречения». При этом Милеску Спафарий пишет, что «многая предречения и вящьба древле бываху, обаче между тех всех древнейше, славнейше и истиннейше сивилския проречения быша, понеже все предречения их исполняхуся. И более часть от древних историков еллинов и от древних отпев воспоминают сивилли и стихи их» (там же, 53). Далее следует перечень авторов, которые, как указывает Милеску Спафарий, писали о сивиллах: «…из древних философов писаша о них Платон, Иамвлих, Порфирий и прочии философи академийския… из латинских мудрых о них же писаша Петр Кринит, Кикерон, Плиний… Варо… Корнилий Тацет, Солин, Феностелла, Мартиан Капела, Виргилий, Сергий и инии. Из греков же историков Диодор Сикелианин, Страбон, Суида, Елиан… и от хоистианов и древних отцев греческих Евсевий, Иустин, Климент Александрийский, Стратоник, Куман, Феофил, Коафтолик. Из латинских же отпев Лактаний, Иероним, Августин и прочии» (там же).

В разделе «О сивиллях предглаголание» Милеску Спафарий высказывает требование к литературному произведению: «Яко да чиновне и не смешена будет повесть наша. Чин (порядок. — *Д. У.*) бо свят есть, по философу, всех вещей. Сего ради что ничиновно пишется, то зело темно и неудобь разумно является. Что же чиновне и во своих местах положено, удобь разумно и безтрудно есть» (там же, 54). Интересны высказывания Милеску Спафария о переводе стихов (стихами насыщены все его труды) с греческого на славянский. (Кстати, следует подчеркнуть, что он отлично владел искусством перевода с греческого и латинского на

славянский.) В «Книге о сивиллах» он отмечает, что переводчику не удается сохранить «краеграние», полное символического смысла, с именем Христа. Это «краеграние» утрачивается «скудости ради стихомерения». «Краегранию же, — пишет он, — совершенну быти на славенском языке невозможно множества ради славенских письмен в тых речениях» (там же, 68).

«Книга о сивиллах» не является простым переводом соответствующего трактата с греческого языка, как считают некоторые авторы. В действительности этот труд Милеску Спафария составлен по разным источникам, преимущественно греческим. По приемам изложения он имеет много общего с «Хрисмологионом».

Текст «Книги о сивиллах» выборочно публиковался в XIX в. И. П. Сахаровым, а также служил источником в издании «Словаря русского языка в XI–XVII вв.». Иллюстрации подносного списка «Книги о сивиллах» неоднократно публиковались. Так, миниатюры подносного списка в XIX в. опубликованы в виде контурных прорисей в сочинениях Ф. И. Буслаева и в виде репродукций в советских изданиях (26, 138).

«Арифмология» («Арифмологиа, сиречь числословие, всех яже нас учити могут, числом объемлемое») написана Милеску Спафарием в 1672 г. В настоящее время известны девять ее списков в первой авторской редакции[17]. Сочинение состоит из предисловия, «Начала Арифмологии», «Другого предисловия» и трех частей изложения. Подача основных идей подчинена числовым выражениям («числословию»). Содержание «Арифмологии» разнообразно. Это своеобразная дидактическая энциклопедия. Наряду с материалами религиозного характера и классической мифологии «Арифмология» включает в себя нравственные наставления, правила житейского опыта, а также сведения из различных отраслей знания. В ней автор с гуманистических позиций подвергает резкой критике отдельные стороны феодальной морали. Дореволюционный исследователь работ Милеску Спафария Н. Кедров писал, что «„Арифмология“ преднамеренным методом изложения и выбором содержания может быть поставлена в ряду лучших энциклопедий конца XVII века» (62, 30).

В предисловии Милеску Спафарий обращается к читателю, который «ум благий и острый имеет, ниже отрицает учение» (26, 87). В «Начале Арифмологии», «Другом предисловии» и в первых двух ее частях автор широко использовал древних классических писателей и философов — Гомера, Софокла, Менандра, Ипподама, Сократа, Платона, Аристотеля и др. Третья часть «Арифмологии» представляет собой перевод франкфуртского

издания 1625–1627 гг. сочинения Николая Рейсснера об императорских дивизах и изречениях.

В «Арифмологин» Милеску Спафарий обращается также к персонажам античной мифологии. Здесь им упоминаются подвиги Геракла («дванадесять победы, или труды Ираклисовы»), Афродита, Гидра, Гермес, Герион, Геката, Кербер, Персефона, Тринакрия, киклопы, гарпии, эринии, мойры, хариты, горгоны, гесперид, сирины, химера, тритон, троянские герои — прекрасная Елена и Парис, сфинкс («свинга»), Сцилла («Скила»), Дедал, Икар, сыновья Борея (бореады), Кирка и др. При этом изложение античных мифов автор иногда сопровождает замечаниями: «баснь эллинская», «по Омиру» (Гомеру) и т. п. Наряду с материалом из античной мифологии Милеску Спафарий в «Арифмологии», как и в «Мусах», сообщает сведения о науках и ремеслах, о различных искусствах и учениях. Он перечисляет «свободные художества», отмечает «три художества словесныя», «три виды живописания» («ионический, асиатический, аттический»), «три роды столпов каменных резати», т. е. упоминает о трех архитектурных ордерах с различными капителями: «дорический, иониский, коринфский» (26, 106). Здесь же обосновываются требования к литературным произведениям: «Два во повести смотрити: благочествие и правду» (там же, 90).

В «Арифмологии» Милеску Спафарий говорит о том, что является достойным осмеяния: «Шесть сия всегда суть достойная смеху: 1. Птица морская, иже мнится всю себе сокрывати, егда главу между древесы сокрывает. 2. Лыска птица, яже поглощающи пену емлется. 3. Иже огордевается быти муж крепок, и всегда на войне доблественную славу получити и ни единыя раны в себе имать. 4. Иже глаголет многое страдати во многих злых, обаче лице его всегда благий шар имеет. 5. Дева пренебрегая и укоряя законие обрученного или обручитися хотящаго. 6. Иже плачет безпрестанно ради тех, яже прилучишася и наипаче быти уже невозможно» (там же, 93). И далее: «Три тая весьма суть смеятельная: 1. Глаголати со своим образом. 2. Борбствовати с сению своею. 3. Совет творити со безумным» (там же, 98).

«Книга иероглифийская» (Книга иероглифийская священноваятельна, сиречь тайнописьменная, яко обыкоша египтяне и еллины не письменным, но живописанием неким тайным и премудрым явити высокую мудрость и учение). Этот труд не был завершен писателем. До нас дошли пять списков предисловия и два списка первой главы, в которых речь идет о пространстве и времени, а также о том, как египтяне с помощью иероглифического письма изображали бога, Вселенную, мир,

солнце и др.

Признание того факта, что рассмотренные просветительские сочинения Милеску Спафария являются в основном компилятивными, а следовательно, недостаточно оригинальными, не умаляет их значения как важных памятников эстетической мысли Молдавии и России последней трети XVII столетия.

На творчество Милеску Спафария оказал влияние видный белорусско-русский мыслитель Симеон Полоцкий, с которым он был близок и труды которого были ему знакомы. Сохранилась запись «нечаянной беседы», которую вели в Москве в ноябре 1671 г. Симеон Полоцкий, Епифаний Славинецкий и Паисий Лигарид с Милеску Спафарием (46, 294–301). Беседа велась на латинском и греческом языках в связи с тем, что Милеску Спафарий еще не владел свободно славянским и русским языками. Он сам просил разговаривать с ним по-латыни. Основное содержание беседы — рассуждения участников по разным схоластическим богословским вопросам. При этом, как свидетельствует запись беседы, в ходе полемики положение Милеску Спафария было довольно затруднительным. Это объясняется тем, что хотя его образование и было схоластическим, но оно имело светский характер. По-видимому, у него была недостаточно высокая подготовка по богословию и он знал его лишь постольку, поскольку в средние века наука и образование были проникнуты богословским содержанием. А во время этой беседы ему приходилось отвечать на вопросы признанных богословов, какими были остальные три собеседника (там же). О влиянии Симеона Полоцкого на Милеску Спафария свидетельствует следующее. В середине 80-х годов XVII в. Милеску Спафарий написал сочинение педагогического характера «Предисловие ко пречестнейшему князю П. М. Черкасскому, в чину ученичества возлежащему»[18], в котором он использовал некоторые произведения Симеона Полоцкого (55, 262). Этот труд показывает, что его автор в основном разделял педагогические взгляды Симеона Полоцкого и, так же как и последний, боролся за развитие русской культуры и светское образование.

Наряду с дипломатической деятельностью в Китае Милеску Спафарий изучал историю этой страны, ее государственное устройство, хозяйство, торговлю, природу и природные богатства, население, быт, культуру и искусство. И если до него не было полного описания Сибири и Китая, то он впервые дал не только более или менее подробное, но и, что очень важно, комплексное описание русских владений в Сибири, а также Китайского государства.

В связи с посольством в Китай Милеску Спафарий написал «Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Н. Спафария в 1675 г.» (19) («Дорожный дневник», или «Описание Сибири»), «Статейный список посольства Н. Спафария в Китай (1675–1678 гг.)» (23), («Статейный список»), «Описание первыя части вселенныя именуемой Асии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городы и провинции»[19] (11), («Описание Китая»), «Сказание о великой реке Амуре, которая разгранила русское селение с китайцы» (22), а также «Татарскую книжицу», в которой излагается история войн китайцев с маньчжурами (5). Труды Милеску Спафария «Дорожный дневник» и «Статейный список» впервые были изданы Ю. В. Арсеньевым (30. 34), «Описание Китая» — А. И. Яцимирским и Н. Ф. Катановым (11), а «Сказание о великой реке Амуре»— Г. Спасским (22) и А. Титовым (96).

«Дорожный дневник» Милеску Спафария посвящен описанию пути посольства через Сибирь от Тобольска «до самого рубежа государства Китайского». В нем автор тщательно регистрирует все, что представляет всеобщий интерес. Особое внимание он уделяет описанию рек Иртыша, Оби, Кети и озера Байкал, сведений о котором у европейцев в то время не было. Дневник заканчивается сообщением о встрече русского посольства с цинскими властями на русско-китайской границе.

Следует отметить, что в географических работах XVII в., как правило, содержались не только сведения о природных условиях, но и те, которые по современной научной терминологии относятся к экономической географии и этнографии. Милеску Спафарий, как и другие русские путешественники, в своих работах основное место отводил описанию дорог, рек, лесов, населения и его хозяйства, а также пушным, рыбным и минеральным ресурсам. Это было обусловлено тем, что главной статьей экспорта являлась пушнина, поступавшая в казну в качестве ясака. Экспортировались также лес, смола, поташ и некоторое другое сырье и полуфабрикаты. Процесс создания всероссийского рынка, развитие международных экономических и политических связей Русского государства в XVII в. требовали от правительства сбора и использования сведений географического порядка о различных местностях России, в том числе о Сибири. Присоединение Сибири к Русскому государству длилось много десятилетий. В ходе этого сложного исторического процесса происходили экономическое освоение огромного края, колонизация его, по выражению В. И. Ленина, как «хозяйственной территории» (2, *34*, 368), общение русского населения с местными племенами, развитие здесь русскими земледелия,

строительство городов, разведывание природных богатств.

Милеску Спафарий в значительной степени предвосхитил мысль, которую почти столетие спустя М. В. Ломоносов сформулирует следующим образом: «…российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном» (71, 498). Милеску Спафарий обращает внимание русского правительства на необходимость развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока и предлагает пути экономического освоения этих громадных территорий. В своем «Дорожном дневнике» он пишет, что Сибирь и Приамурье исключительно богаты плодородными землями, строительным лесом, рудами, пушным зверем, имеют многочисленные и удобные водные пути сообщения, и в связи с этим рекомендует в целях разведывания и использования природных богатств строить города, заселять Сибирь и Приамурье русскими людьми, развивать земледелие и организовать там торговлю, как внутреннюю, так и внешнюю, главным образом с Китаем.

Большое внимание Милеску Спафарий уделил описанию «славной» реки Иртыша. Он говорит об особенностях самой реки и ее притоков, о селениях на ее берегах, занятиях и вере жителей этих селений[20]. Указывая, что у европейцев не было даже представления о реке Иртыше, Милеску Спафарий пишет: «Река Иртыш у древних и нынешних греческих и латинских земнописателей[21] неведома есть, оттого что вершины ее истоков из Камени и степью чрез непроходимые места, о которых они и слухом не слыхали, какие реки суть и какие люди живут. И то подлинно есть, что и ничего о той стране (имеется в виду Сибирь. — *Д. У.*) или о реках и о жителях до сего дня не ведают. А страна та, которая превелика есть, от Хвалынского моря и от царства Астраханского начинается, что есть за Волгою рекою, даже до Окияна моря Северного и Ледовитого, и меж Иртыша и Оби реки, и Енисейска, и Тунгуски, и Лены, и Амура даже, и до самого Китайского государства доходит, где превысокие и предолгие стены Китайские суть. А кто и писал что о них, только басни писали, оттого что только слухом слыхали, а никого из искусных не бывало» (21, 32).

Далее Милеску Спафарий отмечает, что вопрос о проведении границы между Европой и Азией решается неправильно европейскими учеными, которые «пишут и древние, и нынешние земнописатели, что славная река Обь чинит предел меж двумя частями света, се есть меж Асиею и Европою и что есть на левой стороне Оби, то Европою считают, а что на правой стороне, то Асиею предают. Однако же то ложно разделяют оттого, что они начинают предел чинити меж Асиею и Европою в первом, в Белом

море, до самого до Цареграда, а потом Черное море, а потом Азовское море, а потом как держится река Дон, до вершины ее. И от вершины ее до ближнего берега Оби реки, потому что они чают, что от вершины Дона реки недалеко до берега Оби реки. И не ведают, что превеликое расстояние есть меж вершиной Дона реки и меж берегами Оби реки, что будет расстояние то против половины Европы» (там же, 32–33). Милеску Спафарий высказывает и свое мнение по этому вопросу: «А лучше бы положили предел меж Асией и Европой вершину Дон реки, а потом, прямо едучи, чертеж учинили к левому берегу Двины реки и Архангельскому городу и к Окианскому морю; то и ближний бы и прямой предел был бы…» (там же, 33).

Советский исследователь географических трудов Милеску Спафария Д. М. Лебедев, анализируя это предложение, указывает, что, конечно, с современной научной точки зрения предлагаемая им граница между Европой и Азией также неправильна. Но все же это предложение обнаруживает определенную широту географической мысли и познаний Милеску Спафария (см. 70, 133).

Милеску Спафарий рассматривает также вопрос о происхождении названий рек: «Река Артыш имени русского не имеет, оттого что Иртыш именуется по-татарски, а не по-русски; и не только Иртыш не имеет имени русского, но и Тобол, и Тура, и иные сибирские реки именуются и русскими людьми тем именем, которым именовались прежде взятия Сибири иноземцами — татарами и остяками. Также река Иртыш приняла имя свое от татар, потому что Кучум, царь татарский, владел по Иртышу пространно и не токмо над татарами и над остяками и над иными иноземцами, не токмо по Иртышу, но и по Оби реке и по иным сибирским рекам. И ныне, хотя и в подданстве татары живут, однако же великое множество народов и веры их живет по Иртышу и по иным рекам…» (21, 39).

Следует также подчеркнуть довольно широкие представления Милеску Спафария о некоторых растительных зонах нашей страны. Так, сообщая о лесных и степных участках Сибири, он пишет: «А лес по Иртышу есть разный, и по займищам, что близ вершины ее, суть горы каменные, и лесные, и безлесные. А после того степь великая и песчаная. А потом следует лес тот, который идет и по Оби реке, и по всему Сибирскому государству до самого до Окианского моря, который преславный есть и превеликий и именуется от земнописателей по-еллински „Эркиниос или“, а по-латински „Эрциниос силва“, се есть Эркинский лес; и тот лес идет возле берега Окиана и до Немецкой, и Французской земли, и далее, и чуть не по всей земле, оттого и первый лес на свете и

преименитый у всех земнописателей есть, однако же нигде нет такого пространного и великого, как в Сибирском государстве. Оттого и жилище разных зверей и особные се есть, которые индеже на свете не родятся, наипаче соболи…» (там же, 40). Отмечены Милеску Спафарием и частые северные ветры, дующие в Сибири: «А ветры по Иртышу и по Оби реке наипаче суть северны, ибо государство Сибирское по самый северный вертеж»[22] (там же).

При описании прилегающих к Иртышу незаселенных территорий Милеску Спафарий говорит, что «можно бы в том месте острог построить при реке Иртыше или при озере. И хлебу родиться можно, потому что земля добрая. А водяной путь по Иртышу реке…» (21, 35). «И лес растет всякий — кедровик, ельник, осинник, таволга и иной всякий лес, и травы многие; можно бы по нем сыскать руды, где отдаляется в степи; и звериный по нем промысел: много соболей и лисиц и иные всякие звери» (там же, 38).

Весьма детально описана «великая и славная река Обь, которая знатна у всех, и у древних и у нынешних земнописателей, оттого, что Обь реку поставляют рубежам меж Асией и Европой. И нет такой реки, — пишет далее Милеску Спафарий, — ни величиной, ни глубиной во всей вселенной, опричь Амура, однако же у земнописателей, хотя знатная, однако же только имя ее знают и устье, где впадает в море. А что вершины ее и какие по ней люди живут, отнюдь не знают и пишут ложно имена людям и городам, которых и нет по Оби. А вершины реки Оби начинаются первые от большого озера Тележского[23], которое бухарцы Алтын называют, а около того озера кочуют многие иноземны: саянцы, мундужцы, кайманцы, таутелеуты и яумундужцы, учуги, карачанцы. И те все великому государю ясака не платят. А места те зело хлебородные и степные, и леса есть же. А другие вершины есть 2 реки: одна — Бия, а другая — Катуня. И те реки издали текут из степи. И те сойдутся вместе с Обью и текут и потеряют имя свое, и именуются Обь. А меж тех рек есть зело хорошие займища и места хлебородные, и остроги можно поставить. А от устьев Бии и Катуни реки до Китая можно доходить в 2 месяца степью» (там же, 62). «А длина реки Оби зело великая есть, потому что начинается от самых дальних полудневных степных мест и теплых и впадает устьем в Северное Океанское Ледовитое море. А глубина ее зело велика, потому что, когда живет погодье, будто по морю волны ходят, и до самого берега глубока; и разливается по сорам[24], и по озерам, и по лесам. А ширина ее неравная, потому что далее устья Иртыша реки гораздо широка, а вверху иногда к берегу в двух или в трех

верстах, только по ней многие протоки и острова есть. А река Обь не каменистая, берега все земляные, и нигде каменья нет. А рыбы всякой в той реке зело множество, а наипаче осетры великие ловят. А особая рыба есть муксун, которая зело добрая. И кажется, что из моря идет. И столь множество по ней рыбы есть, что ни по одной реке и множество и жирней невозможно быть. А имя ее, кажется, что иноземное, однако же и латинское тоже есть имя Обь, а татарове именуют Обь-Амар. А леса всякого по обе стороны Оби реки множество есть, и идут и до самого Океанского моря, и до степи. А гор высоких иных нет, оприч той горы, которая именуется Кряж, которая иногда приближается к реке Оби, а иногда удаляется. И в иных местах зело высокая бывает, а в иных — не очень. А по тому яру многие травы и корени есть, и идет, будто пояс, далеко до степи и неведомо куда. А вода в Оби реке зело белая и мутная, не так, как в иных реках, потому из озера течет. А течет Обь не очень быстро, не как иные каменные реки, однако же и не тихая и в иных местах гораздо быстрая, а оттого и не быстра, что зело глубока» (21, 63–64).

В своем «Дорожном дневнике» Милеску Спафарий посвящает особую главу озеру Байкал, о существовании которого в то время европейцы понятия не имели. Глава называется «Описание Байкальского моря кругом от устья реки Ангары, которая течет из Байкала, и опять до устья той же реки Ангары». Глава начинается с выражения удивления в связи с отсутствием у европейцев сведений об этом величайшем в мире озере: «Байкальское море неведомое есть ни у старых, ни у нынешних земнописателей, потому что иные мелкие озера и болота описуют, а про Байкал, который толикая великая пучина есть, никакого упоминания нет; и потому его здесь вкратце описуем». Далее Милеску Спафарий высказывает свои соображения по поводу географических понятий «море» и «озеро», считая, что в их основе лежат размеры и состав воды. Так, он пишет: «Байкал может называться морем потому… что объезжать его кругом нельзя… что величина его в длину и ширину и в глубину велика есть. А озером может называться оттого, что в нем вода пресная, а не соленая, и земнописатели те озера, хотя и великие, но в которых вода несоленая, не называют морем…» (там же, 99—100). Автор также приводит ряд интересных и правильных сведений, которые дают представление об уровне географических знаний русских о Байкале того времени: «…длина его парусом бежать большим судном дней по десяти, и по двенадцати, и больше, какое погодье, а ширина его — где шире, а где уже, меньше суток не перебегают. Глубина его великая, потому что многожды мерили сажен по сто и больше, а дна не сыщут, и то чинится от того, что кругом

Байкала везде лежат горы превысокие, на которых и летнею порою снег не тает. А в середине Байкальского (озера) есть остров великий, который именуется Олхон. Тот остров стоит посреди в длину моря, кругом имеет больше ста верст… И опричь того острова есть иные острова небольшие, однако же немного. А погодье по Байкалу всегда великое, но паче осеннею порою, оттого что лежит Байкал что в чаше, окружен каменными горами, будто стенами, и нигде же не отдыхает и не течет, опричь того, что от него течет Ангара река. В Байкал впадают большие реки, мелкие и иные многие, а по краю, на берегу, везде камень и пристанища немногие, наипаче на левой стороне, едучи от реки Ангары, и оттого разбивает суда часто. А рыбы в Байкале всякой много, и осетры, и сиги, и иные всякие, и зверя нерпа в нем есть же много. Только жилья немного около Байкала, опричь немногих тунгусов, которые питаются рыбою, потому что близ Байкала пашенных мест нет, и живут по рекам в зимовьях промышленные люди зимою. А лес около Байкала есть, кедровник большой, и на нем орехов много, и иной лес есть же. А вода в нем зело чистая, что дно виднеется многие сажени в воде, и к питию зело здрава, потому что вода пресна» (там же, 100–101).

Милеску Спафарий неоднократно говорит о необходимости разведывания и использования минерального сырья в Сибири, в особенности использования плодороднейших сибирских земель. Вот один из примеров. При характеристике территорий в районе реки Селенги он пишет: «И против той деревни, за рекою, есть речка, и там многие же места пашенные, и по иным местам по реке есть пашенных мест много, только людей мало» (там же, 106).

Подчеркивая прогрессивную роль русских переселенцев в освоении природных богатств Сибири, Милеску Спафарий пишет: «И по Лене реке было прежде сего скудно хлебом, а ныне везде хлеб родится, потому что поселились русские люди и пашут хлеба много и проводят до Якутского и далее» (там же, 115).

Давая экономическую характеристику отдельных районов Дальнего Востока, он, например, указывает, что близ реки Аргуни найден свинец, но тут можно также найти олово и серебро. «А во Албазине ныне… — пишет автор, — хлеба родится много, и пашенные места по Амуру реке еще на многие тысячи людей будет, а ниже Албазинскаго, по Шингалу и по иным рекам, места самыя добрыя и хлебородныя» (34, 17–18).

Большой интерес к внутренней и внешней торговле Милеску Спафарий проявляет в главе «Описание славной реки Иртыша». «А Белые воды слывут (известны. — *Д. У.*), ибо протока течет из Иртыша быстрая, а вода в ней белая, и здесь близко есть возле

реки Иртыша 3 озера: два — направо, а третья — налево, все соленые. А по-татарски слывет Ямышево озеро, и здесь кончается царство Сибирского рубежа, а на тех озерах ежегодно ходят из Тобольска и из Томского и из иных сибирских городов по 30 и по 40 дощаников[25] по соль, и соль собирают в дощаники из озера самородную в пост успения богородицы. И то Ямышево озеро от реки Иртыша — верст с 5, а есть исток из Иртыша до озера. А в то время, как русские люди собирают соль из озера, учинится ярмарок. И приходят многие тысячи людей: калмыки, и бухарцы, и татары — и торгуют с русскими людьми. И они продают лошади, и ясырь[26], и иные китайские товары. И держат тот ярмарок недели по 2 и по 3, и русские люди, взяв соль и торгуя, возвращаются к Тобольску, а калмыки и прочие — в улусы свои, и то место остается опять пусто…» (21, 35).

В связи с тем, что московское правительство весьма интересовали торговые пути в Индию и Китай, Милеску Спафарий отмечает: «…из Тобольска дорога есть во Индийскую землю чрез Казачью[27] орду и через Бухару; а езды до Индии полгода торгом идти…» (там же, 41). Далее он приводит сведения о дорогах, идущих из Тобольска в разные города, расположенные восточнее реки Яик (Урал. — *Д. У.*), и сообщает, что «все те города бухарские под разными ханами, и из тех городов ходят и торгуют в Сибири, и в Китай, и к Москве те же бухарцы приходят и торгуют» (там же, 42).

В своем «Дорожном дневнике», перемежая данные о природе и хозяйстве, Милеску Спафарий приводит ряд этнографических сведений о местных сибирских народах. Так, он пишет: «А по вершине Иртыша… по оба берега ее живут разные монгольские народы, а ниже по ней потом живут разные калмыцкие народы, из которых иные жилищем живут, а иные только кочуют на время при Иртыше. А после калмыков при Иртыше ниже живет народ татарский, смешан с русским до Тобольска города и за Тобольском близ Демьянского яма; и от того места начинаются жители реки Иртыша — народ древний, остяцкий. И они живут смешаны с русскими до самого Белогорья, где кончается река Иртыш и впадает устьем в Обь реку» (там же, 39–40).

При описании реки Оби Милеску Спафарий указывает, что «близ моря и устья Оби живут самоеды. А далее живут остяки, по Оби реке множество их, и до Нарыма и дале. А дале их по Оби реке живут татарове; а за Томским городом дале живут калмыки и до самой вершины реки Оби. А около Березова есть капища идольские остяцкие, и про тех пишут земнописатели, что тут есть идол Золотые Бабы, однако же золотых не сказывают, а что серебряных, деревянных крашеных множество, и медных льют же.

И,первое, что ловят изо всех зверей, им приносят» (там же, 63). Характеризуя остяков, он пишет: «Народ остяцкий древний, как и иные разные народы царства Сибирского. Жители все те от скифов произведены суть… И идолослужение их, как сначала от исполина Неврода приняли, так и держат. Сами себя именуют своим языком, которые по Оби живут и по Иртышу, — кандаях, а нарымские и кетские именуют же себя чугулы. А жилище их начинается от Иртыша и до устья реки Иртыша, где впадает в Обь, и потом по Оби на низ до Березова и до Океанского моря и вверх по Оби реке до Томского города, а также и по Кети реке до вершины ее. И то место есть немалое. Только у них, хотя и един народ и вера одна, однако же языки у них живут разные, насилу друг друга выразумеют. Сей народ есть, который от греческих и латинских историков именуется ихфиофаги (хотя об них они только слухом слыхали), се есть рыбоядцы, потому что все остяки ловят рыбу всякую множество много. И иные и сырую едят, а иные сушат и варят; однако же соли и хлеба они не знают, опричь рыбы, да корень белый — сусак, который они летом собирают в запас, сушат и зимой едят. А хлебом не могут жить. А которые насытятся хлебом, и те помрут[28]. А жилище их — юрты. И не токмо для ради прокормления своего рыбу ловят, но и платье себе из рыбной кожи делают, и сапоги, и шапки. А шьют их рыбьими жилами. А ходят они в лодках в самых легких, деланы деревянные, сидят по 5 и 6 человек и больше. А всегда при них луки и стрелы есть, всегда готовы к бою. А жен у них множество, сколько хотят, столько и держат» (там же, 68–69). «А вера де у них (у остяков. — *Д. У.*), сказывают, — есть де мечети, а в мечетях вырезаны болваны[29] серебряные, медные, деревянные и всякие. И молятся стоя, мызжут[30] да пляшут; а как медведя в лесу убьют, волокут на двор и в избу с луками и стрелами, и стрелы потычут, и поют, и пляшут. А сказывают они, что де мы молимся шайтану[31], и ходит он по деревням» (там же, 27).

Милеску Спафарий сообщает и о знаках на одном из утесов берега реки Енисея, оставленных неведомыми племенами: «А до большого порога не доезжая, есть место утес каменный по Енисею. На том утесе есть вырезано на камне неведомо какое письмо, и меж письмом есть и кресты вырезаны, также и люди вырезаны, и в руках у них булавы и иные многие такие дела.

Как сказывают, что в том камне вырезаны на пустом месте. А никто не ведает, что писано и от кого» (там же, 70). При описании Селенгинского острога и его окрестностей он вперемежку с другими данными сообщает ряд этнографических сведений: «Селенгинский острог под енисейским воеводою, который посылает приказчиков над ним, детей боярских, и тот острог

лучше всех украинских сибирских острожков, оттого что хлеб родится всякий, да и в садах всякие зелия родятся ж и китайские, потому что страна теплая. Рыбы зело много промышляют из Байкала и из реки, лесу всякого много, и лугов для сенокоса много, а паче всего можно завести в нем торг великий, потому что Китайское государство недалеко, как ниже сего написано, а мунгалов кочует везде зело много и торгует с казаками; продают коней и верблюдов, и скот также, и всякие китайские товары, а покупают у них соболей и иные многие русские товары, только в остроге русских людей немного и торговать некому.

И здесь кончается Сибирское государство и начинается государство Мунгальское… И тот род мунгальский зело великий, потому что начинается близ реки Амура, от степи, и простирается меж Китайским государством и Сибирским царством; и до Бухар, и до самой Индии по степи все мунгалы кочуют под разными тайшами, и которые близ Китая, живут в подданстве у китайцев, а которые подалее, имеют над всеми тайшами начальника Очироя Саинхана, который ныне владеет (ими), а в духовных имеют большого жреца Кутухту ламу, и эти кочуют неподалеко от Селенгинского острога, потому что у них городов и сел нет; и оттого кочуют по степям в юртах войлочных для прокормления многого скота их» (там же, 109–110).

Милеску Спафарий стремится выяснить и отличия, существующие между теми сибирскими народами, с которыми он имел возможность познакомиться. Так, давая физико-географическую характеристику территории, расположенной между Леной и Амуром, он пишет, что на этой территории «…по тем хребтам множество иноземцев разноязычных живут, и у иных есть и пращи, чего нигде в ином месте в Сибири нет» (там же, 115).

Таковы основные черты этого весьма содержательного и интересного описания Сибири и Дальнего Востока. Труд Милеску Спафария «Дорожный дневник», внесший ценный вклад в науку, был использован московским правительством и долгое время служил одним из важнейших источников для изучения примыкающих к Китаю русских владений.

В «Статейном списке» (23) Милеску Спафарий описывает свои длительные споры с маньчжурскими сановниками о посольском церемониале, вскрывает причины враждебного отношения Цинской империи к России и отказа цинского правительства от установления дипломатических и торговых отношений с Русским государством на равноправной основе. Наряду с этим указанный труд содержит данные о маршруте от границы до Пекина и обратно, а также некоторые сведения о природе, населенных

пунктах и жителях Китая. В частности, детально отмечаются реки, описываются встреченные кумирни[32], а также Великая китайская стена, «которая объемлет от моря восточного всех тех стран Китайского государства, а идет без урывки на 1500 верст. А кладена она поверх хребта и поверху высоких каменей… стена строена во основании, сечен камень великой дикой серой, а на верху кирпич. А вышина стен по 4 сажени, а ширина по 2 сажени. И во иных местах по горам розвалились. От той стены, китайцы хвалютца, что когда строили, на горах камения не осталось, а на степях песок, а в реках воды, а в лесах древа» (87, 365).

В этом же сочинении Милеску Спафарий уделяет много места описанию нравов китайских мандаринов и купцов. Всех их, отмечает он, объединяет алчность, лицемерие и подозрительность; что же касается купцов, то они, кроме того, всячески стремятся обмануть иностранцев. Так, например, дорогие русские товары, привезенные его посольством для продажи с целью установления определенных тарифов (ввиду предполагаемого развития торговли между Россией и Китаем), китайские купцы — а в роли таковых выступали подосланные высокими сановниками агенты — пытались приобрести за бесценок. Желаемые тарифы так и не были установлены. Весьма показательно, что аналогичная характеристика указанных групп населения Китая XVII в. содержится в популярном китайском сатирическом романе того времени «Шуйху-чжуань», тыне переведенном на русский и другие языки, но в КНР трактуемом как порочное произведение.

Книга Милеску Спафария «Описание первыя части вселенныя именуемой Асии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городы и провинции» (11) содержит 58 глав. В первых 20 главах дается общая характеристика Китая, его географического положения, природы, истории, политического устройства, хозяйства, населения, культуры и пр. 36 глав посвящены отдельным провинциям («странам») Китая. В 57-й главе дается краткое описание Кореи, а в 58-й — Японии.

В своей работе Милеску Спафарий особое внимание уделяет общественно-экономическим вопросам и высказывает глубокие суждения относительно государственного устройства, ведения сельского хозяйства, ремесел, науки, просвещения, нравов, быта, войн и религии. Он отмечает, что Китайское государство и китайская культура — одни из древнейших в мире. Мыслитель высказывает свое уважение к китайскому народу и его культуре, подчеркивает приоритет китайцев во многих изобретениях, указывая, что «китайский народ превосходит иных народов в разных делах» (там же, 34). В Китае, говорит он, были изобретены

компас, порох, фарфор, книгопечатание. Китайцы первыми в мире научились изготовлять шелк. Издревле здесь получили широкое развитие металлургия, металлообработка, судостроение, градостроительство и другие «художества». Высокого развития достигли многие науки («учения»), в особенности медицина и астрономия, а также «обычаи гражданские, наипаче уложение законов гражданских» (там же, 2).

Подчеркивая влияние материальной и духовной культуры Древнего Китая на другие страны, Милеску Спафарий писал: «И отселе учились все языки (народы. — *Д. У.*) на свете деланию шелков, и не токмо шелк от них взят, но и художество ходить по морям матицами (с компасом. — *Д. У.*), такоже пушки великия и пищали лити, такоже и книги печатати» (там же, 3). Но не только в прошлом культура Китая находилась на высоком уровне развития, но и в современном ему Китае, по мнению автора, культура даже кое в чем превосходила европейскую. Он высоко отзывается о китайской медицине, архитектуре, отмечает хорошее состояние многих путей сообщения, особо подчеркивая огромное значение каналов и шлюзов. Далее он указывает на наличие в стране большого числа оросительных систем, которые делают плодородными засушливые районы. Искусственное орошение и применение удобрений для сельскохозяйственного производства свидетельствовали о более высоком по сравнению с тогдашней Европой уровне техники земледелия в Китае, что обеспечивало обильные урожаи сельскохозяйственных культур (см. там же, 23–33).

Большое место в рассматриваемой работе Милеску Спафария занимает характеристика морали, быта, обычаев, культуры, просвещения, религии китайцев и их отношение к войнам. Говоря о простых китайцах, Милеску Спафарий указывает, что они «больше любят земледелие, торги и иные промыслы, нежели военное дело» (там же, 64). Далее он пишет о том, что в Китае бытует мнение, что войны делать — дело разбойничье, звериное, а не человеческое, а людям подобает жить между собой в мире, согласии и разрешать все свои дела «в совете» (там же, 40), т. е. при помощи мирных и дружественных переговоров. Что же касается правительства Цинской империи, то Милеску Спафарий в своем «Статейном списке» неоднократно отмечает его враждебность и агрессивность по отношению к соседним странам и упорное нежелание китайского богдыхана установить мирные и дружественные отношения с Россией (см, 87, 387–393).

Создавая свою самобытную культуру, китайцы, по словам мыслителя, не чуждаются европейской культуры и перенимают все то ценное, что есть в Европе. Он, например, пишет, что в то

время было переведено иезуитами на китайский язык большое количество книг «цифирных, землемерительных и иных прочих учительных и они изучились» (11, 42).

Относясь с уважением к китайскому народу, созданной им материальной и духовной культуре, Н. Милеску Спафарий отнюдь не преклоняется перед всем китайским и подвергает критике то, что, по его мнению, являлось в Китае далеко не совершенным. Критикуя отдельные стороны общественной жизни феодального Китая, он показывает тяжелую участь народа, испытывающего гнет «множества бояр и начальных людей», и отмечает, что крестьяне и ремесленники платят огромные натуральные и денежные налоги богдыхану и землевладельцам. Количественно эти налоги в то время, по его словам, выражались только деньгами «болши полутора ста миллионов червонных золотых» ежегодно, и, кроме того, они должны были поставлять огромное количество риса, пшеницы, хлопка, шелка, чая и прочего, а также множество других поборов в пользу богдыхана и землевладельцев (см. там же, 36). Указывая на произвол феодалов и бесправие народа, Милеску Спафарий пишет, что «множество бояр и начальных людей» «великою властию владеют над людьми, и никто против их противитися не смеет» (там же). Далее он отмечает, что многие китайцы вынуждены жить в лодках на реках и переезжать с места на место, что огромные толпы людей бродят по дорогам Китая в поисках работы и пропитания, собирают различные лоскутья и прочие отбросы. При описании одной из провинций Китая автор подчеркивает, что, несмотря на изобилие и богатства этой провинции, значительная часть ее населения вынуждена скитаться, с трудом добывая себе средства на пропитание.

Мимо наблюдательного глаза ученого не прошел тяжелый, изнурительный и не ограниченный во времени труд простого народа. Китайцы «работают непрестанно», «только еще назначается утренняя заря, и они, вставши, работают», «…на солнце в жары стоят, на пашнях, на полях и в огородах, и работают так, что невозможно болши того о них сказать» (11, 38, 162). А оплачивается этот тяжелый и изнурительный труд весьма низко, несравненно ниже, чем европейских работников. «…В Китаи может наймовати десять человек к работе такою ценою, каковою наймут во Европе одного человека» (там же, 162).

В своей книге Милеску Спафарий обращает внимание на тяжелую долю женщин в современном ему Китае и пишет, что женщины закрепощены мужьями («жены же у них аки неволницы»), которые своих жен покупают и держат их в доме взаперти. Причем он резко осуждает этот обычай, так же как и

продажу малолетних детей, в частности девочек, в рабство «боярам китайским, у которых наложницами имеются» (там же, 143).

Автор отмечает также недостаточно высокий уровень некоторых наук и системы образования в Китае того времени. «И хотя они, — пишет он, — так учение почитают, наипаче европейских, однако же небольшое у них учение; ибо, во-первых, грамматики не имеют, ни риторики, ни философии[33], ниже иного учения, кроме звездословия, и то несовершенно, потому что они смотрят толко знати впредь будущее»[34] (там же, 41). Кроме того, говорит он, учиться китайскому языку чрезвычайно трудно, ибо даже для элементарной грамотности необходимо знать не менее 10 000 иероглифов, а всего китайских иероглифов свыше 80 000, и «для того они почитают ученых, и всякую им честь подают, понеже ведают они, что с великою трудностию учению их и грамоте научаются» (11, 43–44).

Милеску Спафарий пишет об усиливающемся влиянии в Китае европейцев, в частности католического духовенства. Он отмечает проникновение католических миссионеров в Китай, то, что здесь находится большое количество иезуитов и что «католики имеют многия костелы и множество китайцев в веру католическую привели» (там же, 133).

В конце сочинения о Китайском государстве Милеску Спафарий дает краткое описание Кореи. Он считает Корею богатой страной, с высокой культурой, большим количеством населения. В ней есть много городов. «Сия страна во всем прехвальная есть», — пишет он (там же, 198). По его мнению, у корейцев и китайцев есть много общего в культуре, языке, обычаях, но одновременно имеются различия. Корейский народ, рассказывает автор, является свободолюбивым. Он вел многочисленные войны против различных иноземных завоевателей и в конце концов освободил от них свою страну. Корейцы «многия брани з богдоями (маньчжурские племена. — *Д. У.*) учинили, пока вовсе от богдойцев свободились» (там же).

Милеску Спафарий подробно описывает все известные в то время торговые пути из России в Китай, причем при характеристике того или иного пути он обращает внимание на экономическую выгодность и безопасность его для русских людей. Описав все сухопутные дороги, Милеску Спафарий указывает также на возможность использования для России водного пути в Китай по Амуру, а затем морем, вокруг Кореи. Он отмечает, что в устье Амура есть корабельный лес, пригодный для строительства судов, и что на юг от устья Амура море не замерзает и им можно пользоваться в течение круглого года.

Причем этим путем еще никто в Китай не ходил, но им можно плыть не только в Китай, но и в Японию.

Особый интерес Милеску Спафарий проявил к Северному морскому пути от Архангельска «позади устья Оби и Енисея и иных сибирских рек». Он подчеркивает выгодность его использования для сообщения с русским Дальним Востоком, Китаем и Индией. «Тот путь, — пишет он, — гораздо был бы близок и подателен ходити с торгом в Китай и в Индию» (там же, 13). Но одновременно автор подчеркивает и чрезвычайную трудность этого пути, ибо попытки голландцев и англичан использовать его не увенчались успехом.

В заключении книги, посвященной описанию Китая, Милеску Спафарий высказывает мысль о том, что России необходимо иметь сильный флот на Дальнем Востоке, а реальная возможность строительства такого флота имеется в устье реки Амура, «где не только большие суда возможно делать, но и великие корабли». Построив такой флот, русские люди, по его словам, смогут наладить торговые связи с Китаем, Кореей, Японией, Индией и другими азиатскими странами. «Сверх же всего, — говорит Милеску Спафарий, — можно сыскать иныя островы, которые еще на свете не знатны (не известны. — *Д. У.*) и никто еще не проведал» и тем умножить «славою всего Российскаго государства» (там же, 202).

Ценнейшая работа географического характера под названием «Сказание о великой реке Амуре, которая разгранила русское селение с китайцы» является самостоятельной работой Милеску Спафария, но в ряде рукописей составляет дополнительную главу описания Китайского государства (см. 11). Она начинается следующими словами: «Великая и преименитая река Амур, хотя и у земнописателей у древних и у нынешних и слуху про нее нет и не описуют ни в чем ее, однокожде река Амур превосходит величиною не только сибирские реки, но чаю, что и иных всех, что на свете нет, превосходит и наипаче в тех местах, в которых впадает в нее великая река Шингал (Сунгари. — *Д. У.*) Начало и вершина реки Амура разные и дальние суть, и иные ведомые, а иные и неведомые» (цит. по: 70, 160). Далее следует описание отдельных участков Амура, начиная с образующих его рек. При этом особое значение имеют сведения о нижнем течении реки, ее устье и о возможностях плавания в Китай и Японию: «Здесь, на Амурском устье, при море, в прошлых годах лет тому с тридцать казаки Даурские зимовали многажды, и сказывают, что море около берегу мерзнет, а далее пучина не мерзнет зимою. А сиеги живут большие, по сажени, однокожде не долго: зима стоит до майя месяца, а около Николина дни река Амур и береги морские

отпущаются, и тогда мочно плавати на море» (там же, 161). Милеску Спафарий говорит об условиях плавания в устьях рек Лены и Амура: «А от усть Лены реки до усть Амура реки плавати нельзя для того, что льды большие по морю ходят, да и каменная гора, которая от Байкала идет и до моря и в море далеко, разбивает суды, и нельзя объехать… Только от усть Амура на левой стороне по морю ездят до иных рек меньших и до той горы, а дальше нельзя» (там же). Автор сообщает также, что, по полученным им сведениям, возможно плавание по морю на юг от Амура: «А от усть Амура на правой стороне по морю еще русские не проведали, только гиляки, которые там живут и ясаку никому не платят, сказывают, что они ездят по морю подле берега, потому что у них суды небольшие, только по 20-ти человек садятся. И ходят они для рыбной ловли по берегу далеко, однако на землю приставать нельзя, для того что, где губы и пристанища морские, и там вырос камыш великой, толстый и густой и не пропустет» (там же, 161–162).

Путь на юг от устья Амура считался свободным: «Пежин и Камбалык — царство новое китайское неподалеко будет от усть Амура, потому что Камбалык, где богдыхан живет, только от моря с полтораста верст[35]» (там же, 162). И далее: «Асканьяма[36] нам говорил, что мочно ехати от усть Амура в Китай, только далеко, для того что надобно объехать великий нос Корей, который в море далеко продолжается» (там же).

В одном из мест «Сказания» говорится о том, что Сахалин остров (хотя тогда он не назывался этим именем): «Вышепоименованная река Амур гористая и лесистая и в окиан впала одним своим устьем, и против того устья есть остров великой, и живут на том острове многие иноземцы и гиляцкие народы» (там же). В этом же произведении приводится и очень интересное описание этих народов: живут в юртах, носят соболье и лисье платье, ездят на собаках и т. д.

Д. М. Лебедев пишет, что русские люди XVII столетия правильнее представляли себе выходы из устья Амура в море и положение Сахалина, чем Крузенштерн, Лаперуз и другие авторитеты начала XIX в., упорно державшиеся ложной теории о перешейке, якобы соединяющем Сахалин с материком, и о недоступности для крупных судов устья Амура! Потребовалось все мужество и настойчивость Г. И. Невельского, чтобы снова доказать то, что знали русские почти за двести лет до него (там же).

«Татарская книжица» (5), так же как и «Описание Амура», является дополнительной главой к описанию Китайского государства. В основе этого труда лежит сочинение миссионера

Мартини «О татарской войне» (см. 73, 41–42).

В своих географических трудах о Сибири и Китае Н. Милеску Спафарий частично основывался на материалах предыдущих русских и иностранных посольств в Китае, а также на сведениях русских землепроходцев, мореходцев и торговых людей.

При описании Китайского государства, а также Сибири Милеску Спафарий проявил как исключительно широкие для своего времени познания, так и критический подход к источникам, которыми он пользовался. В то время сведения европейцев о Китае были не только далеко не полными, но и во многом неправильными, а часто просто фантастическими. Это отмечает и Милеску Спафарий. Критикуя «земнописателей» за неправильное описание Китая и Сибири, он указывает, что благодаря своим личным наблюдениям у него есть возможность исправить эти ошибки.

Советский исследователь географических трудов Милеску Спафария Д. М. Лебедев отмечает, что результаты посольства Милеску Спафария в Китай были исключительно ценны для географической науки и что сам посол блестяще выполнил возлагавшиеся на него поручения научного характера, так как представленные им работы о Сибири и Китае были значительно полнее всех существовавших до того времени описаний этих территорий и имели большое значение для русского правительства. Книга Милеску Спафария о Китае являлась выдающимся произведением в мировой литературе того времени. Географические труды ученого-просветителя как по богатству содержания, так и по методу изложения представляют собой весьма ценный вклад в развитие русской географической мысли (см. 70, 131–132).

Таким образом, использовав и обобщив накопленные русской географической наукой знания о Китае, а также свои личные наблюдения, Милеску Спафарий составил содержательное и подробное для своего времени сочинение, дающее более или менее правильное представление о современном ему Китайском государстве. Его книга о Китае пользовалась широкой известностью и неоднократно переписывалась в XVII и XVIII вв.

Во второй половине XVII в. в России в связи со сложившимися историческими условиями научное познание природы было еще на относительно низком уровне по сравнению с теми странами Западной Европы, которые уже вступили на путь капиталистического развития. И хотя Милеску Спафарий специально не занимался научными исследованиями в области естественных наук, во многих его работах приводится большой фактический материал из различных областей естествознания,

пропагандируются естественнонаучные знания и новейшие для того времени достижения естественных наук.

Такие труды Милеску Спафария, как «Дорожный дневник путешествия по Сибири». «Статейный список», «Описание Китая», «Описание Амура», свидетельствуют о богатстве разнообразнейшего географического материала и широте географической мысли автора, его больших познаниях и способности к обобщению. В этих сочинениях автор старается осветить целый комплекс вопросов: физико-географических, энтографических и экономических. Однако в них можно выделить и определенное направление. Так, хотя описание Китая является комплексным, главное внимание все же уделяется в нем социально-экономическим вопросам: краткой истории Китая, его административному устройству, характеристикам населения, хозяйству (земледелие, скотоводство, промыслы, торговля), а также путям сообщения и городам. В его географических трудах есть сведения и о природе: климате, растительности, водных артериях и полезных ископаемых.

Исключительный интерес для исследования естественнонаучных взглядов Милеску Спафария представляет его трактат под названием «Книга глаголемая естествословная» (7). Эта рукопись анонимна, но еще И. Н. Михайловский, исследовав неполный список, известный как «Рукопись И. А. Вахрамеева № 802» (хранится в Государственном Историческом музее), пришел к выводу, что это сочинение написано Милеску Спафарием (см. 73). В настоящее время обнаружены еще два списка этого сочинения. Один из них хранится в рукописном отделе Государственной библиотеки имени В. И. Ленина (шифр музейный 6743). И если в «Рукописи И. А. Вахрамеева № 802» недостает начала и конца сочинения, то этот список под названием «Книга глаголемая естествословная» полный, кроме того, в нем есть еще предисловие. Это предисловие в общих чертах аналогично предисловию к «Хрисмологиону» и обнаруживает стиль и эрудицию Н. Милеску Спафария. В трактате также содержится несколько молдавских слов, что является дополнительным доказательством того, что «Книга глаголемая естествословная» принадлежит Милеску Спафарию. Еще одна копия рукописи под № QY-3 находится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Это сочинение состоит из предисловия и девяти глав, каждая из которых имеет свое заглавие. В предисловии под названием «Предувещание к благоразумному читателю» Милеску Спафарий говорит о целях и причинах, которые побудили его написать этот

трактат. Здесь же приводится краткий обзор литературных источников по описанию животных и растений. И в заключение предисловия автор пишет о несовершенстве своих знаний о животных и растениях и просит более подготовленных читателей исправить его ошибки. В первых семи главах даются описания зверей, птиц, рыб, «гадов, или пресмыкающихся», «черепокожных», насекомых и «див» («чуда различные, обретающиеся на вселенной»), в 8-й главе описываются растения («древеса различные»), а в 9-й — ископаемые («камения различные»). Все сочинение включает в себя свыше 420 описаний различных животных, растений и минералов.

При написании этого трактата Милеску Спафарий использовал многочисленные источники. В рукописи в разных местах встречаются ссылки на различные исторические сочинения; писателей и ученых древности (Плиния, Гомера, Варрона, Вергилия, Аристотеля, Овидия, Корнелия, Тацита и др.); географические и медицинские сочинения («глаголют врачеве», «лекари нарицают», «описуют все дохтуры и учители»); физиологию, космографию, бестиарии, лечебники, травники; ходячие мнения («пословие» в народе, «нарицаются», «глаголют») и др.

Характеризуя некоторые виды растений и животных, автор говорит о приносимой ими человеку пользе или о их вреде, т. е. указывает на их практическое применение. В своем сочинении Милеску Спафарий вслед за другими учеными сделал попытку привести в определенную систему современные ему знания о животных, растениях и ископаемых богатствах. Эта систематизация представляет собой ценный вклад в развитие естественнонаучной мысли в России.

В работах Милеску Спафария иногда встречаются неточности и баснословные утверждения. Но легенды, обычные для той эпохи, автор передает с чужих слов. Правда, некоторым из них он, по-видимому, и сам верит, что для его времени было обычным явлением. Как правило, эти легенды он передает очень осторожно, не высказывая о них своего личного мнения. Поскольку уровень европейских знаний о Сибири и Китае в XVII и даже XVIII в. был чрезвычайно низким, такая осторожность, вдумчивый и критический подход к источникам, к различным рассказам служит еще одним штрихом к положительной характеристике Милеску Спафария как ученого. Географические труды его, включающие большое число научных элементов, являются одними из лучших в Европе его эпохи.

О разносторонней и глубокой эрудиции Милеску Спафария свидетельствуют отзывы о нем современников — крупных

европейских ученых и политических деятелей. Так, по свидетельству русского дореволюционного исследователя Ю. В. Арсеньева, тогдашний французский резидент в Швеции Арно де Помпонн в одном из своих писем в Пор-Рояль (1667) очень высоко отозвался о многосторонней образованности Милеску Спафария. «Я удивлен был, — писал де Помпонн, — встретив в уроженце страны, столь близкой к границам Татарии, человека столь богатого общим образованием и знающего столько языков» (31, 360). Очень высоко отзывались о Милеску Спафарии находившийся в России с 1684 по 1687 г. шведский ученый XVII в. Спарвенфельд, для которого тогда же была снята копия труда «Описание Китая»[37], французский политический представитель в Москве (1689) де ля Невилль, а также известный немецкий естествоиспытатель и философ Лейбниц, который интересовался его сочинением о Китае.

До копна своей жизни Милеску Спафарий занимался научной деятельностью, переводами и заботился о развитии просвещения в России, в частности он работал над подготовкой учебников для Славяно-греко-латинской академии в Москве.

Труды Милеску Спафария были использованы не только русским правительством, но и русскими и иностранными учеными. Ю. В. Арсеньев указывает, что иезуит Ф. Авриль, посетивший Москву в 1687 г… получил в московских приказах сведения о дорогах в Китай, несомненно взятые из сочинений Милеску Спафария. А в изданной Ф. Аврилем в 1692 г. в Париже книге были описаны пути в Китай, почти буквально взятые из его трудов, и приложена карта, также скопированная с оригинала Милеску Спафария (см. 34, 5). Дипломатический агент Франции де ля Невилль, побывавший в Москве в 1689 г., написал книгу «Новое и любопытное известие о Московии», вышедшую в Париже в 1698 г. Она имела широкое распространение в Западной Европе и была издана на французском, английском и голландском языках. В этой книге он пишет о своих беседах с Милеску Спафарием, давших ему очень ценный материал, а в одной из глав подробно излагает рассказы Милеску Спафария о путешествии в Китай (см. 44, 274–281). Н. Витсен, написавший книгу «Северная и Восточная Татария», опубликованную в Лейпциге в 1699 и в 1702 гг., также использовал труды Н. Милеску Спафария, в частности дословно воспроизвел его «Сказание о великой реке Амуре» (см. 100, 99).

В советский период отдельные труды Н. Милеску Спафария неоднократно издавались. Так, в 1956 г. издательство «Шкоала советикэ» (Кишинев) опубликовало его книгу «Сибирь и Китай» — перевод на молдавский язык сочинений «Путешествие через

Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году» и «Описание первыя части вселенныя именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городы и провинции»[38]. В 1960 г. издательство «Картя Молдовеняскэ» (Кишинев) опубликовало на русском языке книгу Милеску Спафария «Сибирь и Китай», которая кроме двух вышеупомянутых работ содержит и «Статейный список посольства Н. Спафария в Китай»[39]. Изданный в 1960 г. труд «Сибирь и Китай» является переизданием подготовленных Ю. В. Арсеньевым, А. И. Яцимирским и Н. Ф. Катановым текстов с некоторой редакционной правкой в направлении модернизации языка[40].

Издательство «Наука» (Москва) в 1969 и в 1972 гг. опубликовало два тома материалов и документов о русско-китайских отношениях в XVII в. В первом томе издан «Статейный список посольства Н. Спафария в Цинскую империю в 1675 году», а также свыше 40 официальных документов, относящихся к этому посольству, и комментарии к ним (87). Рецензия на это издание опубликована М. Капицей в газете «Известия» 14 ноября 1972 г. под названием «Документы, подтверждающие истину. Из истории русско-китайских отношений» (53). В этом издании, а также в рецензии М. Капицы дается высокая оценка деятельности Н. Милеску Спафария как русского посла в Китае.

Газета «Правда» 7 декабря 1973 г. в статье «„Жемчужины“ дороже жемчуга» опубликовала сообщение о том, что в фондах Тюменского краеведческого музея найдены старинные рукописи и книги, в их числе рукопись «Хрисмологион» Милеску Спафария — «известного дипломата и переводчика XVII века, возглавлявшего первое официальное русское посольство в Китае» (84).

Среди некоторых дореволюционных русских ученых существовало мнение об отсутствии до Петра I самостоятельной русской географической мысли. В действительности, как показали советские ученые (Д. М. Лебедев и др.), еще в допетровскую эпоху проявлялась самостоятельная географическая мысль. Русские внесли существенный вклад в мировую науку открытиями и географическим изучением Сибири и Дальнего Востока. Русские открыли сухопутные пути через Сибирь и Монголию в Китай и дали исключительно содержательное описание этих стран. Причем ценный вклад в решение этих проблем внес Милеску Спафарий. Западноевропейские ученые широко пользовались плодами русских исследований. Нужно отметить, что русская географическая мысль, носившая черты, присущие научной мысли, значительно превосходила западноевропейскую. В западноевропейских сообщениях того

времени часто фигурировали фантастические животные и чудеса (см. 70. 4–6).

Труды Милеску Спафария — это интереснейший исторический и литературный памятник XVII в. Многие из них явились ценным вкладом в историческую и географическую науку и подготовили в определенной степени возникновение и развитие русского китаеведения. Такие же его работы, как «Статейный список посольства Н. Спафария в Цинскую империю в 1675 году» и описание Китайского государства, в известной мере и сейчас не утратили своего познавательного значения. Они способствуют глубокому изучению многостороннего процесса установления и развития взаимоотношений нашей страны с Китаем и разоблачению антикоммунистических кругов за рубежом, которые в неблаговидных целях всячески стараются исказить подлинную картину этого процесса.

Глава IV. Философские взгляды

илософская и общественно-политическая мысль Молдавии конца XVII — начала XVIII в. развивалась в тесной связи с теми (пусть и небольшими) успехами, которые были достигнуты в сфере экономической и культурной жизни страны, с одной стороны, и усиливавшейся борьбой народных масс против иноземных поработителей и внутренних эксплуататоров — с другой.

Именно эти факторы — экономический, политический и культурный — сыграли значительную роль в формировании мировоззрения Милеску Спафария. Одновременно он был непосредственно связан с передовой западноевропейской и русской культурами того времени и испытал на себе их влияние.

Формирование философских и общественнополитических взглядов Н. Милеску Спафария — это длительный и противоречивый процесс.

Начали они, несомненно, складываться в условиях молдавской действительности, а затем во время его учебы в греческой патриаршей высшей школе в Константинополе. Их дальнейшее развитие происходит во время его активной политической деятельности в Молдавии и Валахии, а впоследствии в период пребывания в ряде стран Западной Европы и общения там с представителями культуры. Однако окончательно система философских и общественно-политических взглядов Милеску Спафария сложилась уже во время его деятельности в России, что было обусловлено главным образом объективными причинами. В Молдавии в этот период материалистические тенденции в философской и естественнонаучной мысли пробивали себе путь с большим трудом. Как уже отмечалось выше, исключительно тяжкое османское иго, жестокая феодальная эксплуатация и засилье религиозной идеологии всячески тормозили социально-экономический и культурный прогресс страны.

В России же во второй половине XVII — начале XVIII в. на основе роста экономики происходит заметный подъем культуры. Образование распространяется среди широких кругов бояр, служилых людей, духовенства и проникает в среду купцов, ремесленников, работных людей и крестьян. Организуются школы, училища, типографии, развивается книгопечатание.

Издается типографским способом или переписывается большое количество книг, как оригинальных, так и переводных. В 1687 г. в Москве было открыто первое высшее учебное заведение — Славяно-греко-латинская академия. Плодотворную деятельность по распространению просвещения проводит Киево-Могилянская коллегия, в 1701 г. переименованная в академию. Развивается самобытная русская художественная литература, значительная часть которой отразила стихийно-материалистическое и демократическое мировоззрение народа. В целом литература утрачивает специфически церковный характер, становится более светской. В конце XVII в. в России возникает придворный театр, появляются драматические произведения на русском языке. Определенных успехов достигают архитектура, живопись. Развитие экономики и необходимость укрепления военного могущества России повысили интерес к научным знаниям, особенно прикладного характера. Успехи в развитии науки и техники нашли свое отражение в различных оригинальных трудах. Наблюдения в области медицины и ботаники были собраны в так называемых «травниках» (лечебниках). Накопление русскими землепроходцами, мореходами и торговыми людьми географических сведений и стремление к расширению торговых связей обусловили создание книг по географии и географических карт. Развивается также и историческая наука. Появляются многочисленные хронографы, а в 1674 г. в Киеве выходит первое издание «Синопсиса» с элементарными сведениями по древней и русской истории. Дополненный русскими материалами «Синопсис» начиная с 1678 г. переиздавался в Москве несколько раз, что способствовало распространению исторических знаний. Со второй половины XVII в. стали расширяться культурные связи России с зарубежными державами, что обусловило распространение знаний иностранных языков. В конце XVII в. философия становится самостоятельным предметом преподавания и разработки. В XVII в. в России происходит постепенный переход от средневековой культуры к культуре Нового времени. Значение этого века в истории русской культуры можно в известной мере сравнить со значением эпохи Возрождения в истории культуры Западной Европы.

Гораздо больших успехов в своем развитии достигла русская культура и наука при Петре I, который пытался преодолеть техническую, культурную и военную отсталость феодальной России. С этой целью он поощряет развитие промышленности и торговли, проводит реформы администрации, открывает учебные заведения, типографии, посылает молодых дворян учиться за границу.

Изменения в экономике России, начавшийся процесс преодоления отсталости страны, борьба различных классов и групп общества нашли свое отражение в русской философской и общественно-политической мысли. В рассматриваемый период в России почти безраздельно господствовала религиозная идеология, а в учебных заведениях, находившихся под контролем церкви, и в литературе, которая выходила под церковной цензурой, пропагандировались схоластические догмы и средневековые идеологические теории, открыто служившие богословию. Однако же во второй половине XVII в. в русской философской мысли развиваются светские тенденции. Формирование передовой философской мысли было связано с развитием в стране промышленности и торговли, ростом русской национальной культуры, с возникновением и развитием искусства, литературы, опытного естествознания.

Передовая мысль России XVII в. поставила вопрос об отделении философии от богословия, о необходимости изучения закономерностей природы; она должна была противопоставить мертвым религиозно-схоластическим догмам живые истины разума, основанные на данных опыта. В социологии реакционная провиденциалистская идея «божьего промысла» постепенно вытеснялась изучением реальных исторических событий и выяснением их причинно-следственных связей. Борьба за распространение научных идей и светского просвещения, за «обмирщение» культуры, против безраздельного господства официальной церкви находилась в центре идейного развития (см. 60, 249–250). В конце XVII — начале XVIII в. Россия выдвинула ряд передовых общественно-политических деятелей и мыслителей, которые внесли существенный вклад в развитие науки, литературы, философии и просвещения.

В России этого периода экономика, культура, наука и государственность стояли на относительно высоком уровне развития, и это обусловило влияние русской культуры на развитие культуры всех народов России, а также некоторых соседних государств. Поэтому именно здесь, в России, мировоззрение Н. Милеску Спафария все больше и больше высвобождается из-под религиозной системы взглядов, в его воззрениях укрепляются материалистические тенденции. Написание им работы «Книга глаголемая естествословная», как и сочинений, посвященных Сибири и Китаю, также говорит об изменении и развитии интересов и взглядов этого видного ученого и мыслителя. Если в 60-х годах XVII в. он в основном писал богословские трактаты, то уже в условиях русской действительности 70—90-х годов XVII в. он создал значительные

для своего времени научные произведения.

Мировоззрение Милеску Спафария выражало интересы прогрессивной для того времени части дворянства и торгово-ремесленной верхушки городов, заинтересованных в развитии отечественной экономики и культуры. Несмотря на господство религиозной идеологии, прогрессивные деятели боролись с церковным мистицизмом, фанатизмом и невежеством. Однако они не выступали против религии в целом, а лишь стремились ограничить ее роль и дать простор развитию научных знаний. Эта половинчатая непоследовательная позиция передовых слоев господствующего класса нашла отражение в исторической ограниченности и противоречивости мировоззрения его идеологов.

Развитие ремесла, товарно-денежного хозяйства, городов, военного дела вызывало интерес к технике, изучению природы и сопровождалось развитием научных знаний. Усиление светских тенденций, освобождение культуры от подчинения церковной идеологии порождали стремление к овладению достижениями западноевропейской культуры и науки. Однако против общения с западноевропейскими странами выступили значительные реакционные силы общества, утверждавшие, что западная культура, светское просвещение, научные знания являются «ересью», «бесовскими мечтаниями», враждебными православной религии, церкви. Реакционеры осуждали всякий интерес к светскому знанию, философии и естественным наукам. В школьных прописях, которые распространяло духовенство, говорилось: «Братите, не высокоумствуйте, но во смирении пребывайте. А кто ти речет: веси ли всю философию? И ты ему рцы: еллинских борзостей не текох, ни риторских астроном не читах, ни с мудрыми философами не бывах — учуся книгам благодатного закона, аще бо мощно моя грешная душа очистити от грех» (54, 83).

Во второй половине XVII в. в России продолжалась борьба между сторонниками и противниками светского просвещения. Приверженцы «греческого» направления (братья Лихуды, Епифаний Славинецкий и др.) признавали необходимость просвещения и развития наук, но в рамках религии, богословия, ориентируясь на греческую, прежде всего церковную, традицию. Представители так называемого латинского направления (Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев и др.) были сторонниками светского просвещения: они выступали за «обмирщение» культуры, за отделение философии от богословия и освобождение разума от контроля церкви. Они считали, что необходимо использовать не только духовную, но и светскую

культуру античного и западноевропейского мира, расширять культурные контакты со странами Европы и изучать латинский язык, являвшийся тогда языком науки и культуры европейского мира. Борьба между этими направлениями имела различные формы, в том числе форму спора о том, какой язык нужно прежде всего изучать — греческий или латинский (см. 60, 260).

В этой борьбе принял участие и Милеску Спафарий. В предисловии к книге «Николай Милеску Спафарий, Сибирь и Китай» А. Кидель и В. Соловьев пишут, что в «разгоревшейся идеологической борьбе в Московском государстве между сторонниками западной, католической ориентации и сторонниками греко-славянской культуры, борьбе, носившей ожесточенный политический характер, Н. Спафарий, воспитанник Константинопольской патриаршей школы, выступил сторонником так называемой греческой ориентации» (21,7–8). Далее они указывают, что к этому Милеску Спафария побуждали старые связи с патриархом Досифеем, родственниками в Молдавии и его убеждение, что союз с Россией приведет к более скорому и успешному освобождению народов Балканского полуострова от османского ига.

С таким категорическим выводом трудно согласиться. Не ведя открытой борьбы со сторонниками «греческого» направления, Милеску Спафарий фактически был приверженцем «латинского» направления. Он воспитывался не только в Константинопольской патриаршей школе, его мировоззрение формировалось и под влиянием Запада. Будучи хорошо знаком со светской культурой античного мира и достижениями современной ему западноевропейской культуры, он их широко пропагандировал. Милеску Спафарий относится к тем мыслителям, которые стремились обосновать необходимость распространения светского просвещения и свободного развития научных знаний, освободить науку от церковной опеки, привлечь внимание к изучению естественных наук в целях использования природных ресурсов для развития экономики России. При истолковании общественной жизни он в ряде случаев пытается преодолеть господствовавший провиденциалистский взгляд на общество, согласно которому ход истории предопределен провидением, стремится раскрыть земной характер государственной власти, показать роль просвещения в жизни общества. Хотя по ряду вопросов Милеску Спафарий и стоял на позиции провиденциализма, в рамках ее он высказал глубокие догадки о закономерности исторического процесса.

Пропаганда прогрессивных светских идей и научных знаний, а также то обстоятельство, что Милеску Спафарий был горячим

сторонником преобразований Петра I, навлекли на него гнев и неприязнь приверженцев «греческого» направления и даже его старого друга и покровителя патриарха Досифея, о чем пишут А. Кидель и В. Соловьев.

Следует, однако, иметь в виду, что «латинское» направление нельзя отождествлять с католической ориентацией. Милеску Спафарий на протяжении всей жизни боролся с католическим влиянием в Молдавии и России.

Милеску Спафарий сделал попытку обобщить некоторые накопленные научные знания о природе и обществе и поставить ряд новых для своего времени философских и социологических проблем, причем на первый план у него выступают не столько вопросы теории познания, сколько актуальные проблемы политики, социологии и этики. Философские взгляды Милеску Спафария изложены в его исторических, педагогических, эстетических, естественнонаучных и географических работах, что свидетельствует о связи теоретических положений мыслителя с практическими общественно-политическими задачами того периода. Стремление изучать природу и обобщать некоторые естественнонаучные знания не могло не способствовать освобождению его мировоззрения от господствовавшей в то время религиозной идеологии и приближению к материалистическому пониманию мира. Освобождения философской и общественнополитической мысли от влияния религиозной идеологии требовала сама действительность — развитие производительных сил, необходимость укрепления централизованного государства, возвышения дворянства и купечества.

Хотя философские взгляды Милеску Спафария являются в своей основе идеалистическими, в них содержатся определенные материалистические тенденции, которые еще вплетены в его религиозное мировоззрение. Основной вопрос философии — вопрос о первичности материи или сознания он решил идеалистически, ибо признавал сотворение мира богом. Но, переходя к объяснению развития материального мира, он исходил из первоначал, намеченных еще античной натурфилософией. Одновременно он высказывал догадку о единстве и борьбе противоположностей. Основой материального мира Милеску Спафарий считал четыре стихии, или элемента: землю, воду, воздух и огонь. Все явления и тела в мире, по его мнению, состоят из различного сочетания этих четырех элементов, которые по своей природе противоположны и борются друг против друга. Борьба этих противоположностей может нарушить единство и привести к разрушению тел, к какому-то

первоначальному хаотическому состоянию. И только верховная сила, «небо» наводит порядок среди этих элементов. Он писал: «Стихии, или элементы, сиречь начала мира, се есть земля, вода, воздух, огонь, яже всегда противоборствуют. И того от начал внутренних, сиречь качества ради противных, и их ради стояти мирно не возмогли бы, аще не имели едино небо правящее я, и устрояющее: паки возвратили бы ся во первое тщее и пропасть» (24, 126 об.). Аналогичных взглядов придерживалось большинство мыслителей того времени.

В признании четырех материальных элементов (земли, воды, воздуха и огня) в качестве основы всех природных явлений и тел сказалось, несомненно, влияние древнегреческой материалистической философии. В признании же направляющей и руководящей роли «неба» отразились еще довлевшие над ним религиозные взгляды. Необходимо отметить, что античная натурфилософская концепция четырех стихий и богословие непримиримо враждебны и их совмещение невозможно. Теория четырех стихий, не лишенная определенного диалектического смысла, логически ведет к мысли о вечности и неуничтожимости материи и подрывает религиозно-идеалистическое мировоззрение.

Таким образом, мыслитель, решая основной вопрос философии и не отказываясь от мысли о роли «творца», пытался также объяснить мир, исходя из материальных «первоначал», лежащих в основе всех природных предметов и явлений. Хотя эти «первоначала» понимались им еще весьма наивно, так как естествознание в тот период не могло представить экспериментальных данных, которые позволили бы сделать в этой области значительный шаг вперед, тем не менее такая позиция Милеску Спафария объективно свидетельствовала о признании им внутренней расчлененности того субстрата, под которым он, несомненно, подразумевал материю. Кроме того, признание им борьбы противоположных в своей сущности начал четырех элементов объективно накладывало на всемогущество бога определенные ограничения, хотя и признавало в нем примирителя борющихся начал. В этом, очевидно, можно усмотреть некоторую причастность Милеску Спафария к деизму.

Составной частью мировоззрения Милеску Спафария является признание им существования пространства и времени, независимых от человека. Он замечает, что материальный мир существует в пространстве и времени, что вне пространства («места») и времени нет ничего и, следовательно, пустоты, по сути дела, не существует. «Величайшее место (пространство. — *Д. У.*), — пишет он, — понеже вмещает в себе всяческая, и ничто же

вне его» (26, 125). Точно так же мир и время, утверждал философ, существуют неразрывно, «егда начася мир быти, абие и время быти нача» (там же, 125–126). При этом он указывает на связь, существующую между временем и движением. «…Время, — утверждает мыслитель, — есть пребывание прешедших, настоящих и будущих. Или время есть пребывание движения перваго и последняго», а настоящее время является связующим звеном между прошедшим и будущим, в нем заключается конец предыдущего и начало будущего (там же, 126).

Идея неотделимости пространства от мира составляющих его вещей, признание времени и пространства важнейшими характеристиками движения содержатся в сочинениях Иннокентия Гизеля, Иоасафа Кроковского, Стефана Яворского, современников Милеску Спафария. Возможно, эту идею он почерпнул в Ясской академии от преподавателей, прибывших из Киева.

Взгляды Милеску Спафария содержат элементы стихийной диалектики. Наряду с догадкой о единстве и борьбе противоположностей он говорит о движении и изменении в природе и обществе, о взаимной связи и причинной зависимости вещей и явлений. Вопреки господствовавшему в то время метафизическому взгляду о неизменности мира, «созданного творцом», он считал, что элементы (стихии), из которых состоят все природные тела и явления, находятся в состоянии непрерывного движения, а движение этих элементов обусловливает изменение мира в целом. Движение в природе мыслитель вслед за Аристотелем рассматривает как непосредственный, не подлежащий никакому сомнению универсальный факт и отнюдь не сводит его к пространственному перемещению. Он выделяет (правда, в весьма абстрактной форме) различные виды движения и высказывает догадку об относительности покоя. Вслед за Аристотелем аналогичные виды движения — рост, увеличение или уменьшение вещи, ее качественное изменение и т. д. — выделяют и другие отечественные мыслители: Иннокентий Гизель, Иоасаф Кроковский, Юрий Крижанич, Дмитрий Кантемир. Однако в отличие от Аристотеля, который естественным (и следовательно, абсолютным) состоянием тел считал покой, а движение — относительным, Милеску Спафарий, так же как и названные мыслители, приближался к идее об относительности покоя, хотя галилеевское понимание инерциальности движения ему, вероятно, еще не было известно. Так, сравнивая движение Земли с движением других «стихий», он утверждает, что «земля не токмо движится, но и различным движением движится. Но сице яко аще

сравняема будет со иными стихиями ради косненного движения, яко недвижима изъявляется» (там же, 133). Это утверждение мыслителя, возможно, отражает в завуалированной форме его согласие с гелиоцентрической системой Н. Коперника. Опровергая взгляды, отрицающие движение и изменение в природе, мыслитель указывает, что вообще невозможно существование природных вещей и явлений без движения: «… несть (нельзя. — *Д. У.*) верити, яко тая (имеется в виду земля. — *Д. У.*), яже всех питает, зачинает и раждает, не движится. Убо невозможно той еже не движитися, да родит и творит» (там же). Эта мысль важна прежде всего потому, что она указывает на приближение к пониманию движения как неотъемлемого свойства материи. Кроме того, это положение о подвижности Земли противоречит средневековому теологическому мировоззрению, в котором Земля считалась неподвижным центром мира. Как свидетельствовало учение Коперника, наука уже не могла развиваться дальше, не прорывая узкие пределы этого мировоззрения.

Из высказываний Милеску Спафария явствует, что он, по существу, рассматривал мир движущимся в пространстве и времени, видел неразрывную связь материи (стихий), движения, пространства и времени. Пространство он считал вместилищем стихий и деяний человеческих. В трактовке времени он приближался к пониманию его необратимости. Но все же Милеску Спафарий не выходит за рамки теологического взгляда на мир (мир у него создан богом) и явно отстает здесь от многих западноевропейских мыслителей Нового времени.

Не только предметы и явления природы, но и общественную жизнь он рассматривает в движении и изменении. В своем «Предисловии к исторической книге…» Милеску Спафарий говорит, что история показывает «человеческого жития разныя пременения, и вещей в ней разорение, мира сего непостоянство и государств незапные падежи» (17, XXXVII).

Философ, конечно, не понимал действительных причин этого процесса непрерывного изменения. Мысль об активности материи, ее самодвижении, о борьбе противоположностей как внутреннем источнике движения и развития, естественно, была еще чужда ему прежде всего потому, что современное ему естествознание «было преимущественно *собирающей* наукой» (1, *21*, 303) и не давало мыслителям требуемого материала. Признание им непрерывности движения явилось результатом непосредственного созерцания общей картины мира. Сказалось в этом также влияние античных диалектиков, с работами которых он был знаком и часто на них ссылался.

Кроме того, оказало влияние его довольно основательное для того времени знакомство со всемирной историей, свидетельствующей об изменениях в жизни народов, а также с историей Молдавии. В Молдавии действительно были весьма ощутимы непрерывные изменения, связанные с тем, что она являлась объектом захватнических устремлений различных агрессоров и весьма часто была театром военных действий. Молдавия в то время находилась под османским игом, и измученный народ жаждал изменения своей участи, освобождения от иноземных поработителей.

Взгляды Милеску Спафария на мир как на постоянно изменяющийся для второй половины XVII в. были прогрессивными и имели большое значение для научного понимания законов природы и общества. Мыслитель делает попытку объяснить диалектически некоторые явления общественной жизни, в частности теоретически обосновать необходимость централизованного государства, неизбежность падения владычества турецких феодалов в порабощенных Османской империей странах. Молдавский мыслитель не поднялся до понимания того факта, что именно благодаря движению все предметы и явления мира находятся в тесной взаимосвязи. Что же касается такой взаимосвязи, то наличие ее в природе и обществе представлялось ему бесспорным. Кроме того, все вещи и явления в мире, полагал он, имеют свои причины.

В сочинении «Книга глаголемая естествословная», а также в трудах, посвященных описанию Сибири и Китая, мыслитель подходит к пониманию связи растений и животных с окружающей их средой и значения среды для жизни организма. Он, например, говорит о значении климата, орошения, почв, удобрения, обработки для получения высоких урожаев сельскохозяйственных культур. Вопреки теологии, утверждавшей, что все создано по «воле божьей», Милеску Спафарий объясняет особенности анатомического строения организмов, а также образ жизни и поведение животных естественными, природными причинами. Говоря об образовании некоторых видов животных, он указывает, что причиной их возникновения является скрещивание. Так, в «Книге глаголемой естествословной» Милеску Спафарий пишет, что путем скрещивания могли образоваться от онагры и верблюда «верблюдопардус», от волков и индийских псов — «волкопсы», от пардуса и львицы — леопард и т. п. (см. 7, 9 об.).

Причинную зависимость мыслитель усматривает и в общественной жизни. Говоря об изменениях, происходящих в истории общества, он указывает, что вследствие различных причин одни народы и государства сходят с исторической арены,

а вместо них возникают и развиваются другие. От исследователей истории общества Милеску Спафарий требовал обязательного выяснения причин тех или иных исторических событий. «…Також писати, — замечает он, — как для чего и каким образом учинился (события. — *Д. У.*), чтобы не токмо случаи и конец делам, но притом и доводы и причины их познавалися» (17, XXXIX). Приведенные слова свидетельствуют о том, что и в трактовке явлений общественной жизни он находился в поисках подлинных, объективных причин, ничего общего не имеющих с провиденциализмом.

Признание наличия объективной причинной зависимости в природе и обществе является важной чертой мировоззрения Н. Милеску Спафария, приближавшей его к материалистическому детерминизму и наносившей удар по телеологии, которая утверждала, что якобы все в мире устроено целесообразно и предопределено «свыше».

Большое значение для характеристики философских воззрений Милеску Спафария имеет его трактовка вопроса о познаваемости мира. При этом следует подчеркнуть, что при решении второй стороны основного вопроса философии он приближался к его материалистическому истолкованию, отрицая религиозно-идеалистический агностицизм. Мыслитель считал, что мир познаваем, а способность к познанию и совершенствованию является природным, естественным свойством человека, вечно стремящегося к получению нового знания. Следуя Аристотелю, ученый писал: «…все человены естественно желают ведати, се есть от природы свое любят ведати и познати всех вещей, потому что тем ко искусству и к совершенству придут, и душа веданием и учением совершаетца, а совершенство всякому свойственное благое есть» (там же, XXXVI). Эти утверждения шли вразрез с традиционными религиозными представлениями о слабости «греховного» человеческого разума и его неспособности познать мир. Кроме того, вопреки господствовавшему мнению о том, что знания являются только достоянием избранных, он утверждает, что знания, «совершенство» «всякому свойственны», следовательно, не только избранным, но и простому народу. В теории познания Милеску Спафарий делает попытку сочетать чувственный опыт и теоретическое мышление, а также отводит определенную роль практической деятельности людей.

Источником знаний о внешнем мире Милеску Спафарий, подобно другим прогрессивным мыслителям своего времени, считает ощущения, чувственный опыт, призывает доверять ему. Он различает пять органов чувств: зрение («видение»), слух

(«слышание»), вкус («вкушание»), обоняние, осязание и придает им важное значение в познании вещей и явлений природы и общества. При помощи органов чувств, особенно зрения, утверждает философ, мы не только «меж собою познаваемся, но и вся и божественная и земная зрим, и познаем, и ведаем… так же чрез то чювство и учение сами принимаем и иным воздаем, и, единым словом рещи, всякая ведомость и познание всех вещей в житии человеческом наипаче через зрение совершаетца» (там же). Но Милеску Спафарий полагает также, что одних чувств для познания вещей и явлений недостаточно. Поэтому он обращается к разуму и вопреки теологии, презиравшей человеческий разум, отводит ему в процессе познания главную роль. Милеску Спафарий считает, что человеческий разум способен не только познать прошедшее и настоящее, но и предвидеть будущее. «… Житие наше, будучи краткое, — пишет он, — история научит нас искусством и случаем иных, прежде бывших, и сице от прешедших дел настоящее познаваем, а будущее разумом изобразует» (там же, XXXVI–XXXVII). Антисхоластическая направленность приведенного суждения несомненна. Хотя Милеску Спафарий и не рассматривает процесс перехода от ощущений к мышлению, он тем не менее отмежевывается от платоновской теории познания как воспоминания и подчеркивает активный характер познания, способность науки наделять человека умением познавать мир.

Особое место в теории познания Милеску Спафарий отводит методу познания, диалектике, которую он отождествляет с логикой («Диалектика яже и логика нарицается»). Сутью диалектики вслед за Аристотелем он объявляет «род, вид, разство, свойство и случай» («пять гласов») и различает десять категорий («надглаголаний») диалектики: «существо, качество, количество, к чесому, где, когда, творити, страдати, имати, лежати» (26, 34). Милеску Спафарий разделяет мысль о том, что категории обозначают роды бытия и образуются в результате познания действительно существующих вещей, имеют своим источником вещественный («телесный») мир. «Сии пять гласов и десять надглаголаний, — пишет он, — во всех вещех естественная обретаюся» (там же). И далее: «Аще бо и безтелесно бе написание, но в телеси убо бысть разумение» (там же, 37). Здесь вполне отчетливо проявилось его убеждение в первичности и независимости объектов, предметов и вторичности образов и понятий, что опять-таки представляло собой вызов средневековой схоластике.

Совершенствование человека, формирование его мировоззрения происходят, по мнению мыслителя, путем

познания «разных вещей». А в самом процессе познания наряду с чувствами и разумом большую роль он отводит практической деятельности людей. Посредством познания определенных вещей, явлений, а также «дел содеянных» образуются «искусства» и «учения», т. е. науки, а с их помощью «к совершенству познаний и ведомость придет человек» (17, XXXVI). Милеску Спафарий пишет, что «свободные художества» имеют большое значение в познании и совершенствовании человека: «Грамматика глаголет, диалектика истине учит, риторика украшает, мусика поет, арифметика числит, геометриа мерит, астрологиа звездоучит» (26, 25).

Но усвоение только «свободных художеств» недостаточно для познания мира (число их «несовершенно»). С этой целью, считает мыслитель, нужно овладеть «естественной философией и делательной», т. е. естествознанием и прикладными науками, необходима также практическая деятельность людей. Поэтому, указывает он, «при свободных же художествах и иная приобретена суть служительные художества 7 числом яже суть сия: земноорание, лов, воинство, кование, рудометство, ткание, кораблеплавание», которые являются жизненно необходимыми для людей (там же, 26). В этих рассуждениях отразился дух Петровской эпохи, веяния философии Нового времени, вышедшей за пределы тесных монашеских келий. Весьма близкие мысли о соотношении науки и практики содержатся в «Логике» И. Кроковского, в сочинениях Феофана Прокоповича и В. Татищева.

Таким образом, мыслитель подходит к пониманию того, что практика играет определенную роль в процессе познания. Конечно, у него не было, да и не могло быть в то время, научного понимания практики и ее роли в процессе познания. Он понимал практику ограниченно, не включая в нее воздействие человека на природу с целью ее преобразования и тем более революционное изменение общественных отношений. Но само обращение мыслителя к практике, попытка понять ее роль в процессе познания являлись весьма прогрессивными, ибо были направлены против схоластики и способствовали развитию научных знаний. Приведенные выше рассуждения мыслителя говорят о том, что он, деля науки на теоретические и практические и требуя всяческого расширения последних, не воздвигал между ними преграду. По его мнению, перекликающемуся с аналогичным (но высказанным несколько позже) мнением Феофана Прокоповича (см. 78, 103), каждая наука является одновременно и теоретической и практической.

Милеску Спафарий придавал большое значение истинности наших знаний о мире и подходил к правильному пониманию

истины как соответствию знаний объективной действительности. Высшей и главной целью любой науки и всех их, вместе взятых, полагал он, является постижение истины. Так, он, например писал, что «история без истины, яко слепая, везде заблуждает», а «истина есть начало всякия мудрости» (17, XXXIX). Мыслитель считал, что познание причин природных явлений и исторических событий приводит нас к познанию истины.

Милеску Спафарий являлся горячим поборником просвещения, убежденным сторонником всемогущества знания. Он стремился доказать необходимость образования и практическую пользу различных наук. По его мнению, наука и образование стоят выше всякого богатства и власти и наука является бессмертным приобретением человека. «Сведение (знание, наука, — *Д. У.*) нетленно», — писал мыслитель (26, 26). Он пытался дать определение каждой из известных ему наук, установить ее место в общественной жизни и пользу, которую она приносит людям. Вместе с тем он стремился доказать невозможность укрепления государства без развития науки и просвещения. Милеску Спафарий старался понять насущные требования своей эпохи, вот почему мы находим у него не отвлеченные мудрствования о той или иной науке, а попытку заинтересовать читателя кратким изложением ее основ с обязательным указанием на ее практическое применение. Своеобразным призывом к науке и просвещению является его «Книга избранная вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах».

Следует особо подчеркнуть, что у всех прогрессивных русских мыслителей, особенно у естествоиспытателей, характерной чертой являлся интерес к народнохозяйственным проблемам, к практическому значению наук. Эта черта была свойственна и Милеску Спафарию. Его горячая забота о просвещении, проповедь знаний, указание на их связь с практическими задачами выражали жизненную потребность Молдавии и России того периода.

Развитие производительных сил в недрах феодального общества обусловливало возникновение и развитие положительных, конкретных наук, постепенно отпочковывавшихся от не расчлененной в прошлом единой науки, в которую входила и философия. Поэтому мыслители должны были определить место и роль философии среди других наук. Не прошел мимо этого вопроса и Милеску Спафарий. Для него философия является не только одной из наук, но и той областью знания, которая объединяет и направляет развитие всех наук.

Семь «свободных художеств» (наук): грамматика, риторика,

диалектика, арифметика, музыка, геометрия и астрономия — по мнению мыслителя, являются «орудиями и частями философии» (26, 26). А «едина философия, метафисика[41], вся науки управляет» (24, 127). Особое внимание он уделяет выяснению взаимоотношений между философией и диалектикой, а также характеристике диалектики. Диалектика, считает он, — это «орудие орудиев и рука философии». Она «царица человеческого разума», «пила мыслей», «правило помышлений, приятелище истины». Милеску Спафарий определяет ее как «художество любопрения», которое учит как «ложь от истины разделяти». Практическое значение диалектики состоит в том, что она «употребляется вместо орудия, еже благоразделити слово и довод учинити и памяти зело помогати», ее необходимо изучать также «ради истинства, понеже правила предлагает, чрез них же исправляются помышления наши» (26, 33, 34). Диалектика «потребная есть философом, богословом и доктором или хотящим учитися, или победити, или толковати, или доводити во всех делех» (26, 34). В данном случае Милеску Спафарий, так же как и многие древние философы и философы Нового времени, в том числе Юрий Крижанич (см. 65, 459) и Феофан Прокопович (см. 78, 97–98), рассматривает диалектику как «мастерицу орудий» исследования для всех наук. Что же касается философии, то она, по его мнению, не схоластическая наука, оторванная от жизни, а основа знаний и представлений, определяющих строй жизни народа, наука о причинах явлений.

В грамматике он видит «художество зрителное и делателное, благоглаголати и писати учащее». Ее необходимо изучать потому, что она «есть иным художествам самое основание», имеет огромное значение для изучения и вообще для «совершенствования» человека (см. 26, 29).

Мыслитель указывает также на большую роль точных наук — арифметики, геометрии, астрономии — в жизни общества. Он считает, что знание арифметики крайне необходимо для строительства, мореплавания, торговли, медицины и что вообще «житие человеческое не может исправитися без сего учения» (там же, 36). Определяя место и роль геометрии как науки, Милеску Спафарий подчеркивает, что ее положения являются истинными и что она приносит огромную пользу людям. Геометрия, говорит он, имеет большое значение для «землемерия», географии и других наук; она дает возможность «о круге земном разумети» и «по стопам солнца и луны круг земли измерити» (там же, 43).

Астрономию он характеризует как учение «о движении звезд» и отличает ее от астрологии. «Разнствуются убо астрологиа от астрономии, — пишет он, — яко астрологиа учит о совершенстве

звезд и о их ползе, астрономия же учит о движении звезды» (там же, 45). Мыслитель скептически относился к попыткам средневековых астрологов гадать по звездам и предсказывать судьбу. Наряду с этим он подчеркивает большое практическое значение астрономии в земледелии, военном деле и пр.

Кроме указанных в рассматриваемой книге семи так называемых «свободных наук» Милеску Спафарий придавал большое значение для практической деятельности людей также и другим наукам, например истории, географии, наукам, изучающим животный и растительный мир, и т. д., но, как уже отмечалось выше, весьма высоко ценил математику. В этом плане он предпринял серьезную попытку преодолеть средневековую классификацию наук, предвосхитил аналогичное мнение Феофана Прокоповича (см. 78, 89).

Таким образом, мыслитель исключительно высоко оценивает науки как исторические и философские, так и естественные, подчеркивает их громадную роль в практической деятельности и совершенствовании людей, в просвещении разума. Просветительские трактаты Милеску Спафария, а также его географические сочинения и «Книга глаголемая естествословная» свидетельствуют как о стремлении автора популяризовать естественнонаучные знания, так и о его материалистических тенденциях.

Во взглядах Милеску Спафария на мораль, воспитание и обучение также отражены прогрессивные для его времени тенденции. Вопреки идеалистической теории «врожденных идей» или «врожденных принципов практического поведения», отстаиваемых Р. Декартом и некоторыми другими философами XVII в., Милеску Спафарий, так же как и Юрий Крижанич (65, 452), выступает сторонником сенсуалистской теории «чистой доски» (fabula rasa). Мыслитель уподобляет «умы отрок юных» «скрижали ненаписанной», на которой можно начертить все что угодно. Моральные принципы, нормы практического поведения людей, по его мнению, формируются средой, воспитанием, т. е. имеют своим источником опыт, практическую деятельность человека (18, 29). Подобные идеи высказывал в своих произведениях и Симеон Полоцкий (55, 262). Как было отмечено выше, Милеску Спафарий был знаком с сочинениями Симеона Полоцкого и использовал некоторые из них. Милеску Спафарий пытался дать естественнонаучное обоснование необходимости воспитания и обучения в детские и юношеские годы. Он считал, что наиболее прочно и глубоко усваиваются и прививаются человеку те знания, навыки, моральные нормы, с которыми он познакомился в детстве, когда заполнялась его «чистая доска».

«…Юных сердца, — пишет Милеску Спафарий, — суть скрижали не каменные, но плотяные», т. е. живые, телесные, и то, что там уже написано, стереть нелегко (18, 29). Он считает, что воспитание и обучение требуется подчинить интересам общества, государства.

По мнению Милеску Спафария, образование должно быть всесторонним, что обусловлено взаимосвязью и единством всех известных в то время наук. Проводя мысль о необходимости изучения основ всех наук и используя для доказательства этой мысли аллегорические образы муз и Аполлона, он писал: «Философи древни хотяще показати, яко всякое учение подобает во память быти и содержатися единому от другаго, понеже аще не во память пребывает учение, всуе труждаемся, аще и бесчисленныя книги прочитаем и аще едино учение познаваем, другого же не свемы; хромое таковое учение явится. Сего ради сице изобразиша девять мус во образе девяти дев, яже друг от друга рукою содержатся и на различная учения относятся и лик составляют. Между же их сликовствует Аполлон, сиречь солнце, знаменуя, яко учение свет есть и ум просвещает, подобно и солнце свет есть и миру сияет» (26, 27).

Наряду с этим Милеску Спафарий считал необходимой и специализацию, т. е. профессиональное образование, которое должно проводиться уже на широкой базе усвоенных основ наук. Мыслитель пытался установить определенную систему образования и последовательность обучения, требовал соблюдения в преподавании принципа «от простого к сложному». Указывая, что образованным человеком можно стать лишь при систематическом овладении науками, что требует большого труда, Милеску Спафарий предлагал обучение разделить на три периода («седмилетия»). В первом «седмилетии» должно даваться первоначальное общее образование. Второй период предполагает изучение какого-либо ремесла, науки и овладение профессией, необходимой для жизни. «Во-втором седмилетии, — пишет он, — да учат я коему-либо художеству, да возмогут тем нуждная, житию стяжати» (18, 27). Перед воспитанием и обучением мыслитель ставил задачу подготовки всесторонне развитых и полезных для общества граждан. Поэтому наряду с требованием обязательного приобретения профессии, которая давала бы возможность плодотворно трудиться для общества, он считал необходимым в третьем, последнем периоде обучения учить «искусству, как честно гражданствовати в мире» (там же). В «Арифмологии» Милеску Спафарий также указывает, что образованию должны быть посвящены два первых десятилетия человеческой жизни: «10 лет — младенство, учение, буйство, 20

лет — юношество, борбище, учение» (26, 100).

Н. Милеску Спафарий считал, что главную роль в воспитании играют родители, учителя и та среда, в которой находится ребенок. Важнейшим условием, обеспечивающим успех в воспитании, по его мнению, является приобщение детей к посильному труду. Он критиковал пороки современного ему феодального общества: праздность, леность, тунеядство, пьянство и т. д., но не видел, да и не мог видеть, социально-экономических причин этих пороков и считал, что путем просвещения и соответствующего воспитания их можно изжить. В связи с этим он требовал воспитания трудолюбия с детства: «Родителе чадолюбивии должни суть юность рожденных собою ко трудом душеполезным прикланяти и от младых нохтей добрым делом приучати я… ибо ейже работе приобыкнут вверсте юности, та им сладка будут, а не стужит и во пределах последняя ветхости. Во юности нехотяй труждатися, во старости зле постраждает» (18, 26). Решающее значение в воспитании и формировании личности человека мыслитель придает среде. Поэтому он требует, чтобы «с добрым общение да будет чад ваших», ибо «общающиеся благим, благостыни обучаются, или поне зла творити не навыкают» (там же, 35). Одновременно он призывает оградить детей и юношей от влияния нездоровой среды. «Изряднее же да соблюдают я от видения скверных, ибо, якоже несть лепо юным скверная глаголати, тако и видети» (там же, 27).

В качестве приемов воспитания на первом месте у него фигурируют личный пример родителей и умеренная любовь к детям. Подчеркивая большое значение личного примера в воспитании, он обращается к родителям со следующим призывом: «Буди им образ житием ты, ко всякой добродетели. Да не зрит око их ничто же развратно в тебе, да не слышит ушеса их скверных и непотребных глагол от тебя: образ твой есть сын, какова тебя видит и слышит: тако сам образуется» (там же, 32–33). Далее Н. Милеску Спафарий считает, что «подобает родителям имети любовь к чадам умереная», «да не по всякому чад прошению соизволение творят», и осуждает тех родителей, которые из-за ложно понятой любви к детям потворствуют им, а это попустительство вредит правильному воспитанию и приводит к печальным последствиям. В педагогической практике он призывает к применению наказаний за плохие поступки, но наказания должны быть крайней мерой, главным в воспитании, по его мнению, является убеждение. «Бий первее словом…» (там же, 32), — указывает он.

Милеску Спафарий обращает внимание на исключительно большую роль учителя в воспитании и обучении. Как известно,

основным недостатком школьного обучения того времени было невежество учителей. Чтобы облегчить усвоение науки, надо сделать ее интересной для ученика. Поэтому необходимо было, чтобы учителя не только сами обладали соответствующими знаниями, но и использовали новые методы преподавания. И для достижения основной цели, которую мыслитель ставит перед воспитателем, — привитие детям высоких моральных качеств, особенно любви к труду, — советует выбирать искусных, опытных, «изрядных» учителей.

Многочисленные рассуждения, касающиеся просвещения, содержатся и в «Арифмологии». Так, в разделе «От Иисуса Сирахова» Милеску Спафарий отметил: «6. Блажен, иже обрете разум. 7. Иже повествует внимающим слушателным. 8. Колико велик есть, иже обрел мудрость» (26, 91). Далее он указывает, что «меж себе брань творят» «сон и желание учения», что «малословие неученому большее, нежели многословие» (там же, 95), а «бывают учени»: «1. Чрез обыкновение. 2. Чрез заповеди законныя. 3. Чрез любопрение» (там же, 97). Является абсурдным («Паче естества суть»), чтобы человек «сонлив и ленив» был «зиатель многих искусных дел» (там же, 99), однако «между себе согласуются» «чада непослушная и плети», «ученик и книга», но не согласуются: «Благий учитель и ученик недостоин» (там же, 100). Среди восьми положений «И себе и иным вредити познаваются» читаем: «1. Аще кто желает быти учитель иным, и он сам есть неучен и неискусен» (там же, 93), а в числе трех пунктов, которые «несут утварь, им, им же прибавляются», отметим: «3. Красныя и благия книги им, иже отрицаются от учения» (там же, 94).

Чтобы убедить читателя в пользе просвещения, Милеску Спафарий ссылается на авторитет Сократа: «Сократ… чрез философию и учение всяк порок природный исправи и очисти» (там же, 101).

Таким образом, материалистическое исходное положение Милеску Спафария о том, что среда оказывает решающее влияние на формирование характера человека, дало ему возможность также в области воспитания и обучения выдвинуть ряд глубоких передовых мыслей, свидетельствующих как о многосторонности интересов и теоретической зрелости мыслителя, так и о стремлении его воспитать полезных для родины граждан.

Тенденция к материализму и диалектике, характерная для сочинений Милеску Спафария, сказалась и в его эстетических трудах. Об этом свидетельствует и широкое обращение к античной натурфилософии, и утверждение рационалистических принципов в познании мира. Характерной чертой эстетических взглядов мыслителя является их просветительская

направленность. Философ отстаивает идею общественного значения «свободных художеств», к которым традиционно относит наряду с искусством и ряд наук. Возникая в процессе познания, искусства сами становятся способом познания и воздействия на человеческую жизнь.

Обратимся, например, к факту широкого использования Милеску Спафарием античной мифологии. О. А. Белоброва отмечает, что приобщение читателя XVII в. к миру античных мифов имело совершенно определенный смысл. Оно было необходимо, чтобы научить современников пониманию ораторской прозы, поэзии. Античные боги и герои в сочинениях Милеску Спафария — это конкретные персонажи, действующие в «баснях эллинских». В этом смысле его эстетические трактаты ценны своей познавательной, информативной стороной, и читавшие их учились понимать иносказательный смысл мифологических сюжетов и образов на приведенных примерах (26, 18).

Велика, с точки зрения Милеску Спафария, роль искусств и в воспитании человека-гражданина, «как честно гражданствовати в мире». Особую роль в воспитании человека-гражданина он придает музыке, которая «великую пользу житию человеческому соделывает» и «к правам добрым устремляет». Так, он писал, что музыка — «мудрость свободная, всем потребная, везде угодная, мусика имянуемая, веселием исполняемая, радостьми устрояема, сладостми ограждаемая, всегда всем честная и любезная, на земли живущих усты похваляемая» (там же, 39). Милеску Спафарий считает, что учиться музыке необходимо по следующим причинам:

«1. Яко древнейшая есть…

2. Яко сладка есть, яже утешает своими гласы человека.

3. Яко истинным состоится началством, еже из равнения учения сотворено есть.

4. Яко душу веселит и мелянхолию отгоняет.

5. Яко великую ползу житию человеческому соделовает и ко благочестию устремляет, и нравы добрыми и сама часть есть благочестие» (там же, 38–39).

В «Книге иероглифийской» Милеску Спафарий развивает, по существу, материалистические мысли о мире в пространстве и во времени, вне которых нет ничего, и этот единственно реальный мир есть первообраз красоты: «Краснейшее есть мир, за еже есть образ первообразного красота. Величайшее место, понеже вмещает в себе всяческая, и ничто же вне его. Скорейшее же есть ум, зане во мгновении окружает небо и землю. Мудрейшее есть время, зане временем вся научаются и открываются, и ни един

совет есть, иже ниже не временем объявиться» (там же, 125).

Затем автор переходит к иероглифическому письму, как удивительнейшему «между всех иных временей делех и действ», говорит о происхождении, характере и значении этого письма, объясняет, почему это письмо называется «египетским» и «священноваятельным». В главе I речь идет о том, как египтяне изображали бога, Вселенную, мир, Солнце и др. Так, в разделе «Иероглифийское писание вселенныя» Милеску Спафарий указывает: «Егда хотяху вселенную или мир живописати, писаху человека лицем козлим, цветом красным, двоерога, пестрою кожею пардовою одеянна, нижняя от пояса власатая, ноги его козли. В правой руце свирель, седмитростную держаща, в шуи же дреколь на версе изгиблен. Сим образом все еже в мире есть изображаху: лице бо его красное огня стихии знаменоваше, два рога — солнце и луну; кожею же пестрою пардовою звезды небесныя знаменоваху; нижнюю часть его власатую писаху ради древес, хврастий и скота; ноги козлии земли твердость изображаху; в нем же седмь согласий суть и седмь планит, сиречь звезды заблуждшиа; дреколом же гибленным преобразоваху время и лето, еже в себе обращается. И сего ради образ той от еллинов Пан, се есть все именовавшеся…» (там же, 132). И далее, в разделах «Мир», «Солнце и финике», он продолжает:

«Мир египтяне сице живописаху: человека, носяща на раме его круг златый и одеждею пестрою долгою одеянна. Круг бо, его же на себе носяще, златый являше небесный круг и движение круглое его, еже небо творит. Одежда же пестрая знаменова стихии, и яже из них рождаются, та же и различения вещи, яже от земли растят и производятся древеса, зелье и прочая» (там же). «Финикс птицу не токмо едину быти во всей вселенной, но и красотою своею всех птиц далече превосходити повествуют, зане еже окрест выи его блистает златое, цветы красны, баграновидно же во всем тело его, хвост сиз, червленными перьями различено начертанием лице; глава же его вверху пером преукрашенну…» (там же, 133).

Как видим, современный Милеску Спафарию читатель получал богатую информацию о сущности «иероглифического письма», о содержательном материале древней символики. Пытливый читатель, знакомый с современной ему религиозной эстетикой, находил в ее идеях о символах много общего с тем, о чем сообщал мыслитель. Это облегчало ему возможность демистификации реальной действительности, искаженной в положениях богословов о бесконечных символах, подобно ступеням, ведущим к божественной сущности мира.

Следовательно, общественное значение эстетических трудов

Милеску Спафария для эстетической мысли России и Молдавии XVII в. определяется идеями просветительства, явной направленностью против господствовавших теологических взглядов в области эстетических вопросов, его неуклонным стремлением освободиться от религиозно-мистических идей. Эстетические трактаты Милеску Спафария способствовали процессу развития светского направления в эстетических взглядах и «свободных художествах» его эпохи.

Философские воззрения Милеску Спафария, лежащие в основе его общественно-политических взглядов, оставаясь в целом идеалистическими и метафизическими, являются по своему содержанию прогрессивными, ибо включают в себя материалистические тенденции и элементы диалектики. Многие материалистические и диалектические идеи в России и Молдавии были высказаны им впервые. Пропаганда этих взглядов, горячая защита просвещения, прославление научных знаний были направлены на борьбу против обскурантизма и засилья теологии, способствовали прогрессу общества.

Глава V. Общественно-политические взгляды

изнь и деятельность Н. Милеску Спафария проходила, как уже отмечалось, в исключительно тяжелый для Молдавии период, когда довлевший над ней гнет военно-феодальной Османской империи значительно усилился.

Иноземные завоеватели и их ставленники на молдавском престоле — господари-фанариоты беспощадно эксплуатировали молдавский народ, тормозили развитие производительных сил страны, морально подавляли ее население. Многим представителям господствующего класса Молдавии казалось, что османское иго сбросить невозможно, что завоевателям надо покориться и терпеть их владычество. Это были реакционные бояре, которые прекрасно уживались с чужеземными поработителями и вкупе с реакционными господарями (а таковыми были почти все господари-фанариоты и нефанариоты) нередко призывали на помощь турецкие и татарские отряды для борьбы против народа. Но молдавский народ боролся как против иноземных поработителей, так и против «своих», внутренних эксплуататоров. На его стороне были прогрессивно настроенные представители господствующего класса, в том числе отдельные господари, стремившиеся освободить Молдавию от иноземного ига.

В этой исторической обстановке общественно-политические взгляды и патриотические идеалы Милеску Спафария, как выдающегося прогрессивного деятеля Молдавии и России второй половины XVII — начала XVIII в., выразились в первую очередь в форме протеста против экономического и политического угнетения молдавского народа иноземными поработителями, в форме неуклонно проводившейся им идеи правомерности борьбы молдавского народа и других придунайских народов за их освобождение от османского ига, в провозглашении освободительной миссии России, в борьбе за развитие и укрепление русско-молдавской дружбы.

Милеску Спафарий неустанно пропагандировал идею возможности свержения османского ига, причем указывал, что независимость Молдавии может быть добыта только в вооруженной борьбе народа против завоевателей. В ряде своих

произведений он отмечает преходящий характер владычества Османской империи над Молдавией и другими придунайскими странами. Однако мыслитель понимал, что молдавский, а также другие порабощенные Османской империей народы (валахи, болгары, сербы, венгры и др.) своими собственными силами освободиться не смогут и что борьба угнетенных народов увенчается успехом лишь при поддержке со стороны могучего централизованного Русского государства.

О связи Милеску Спафария на протяжении всей его жизни с освободительным движением придунайских народов против османского ига свидетельствует как его переписка с прогрессивными общественно-политическими деятелями Молдавии, так и некоторые письма к государственным деятелям России, в частности его письмо в Петербург от 5 октября 1704 г. к ведавшему в то время Польским приказом боярину Головину. В связи с приездом в Москву в 1704 г. Мелентия Лунгу, посланца (чауша)[42] молдавского господаря, которого Петр I «жалует», Милеску Спафарий писал, что чауш «зело надобен», ибо он «в Мултянскую[43] землю идет» для организации там борьбы против османских завоевателей, и что в случае войны России против Турции чауш будет «и сербов, болгаров, волохов (молдаван. — *Д. У.*) и мултян (валахов. — *Д. У.*), и самого Ракоция (руководитель освободительного движения в Венгрии. — *Д. У.*) подимать на поганцов (османских поработителей. — *Д. У.*) и ведает каким способом» (72, 37).

В переписке с общественно-политическими деятелями Молдавии и Валахии, дошедшей до нас лишь частично, а также в своих сочинениях Милеску Спафарий неуклонно популяризировал освободительную роль Русского государства по отношению к народам, порабощенным Османской империей. Особенно ярко эта объективно освободительная роль России по отношению к молдавскому и другим угнетенным иноземными завоевателями народам выражена им в заключении книги «Хрисмологион», где он пишет, что только могучая рука русского государя «победит и весьма возоделеет» Османскую империю и освободит народы, стонущие под османским игом (24, 327).

Борьба России за освобождение молдавского и других придунайских народов от османского ига, к которой призывал Милеску Спафарий, объективно не противоречила национальным интересам России, а полностью совпадала с ними. В рассматриваемый период перед Россией, как уже отмечалось выше, стояли весьма важные внешнеполитические задачи, разрешение которых создало бы благоприятные условия для дальнейшего развития экономики и культуры страны. Устья

почти всех рек, протекавших по территории Русского государства в западном и южном направлениях, и соответствующие морские побережья находились во владении Турции и Швеции, что затрудняло развитие экономических и культурных связей с западными государствами. Вот почему Русское государство не могло мириться, в частности, с пребыванием Северного Причерноморья в составе Османской империи и встало на путь борьбы за вытеснение турецких завоевателей с этой территории. Кроме того, султанская Турция, постепенно теряя свое могущество, стала орудием в руках Англии, Франции и других западных колонизаторов, которые во имя обеспечения собственных торговых интересов все время натравливали султанское правительство на Россию и пытались помешать осуществлению ее планов. Таким образом, объективные результаты русско-турецких войн начиная с конца XVII в. имели огромное прогрессивное значение для угнетенных Османской империей народов, которые справедливо видели в России единственную избавительницу от иноземных поработителей. Следует помнить и то, что в экономическом, политическом и культурном отношении Россия была гораздо более развитым государством, чем отсталая султанская Турция. «Россия, — писал Энгельс, — действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку… господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей…» (1, 27, 241).

Но Милеску Спафарий понимал также, что Молдавия, как небольшая страна, даже освободившись при помощи России от османского ига, не могла бы долго сохранить свою независимость, находясь в окружении таких агрессивных в то время государств, как Османская империя, Крымское ханство, Австрия и панская Польша. Поэтому он, выражая вековые чаяния молдавского народа, ратует за принятие Молдавией русского подданства.

Наблюдая реакционную роль папства, проводившего теократическую политику, а также идеологическую экспансию католической церкви на Украине и поддержку римской курией агрессивных устремлений польских и немецких феодалов против России, Украины, Молдавии и других стран, Милеску Спафарий резко выступал против католицизма. Критика католической церкви в то время была одной из форм борьбы за независимое, самостоятельное государственное и культурное развитие как Молдавии, так и России.

Необходимо отметить, что в общественнополитической мысли на Украине во второй половине XVII в. главное место

также занимала проблема борьбы против иноземных захватчиков — польских и турецких феодалов (см. 77, 59). Это объясняется тем, что захват украинских земель польскими феодалами привел к усилению эксплуатации трудящихся. Социальное и национальное угнетение со стороны польских феодалов сопровождалось духовным порабощением украинского православного населения католической церковью. Чтобы укрепить свои позиции на Украине, польские феодалы, вдохновленные католической церковью, осуществили союз православной и католической церквей на Украине под верховенством папы римского (уния). Протест трудящихся масс против социального, национального и религиозного гнета панской Польши перерос в освободительную войну украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого. Народно-освободительная война 1648–1654 гг. окончилась победой украинского народа и воссоединением его с братским русским народом в едином Российском государстве. После воссоединения Украины с Россией Левобережье в административно-политическом отношении стало частью Российского государства, сохранив при этом определенную автономию. Правобережная же Украина продолжала оставаться под гнетом панской Польши. Широкие массы украинского народа боролись за воссоединение всей Украины с Россией. В то же время некоторые гетманы проводили политику отрыва Украины от России и присоединения ее к Польше или Турции. Такая политика вызывала острое недовольство трудящихся масс Украины, которое вылилось в вооруженную борьбу крестьянства и простого казачества, принимавшую одновременно резко антифеодальный характер. В идеологическом плане она приняла форму религиозной антикатолической полемики (там же, 48).

Убежденным сторонником воссоединения Украины с Россией и непримиримым врагом польской экспансии выступил литературный и церковно-политический деятель Лазарь Баранович (1620–1693). Последовательная борьба за укрепление братского союза России с Украиной была одной из важнейших сторон его деятельности. Во многих своих произведениях Лазарь Баранович, как и Юрий Крижанич, обосновывает идею объединения всего славянского мира во главе с Россией для борьбы против султанской Турции и ее вассала — Крымского ханства. Главную надежду в борьбе против агрессии со стороны Османской империи он возлагал на Русское государство. Эти же идеи развивал в своих произведениях украинский писатель и церковно-политический деятель XVII в. Иоаникий Галятовский. Выдающиеся прогрессивные мыслители Украины Иннокентий

Гизель (1600–1683) и Феофан Прокопович (1681–1736) последовательно боролись за укрепление политических, экономических и культурных связей Украины с Россией, за прогрессивный путь общественного развития русского и украинского народов и обеспечение их государственной независимости (см. там же, 59–67).

Борьба прогрессивных общественно-политических деятелей и мыслителей Украины, России и Молдавии, в том числе Н. Милеску Спафария, против католицизма велась под лозунгом защиты православия, являвшегося в то время идеологической основой единства трех братских народов.

Страстный поборник идеи самостоятельности и независимости народов, Н. Милеску Спафарий резко выступает против стремления тех или иных правителей к мировому господству и связанных с этим захватнических войн. В своем сочинении «Хрисмологион» он развенчивает идею мирового владычества, указывая, что она не имеет под собой никакого реального основания, а попытка установления мирового господства обречена на провал. В доказательство этого своего положения он ссылается на примеры из истории древнего мира, когда цари ассирийские, персидские, македонские (Дарий, Кир, Александр и др.), а также римские завоеватели, пытаясь достичь мирового владычества, вели захватнические войны, но своих целей не добились и их «мировые» империи весьма скоро распались. При этом кроме теологических доводов о невозможности установления мирового господства Милеску Спафарий приводит светские доказательства, рационалистические аргументы, выдвигая их на первый план (24, 32–34 л.). Указывая, что ни один царь не может владеть всем миром, он приводит в качестве главного довода то, что все народы, любя свободу, «не хотят покоритися главе той», т. е. претенденту на мировое господство (там же, 32 л.).

В своих работах Н. Милеску Спафарий неоднократно обращается к борьбе свободолюбивых народов против иноземного порабощения. Он пишет, например, о борьбе молдаван против своих поработителей, об освободительных войнах китайского и корейского народов против татаро-монгольских, маньчжурских и японских завоевателей и показывает, что эта борьба в конце концов приводит к освобождению свободолюбивых народов от иноземного ига.

Основную роль в истории борьбы народов за свободу и независимость своей родины и в противодействии попыткам установления мирового господства одного государства Н. Милеску Спафарий отводит славянским народам, и в первую

очередь великому русскому народу. Он указывает, что северные народы (русские и их предки восточные славяне) никому не покорялись, что русский народ всегда отстаивал свою независимость, подчеркивает могущество и величие Русского государства и непобедимость русского народа. «И паки знаменательно есть, — пишет Спафарий, — яко никогда народ северный никому покорися, но от начала мира даже до ныне своих монархов имях. Обаче не един из северных стран в толикой силе, и державе владетель обретеся, яко великий наш монарх российский» (там же, 33 об.).

Н. Милеску Спафарий резко осуждает тех правителей государств, которые ведут захватнические войны и порабощают другие народы, называя их тиранами и мучителями народов, и, наоборот, восхваляет тех правителей, которые живут в мире с соседними государствами (см. там же, 33–71). К внешней политике московских царей он относится в высшей степени апологетически. Его выступление против идеи мирового господства одного государства, в защиту независимости народов, подчеркивание политического значения России как одного из сильнейших государств современного ему мира имело, безусловно, большое прогрессивное значение.

В тесной связи с философскими и общественно-политическими взглядами Н. Милеску Спафария находятся и его воззрения на историю, которые, несмотря на рамки провиденциализма, содержат прогрессивные тенденции. Он указывает на воспитательное, патриотическое значение изучения истории, пытается понять всемирную историю как непрерывный процесс развития. Его очень интересовало прошлое Молдавии и Русского государства. Он обращает внимание на то, что к тому времени еще не была написана история России, что русский народ недостаточно знает свою героическую историю и многие славные дела предков, к сожалению, забыты. По его мнению, историю России должны писать сами русские, «потому что всякий народ про себя, и про дела свои, и про страну свою лучше умеют списати, нежели чужой» (17, XLII). Эта мысль Милеску Спафария, несомненно, была навеяна тем, что некоторые иностранные историки, писавшие о России (например, Адам Олеарий, сочинение которого «Описание путешествия в Московию» вышло в 1658 г. и, возможно, было знакомо Милеску Спафарию), фальсифицировали историю русского народа, пренебрежительно относились к его традициям, по существу, клеветали на русский народ. В своей работе «Предисловие к исторической книге…» Милеску Спафарий горячо призывает к написанию истории России, считая составление такого труда исключительно

почетным и благородным делом, и выдвигает ряд требований к историкам.

Первое требование — это критическое отношение к источникам, использование лишь проверенных и достоверных сведений. При написании истории необходимо, указывает автор, «чтобы он (историк. — *Д. У.*) историю свою собрал из добрых и достоверных прежних историках, наипаче из тех, которые меж собою согласуются и которые, наипаче от народа того, яко верны восприяты суть… тем историкам, которые только слухом или своим мнением пишут, не верити вовсе», а можно верить только тем историкам, работы которых «согласуются и всенародными повестьми, и где, по обычаю того народа, из-стари верою подтвердились, о которых они пишут» (там же, XXXIX–XL). Критически относясь к авторитетам и самому методу феодальной историографии, к наследию древних, а также к современным ему историкам, летописцам, Н. Милеску Спафарий считал, что некоторые из них во многом ошибались, что не все их утверждения соответствуют действительности, а поэтому должны быть пересмотрены и уточнены. Он обращает внимание на правдивость изложения исторических событий, требует, чтобы историк «правдою б все писал, а не ласкательством или иным каким страстием повинен» (там же, XXXIX). Историк, говорит автор, не должен умолчать ни о добродетелях, ни о злодеяниях «для того, чтобы от после нас будущих была надежна от добрых дел, а страх от злодейств» (там же). Высказанное им требование научного подхода к описанию истории народов, несомненно, прогрессивно. Он также считает, что историк должен выразить и свое отношение к описываемым событиям, давать им свою оценку. «При том подобает рассуждение и ясность от себя историку к делам привести, се есть, сие похвали, только бережно и вкратце… а другое осуди», «чтоб к добрым делам слогом и словом своим будто совеселится, а противным сопечалуется» (там же).

Н. Милеску Спафарий выдвигал передовую для своего времени мысль об освещении в исторических работах всех сторон общественной и государственной жизни и отмечал, что при написании истории необходимо показывать как военные подвиги, так и развитие «дел гражданских — дипломатии, политики, церкви, науки, искусства» (там же, XLI–XLII). История, по его мнению, имеет не только просветительное, но и воспитательное значение. Он писал, что «история гражданскому или домашнему делу пользует» и что «ничего так не украшает человека и душевно и телесно, и всякое человеческое житие, и гражданское пребывание исправляет, и приведет его к ведомости всяких

искусных дел и вещей и к совершенного человека, что история» (там же, XXXVI).

По мнению Н. Милеску Спафария, история прошлого должна была побуждать людей к активности, действию. В исторические события, писал он, «аще кто прилежно вникает, удоб приобрести что в своем нраве, и исправити, и от чесого отступити, и чесому последовати, и от чужих напастей опасно пребывати, и ко исправлению жития и ко будущему приближитися может» (20, 2).

Подчеркивая большое значение изучения истории России в воспитании патриотических чувств народа, Н. Милеску Спафарий указывал, что эту историю необходимо писать и изучать для того, чтобы «московскаго народа и российскаго преукрасити всякими добродетелями, и учениями, и искусствами и прославити не токмо нынешние российские народы, но и прежде бывших славных предков своих… потому что дела их славныя бывшия которые были покрыты темностью забвения» (17, XLI). Автор указывает на международное значение написания истории России для правильного понимания другими народами роли русского народа во всемирной истории и подчеркивает растущий за границей интерес к России. «И та есть всенародная польза, — пишет Спафарий, — что не токмо самому себе российскому народу будет ведомость истинная о своих предках, и о приключившихся дел при них и после них, но и иным народам будет познание и ведомость, и познание и оттуда слава московскому и российскому народу, потому что многие ученые люди разных народов издавна желают таковые книги изданию» (там же, XLII). Стремление Н. Милеску Спафария рассматривать историю России в контексте мировой истории опять-таки роднит его с Ю. Крижаничем (60, 273).

В основе историко-философской концепции Н. Милеску Спафария лежит принцип закономерного изменения и развития общества. Он подходил к мысли о том, что всемирная история представляет собой непрерывно изменяющийся и развивающийся процесс, распадающийся на ряд определенных периодов, между которыми существуют связь и преемственность. В «Хрисмологионе», например, эта идея изменения и развития высказана им следующими словами: «Вся бо престарение имеют, царства, грады, и Речь Посполита, или народ» (24, 193 л.). И далее: «… вся царства мира и владения, совершенство (т. е. высшую точку развития. — *Д. У.*) и конец имеют» (там же, 34 л.). Эта мысль — о циклическом развитии государства, нашедшая своего защитника и в лице Ю. Крижанича (66, 145), была шагом вперед в развитии европейской философской мысли.

Однако прогрессивные тенденции воззрений мыслителя в

этом вопросе значительно ослабляются его идеалистическими взглядами. Отдавая дань времени, он придерживается господствовавшей в средневековой историографии провиденциалистской теории периодизации всемирной истории по «четырем монархиям». Согласно этой теории, последовательная смена четырех монархий: ассиро-вавилонской, мидо-персидской, греко-македонской и римской — предречена провидением, причем последняя монархия должна была существовать до «конца света». Но процесс разложения и кризис рабовладельческого строя привели к крушению Римской империи. Поэтому православные теологи стали считать «вечным царством» Византию. Когда же и Византия окончательно пала под ударами турецких завоевателей, то идеологи русского самодержавия присвоили роль последней монархии Русскому государству, создав теорию «Москва — третий Рим». При помощи этой теории идеологи российского самодержавия стремились поднять международный авторитет Русского государства. Своим острием эта теория была направлена против папы римского, претендовавшего на роль главы всех христиан и стремившегося подчинить своему влиянию Россию и другие государства. Милеску Спафарий разделял русскую историко-политическую теорию «Москва — третий Рим» и считал, что Россия является естественной преемницей предшествующих монархий. При этом он подчеркивал преимущества современного ему Русского государства по сравнению с Римским. Указанием на преемственную связь Византии с Россией Милеску Спафарий отнюдь не хотел умалить политического достоинства и самостоятельности Русского государства. Наоборот, он неоднократно подчеркивает его величие и самостоятельный путь исторического развития. Эта преемственная связь, по его мнению, выражалась в том, что после взятия турками Константинополя оплотом православия стала Москва, одной из важнейших задач которой являлась защита и освобождение православных народов от ига «неверных» турок. Таким образом, идея освободительной миссии России по отношению к порабощенным Османской империей народам обосновывалась им также религиозными доводами, что являлось характерной особенностью того времени.

Н. Милеску Спафарий приближался к пониманию того, что каждый народ вносит свой вклад в создание мировой культуры. Весьма значительный вклад во всемирный прогресс в прошлом, указывает он, сделан древними греками, а также китайским народом. Особая роль в мировой истории, как уже отмечалось, по мнению мыслителя, принадлежит России.

У Н. Милеску Спафария наблюдаются элементы

натуралистического понимания истории. В противоположность богословской, фаталистической трактовке истории, объяснявшей все явления общественной жизни действием сверхъестественных сил, божественным провидением, он подчеркивал роль самих людей в историческом развитии общества. Хотя этот взгляд не выходил за рамки идеалистического понимания истории, так как сводил историю общественного развития к деятельности царей и правителей и считал идеальные побудительные силы последними причинами событий, но для конца XVII — начала XVIII в. такая историческая концепция являлась характерной и прогрессивной, ибо была направлена против господствовавшего в то время религиозного фатализма.

Главное место в общественно-политических взглядах Н. Милеску Спафария занимает вопрос о государстве. И это вполне естественно, ибо укрепление государства (самодержавного в России, централизованного в Молдавии) в то время было главнейшей исторической задачей.

Изменения в экономическом строе России конца XVII — начала XVIII в., зарождение в недрах феодализма элементов капиталистического уклада и обострение классовой борьбы требовали соответствующих изменений в феодальной надстройке: перехода от слабой централизованной власти, от феодальной монархии, ограниченной боярской думой, к сильному централизованному государственному аппарату, к монархии абсолютной. Но это встречало упорное сопротивление со стороны отживающих сил общества — реакционного боярства, защищавшего феодальный сепаратизм и выступавшего против укрепления центральной власти. Силой, боровшейся против реакционного боярства, в то время была передовая часть дворянства и купечества, заинтересованная в развитии экономики страны и являющаяся сторонником укрепления централизованного государства. Централизованное феодальное государство в тот период создавало условия для развития экономики и культуры страны, о чем свидетельствуют преобразования Петра I. Конечно, все это проводилось в интересах возвышения класса помещиков и купечества, но объективно укрепление централизованного государства соответствовало историческим потребностям России.

Образование абсолютной монархии, новые внутренние и внешнеполитические задачи, ставшие перед Русским государством, вызвали необходимость своего идейного обоснования. В связи с этим в России стала распространяться теория «общего блага» как цели государства. Согласно этой теории, государство защищает и охраняет общие интересы класса

феодалов, а не частные интересы отдельных помещиков. Эта теория призывала к подчинению частных интересов интересам всего класса феодалов. Одновременно она стремилась ограничить крайности феодальной эксплуатации, рекомендовала помещикам не злоупотреблять властью и не разорять крестьян, ибо непомерная эксплуатация подрывает доходы как самих помещиков, так и государства, а жестокости феодального гнета толкают крестьян на восстание.

Теоретическое обоснование процесса централизации Русского государства и превращения его в абсолютную монархию нашло отражение в работах ряда прогрессивных мыслителей второй половины XVII в. Так, видный государственный деятель России А. Л. Ордин-Нащокин (ум. в 1680 г.) развивал прогрессивную программу укрепления независимости государства, проведения государственных реформ, преодоления отсталости страны, развития промышленности, поощрения купечества. В области внешней политики Ордин-Нащокин считал необходимым установление тесного союза со славянскими странами с целью противодействия общим врагам. Он являлся сторонником неограниченной монархии и рассматривал царя как защитника государственных интересов от своекорыстия бояр, которым были чужды интересы всей Российской державы.

Гнет Османской империи на Балканском полуострове заставлял южных и западных славян — болгар, сербов, хорватов, словаков, а также молдаван рассматривать Россию как оплот в борьбе против чужеземного ига. Идею объединения всех славянских народов вокруг Москвы развивал выдающийся политический мыслитель XVII в. хорват Ю. Крижанич, проживший много лет в России. Он являлся сторонником просвещенного абсолютизма и считал, что царь должен заботиться о всеобщем благополучии подданных. Но чтобы монархия не превратилась в «людодерство», в тиранию, Крижанич рекомендовал установить для нее ряд ограничений. Крижанич страстно желал видеть «светоч славянства» — Русь могучей и несокрушимой и в связи с этим предлагал ряд мер, направленных на развитие экономики страны, устранение некоторых недостатков русской жизни, проведение реформ общественного и политического строя Русского государства. Он также указывал на тяжелое положение русских крепостных крестьян и выступал против их обременения чрезмерными повинностями (см. 60, 274).

Теории, обосновывавшие дальнейшую централизацию и усиление Русского государства, получили развитие и в работах Н. Милеску Спафария.

Следует также отметить, что особенно важное значение

вопрос о создании сильного централизованного государства приобрел в то время в Молдавии, где власть господаря не была прочной, в результате чего феодальные междоусобицы ослабили ее и явились одной из решающих причин того, что она не смогла отстоять своей независимости и подпала под иго Османской империи. Милеску Спафарий понимал великое значение сильной централизованной власти в истории народов как политической организации более высокого типа, чем феодальная раздробленность. Поэтому его взгляды на государство в значительной степени являлись теоретическим выражением назревших исторических потребностей как России, так и Молдавии.

Наилучшей формой государственного правления Милеску Спафарий считал абсолютную («совершенную») монархию, когда «един царь, или краль, сам владеет без клеврета», т. е. не ограничен боярской думой (24, 28). Сравнивая монархию как власть одного с аристократией как властью «многих и благих», он отдает предпочтение монархии как сильной централизованной власти, которая «величеством своим вся прочая царства мира превосходит и побеждает» (там же, 29). Источником этого взгляда на государственное правление, без сомнения, являлась политическая организация России, где к концу XVII в. боярская дума потеряла свое прежнее значение и установилась сильная централизованная власть, обеспечившая независимость и государственные интересы России.

Сильная централизованная власть, создававшая условия для формирования и укрепления национальных государств, в тот период могла установиться лишь в форме феодальной монархии. Ф. Энгельс указывал, что королевская власть в период феодализма была прогрессивным элементом. «Она была, — писал Ф. Энгельс, — представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противовес раздробленности на мятежные вассальные государства» (1, 27, 411).

Являясь сторонником абсолютной монархии, Н. Милеску Спафарий для ее обоснования приводит как рационалистические, так и теологические доводы. Но теологические доводы он, по-видимому, считает недостаточно убедительными и поэтому выдвигает на первый план рационалистические доказательства. В связи с этим его можно с известным основанием причислить к тем мыслителям, которые, по словам К. Маркса, первыми стали рассматривать государство человеческими глазами и выводили его законы больше из разума и опыта, чем из теологии. Вопреки теологии, утверждавшей, что царская власть происходит «от

бога», Милеску Спафарий выдвигает положение о том, что власть государственная земного происхождения, и к ее оценке он применяет критерий человеческого разума. Необходимость государства, власти царя мыслитель выводит из необходимости единого руководителя в обществе. Одновременно он высказывает догадку о том, что государство возникло на основе противоречий между отдельными группами общества. Для теоретического обоснования необходимости сильного централизованного государства с монархом во главе Милеску Спафарий приводит следующий, как он выражается, «философский довод»: «Всякое множество благоустроенное от единого устрояется, еже владеет им и управляет. Аще убо то едино, отъемлеши абие чин разрушается и множество смущается. Явственно то есть в нашем телеси, еже состоится от толикаго множества член, аще убо не была бы сила сицевая управляющая и общая, яже спрягает обще все благия части, разрушено абие было бы сочинение тела, о том аще кто сумнительствует, сей да вопросит докторофилософов. Убо стихии, или элементы, сиречь начала мира, се есть земля, вода, воздух, огонь, яже всегда противоборствуют. И того от начал внутренних, сиречь качества ради противных, и их ради стояти мирно не возмогли бы, аще не имели едино небо правящее и я устрояющее: паки возвратили бы ся во первое тшее и пропасть. Во человецех, кийждо род имать едину главу, кийждо град единого правителя. Всякое общество единого верховника. Всякое царство единого царя… Во едином же паки, и в том же человеце, един разум словесный владетельствует и правит всеми прочими силами. Вся чувства от единыя главы держатся. Вся части тела от единого тогожде сердца оживотворяются. Во едином корабли един есть кормчий. В воинстве един воевода есть общий…» (24, 126–126 об.).

Таким образом, по мнению мыслителя, различные общественные группы по самой своей природе «противоборствуют» и эта борьба может привести общество к гибели, а чтобы этого не случилось, необходимо государство, сильная централизованная власть, «единый верховник», который способен обеспечить порядок («чин») и не допустить «смущения множества». Догадка Н. Милеску Спафария о том, что государство возникло из необходимости аннигилировать противоречия между отдельными группами общества, является сама по себе правильной, она перекликается с известной теорией общественного договора. Но эти противоречия понимаются им весьма абстрактно, ибо он, конечно, не видел, да и не мог видеть классовой сущности феодального государства, которое выступает у него как нечто стоящее над обществом и примиряющее эти

противоречия. В задачу государства, по его мнению, входит обеспечение порядка, забота о подданных, поддержание всеобщего благополучия.

Теория защиты абсолютной монархии, основанная на рационалистических доводах, являлась значительным шагом вперед по сравнению с чисто теологическими теориями царской власти, господствовавшими в то время.

Н. Милеску Спафарий считает, таким образом, что государство — это надклассовая организация. Согласно его утверждению, самодержавие якобы стоит над всеми социальными группами феодального общества, а в идеальном государстве, возглавляемом просвещенным монархом, должны быть ликвидированы всякий произвол, тирания и установлен полный порядок и законность. Государственная власть призвана осуществлять принуждение, а насилие применять лишь по отношению к нарушителям общественного порядка и законности. Этот продиктованный интересами господствующего класса и по своему существу ненаучный взгляд на государство в антагонистическом обществе в тех исторических условиях являлся прогрессивным, ибо он был направлен против феодального произвола и имел своей целью укрепление центральной власти, создававшей условия для прогресса в области экономики и культуры, а также обеспечения независимости страны. Будучи сторонником просвещенного абсолютизма, Н. Милеску Спафарий отвергает ограничения власти монарха боярской думой, которая являлась в то время выразительницей интересов реакции и тормозила укрепление централизованного государства, но считает, что правитель должен иметь мудрых советников. Во главе государства, по мнению мыслителя, должен стоять просвещенный монарх, ибо только «то государство есть счастливое, в котором философ царствует или царь, яко философ, делает» (11, 33).

Стремясь улучшить государственное управление в России, исправить нравы царей и начальников, «просветить» их, Н. Милеску Спафарий в своих сочинениях «Хрисмологион» и «Арифмология» излагает главные обязанности царя и других власть имущих и дает, таким образом, как бы характеристику идеального правителя феодального государства. В предисловии к книге «Хрисмологион» он выдвигает требование о связи правителя государства с народом: «Царю подданным своим всегда вольное приближение дати, не токмо богатым и благородным, но и нищим и сиротам подобает» (16, 387). Одновременно он осуждает тех монархов, которые изолируют себя от подданных и игнорируют жалобы народа на притеснения со стороны

различных начальников. Правитель должен заботиться о благе народа («не своея, но общия и всенародные ползы ищущий»), быть правдивым, мужественным, «с великим рассмотрением и разумом царство свое править» и являться во всем образцом для народа. «Царю, — замечает автор, — подобает быть плодоносному в благодеяниях… правде, мужестве, разуме, милосердии, воздержании, и яко образу быти всему народу своему, яко да вси нравы добрыми от него преукрасятся» (там же, 387–388).

По мнению Милеску Спафария, все члены общества, включая царей, обязаны неустанно трудиться для блага государства. В его сочинениях мы находим много примеров, предназначенных для поощрения трудолюбия у царя. Так, в «Хрисмологионе» он пишет: «Обычай бе прехвальный у персов сицевый: яко некий от воевод своих имяше чин той, яко на кийждо день рано к царю персидскому прихождаше и ему глаголаше: „Возстани, о царю, и потщиеся о делах…“ (20, 2 л.; 118). В этом же сочинении Милеску Спафарий обвиняет библейского царя Валтасара в безответственном отношении к военным приготовлениям: „Подобаше же Валтасару… о уготовлении ополчения помышляти на кийждо час, но он о уготовлении вечери и о исполнении чрева помышляше, наипаче пирствовавше, егда подобаше ему бодрствовати“ (там же, 95 об.). В „Арифмологии“ Милеску Спафарий прямо поучает царя: „Не подобает царю нерадиво ничего делати“ (там же, 273 л.), а в „Хрисмологионе“ приводит еще один весьма своеобразный пример царского усердия. Так, сиракузский царь однажды решил показать своему философу, с каким великим напряжением он всегда занимается государственными делами. С этой целью он посадил этого философа на свой царский трон под висящий на волоске меч и сказал: „Сицевым и вящным попечением всегда труждаются и аз и вси, иже разумно владети хотят“ (24, 163). Н. Милеску Спафарий ратует за гуманное, с точки зрения передового идеолога господствующего класса, отношение к подвластным, за заботу о их благополучии и считает, что правитель должен охранять жизнь и имущество подданных „против насильствования“, „немощных против сильнейших хранити“, „нашествию врагов на подданных своих возбранити, егда тое бывает“, ибо он „подданных заступник и защититель“ (16, 388). И в результате такого правления, заключает автор, подданные „безбедно и мирно жительствуют“ и „народ и внутрь будет цветущ и безопасен будет во внешних“ (там же). Вообще целью правления монарха, по мнению мыслителя, является обеспечение блага всех его подданных. Поэтому он проводит идею о том, что правитель государства в

своей деятельности должен руководствоваться не личными, а общественными, народными интересами. Н. Милеску Спафарий пишет, что правитель „яко да будет ко подданным своим благоволен, благодетельный, кроткий и тихий, не своея, но общия и всенародныя ползы ищущий, по знамению некоего царя преблагого: иным служа сокрушаются“ (24, 150 об.). Обращаясь уже непосредственно к русскому царю, он призывает его „правити толикого безчисленного народа правдою, рассуждением и милосердием… и к всенародной пользе“ (17, XLI).

Естественно, что эти, так же как и другие, приводимые высказывания Н. Милеску Спафария следует воспринимать критически, ибо при любом, даже самом „благом“ и „гуманном“ правлении в условиях феодального общества трудящиеся, в первую очередь крепостные крестьяне, испытывали тяжелый феодальный гнет. „Благое“ и „гуманное“ правление „просвещенного“ царя, о котором говорит мыслитель, могло в лучшем случае лишь в некоторой степени оградить эксплуатируемые массы от произвола и беззаконий крепостников и местных воевод и начальников. Однако даже стремление ограничить крайности феодальной эксплуатации было в то время прогрессивным явлением.

Н. Милеску Спафарий неоднократно говорит о ненависти народа к царям и „начальникам“, которая, по его мнению, вызывается насилием и вообще „злыми делами“ правителей, направленными против народа…Мучитель, — пишет он, — своим подданным *зло* творит и силою понуждает. Сего ради взаиме (взаимно. — Д. У.) всегда в ненависти пребывает с подданными» (24, 131 л.). Поэтому он призывает правителей «благодеяти всем, и волностию подданных имети, и взаимною любовию с подданными пребывати» (там же.) Конечно, эта идея любви власть имущих к народу и заботы о народе в условиях классового антагонистического общества является утопической. В проповеди такой идеи отразился страх феодалов перед восстаниями крепостных крестьян. Передовой идеолог класса феодалов опасается, что чрезмерная эксплуатация и бесчеловечное угнетение могут вызвать новую волну крестьянских восстаний, расшатывающих устои феодального общества. В то же время эта идея свидетельствует о гуманистических устремлениях мыслителя. Характерно, что он сам весьма недоверчиво относится к им же проповедуемой любви «правителей и начальников» к пароду, не уверен в том, что цари могут «взаимною любовью с подданными пребывати». «Но любовь царей мирских, — пишет автор, — скоро исчезает и мимо идет, яко и они пременишася сице, и любовь их пременяется» (там же, 131 об.). Вообще Н.

Милеску Спафарий часто рассуждает о переменчивости жизни и порицает непостоянство: «Непостоянство же есть великое прегрешение, наипаче же во царех» (20, 95 об.). В «Хрисмологионе» приводятся стихи о колесе счастья (там же, 5), стих о «переменности» (там же, 237) и рассуждения о неустойчивости обстановки при царских дворах (там же, 67 об. — 68 об.).

Как идеолог господствующего эксплуататорского класса, Милеску Спафарий стремится не допустить открытых массовых форм борьбы крепостных крестьян против феодалов и в связи с этим излагает также обязанности «подданных», т. е. народа. Он требует от «подданных» повиноваться своим «начальникам» и «дани и оброки начальникам платити» (24, 151–152). Особенно он настаивает на покорности народа господствующему классу: «Наипаче же подобает подданным послушным быти начальникам мира ради, его же они им (т. е. послушанием. — *Д. У.*) снискают» (там же, 152–153). Таким образом, Милеску Спафарий защищает идею классового мира внутри феодального общества. Ответственность за сохранение этого классового мира он возлагает как на господствующий класс, так и на народные массы. Поэтому он обращается и к правителям, и к народу со следующим призывом: «…подобает царем и князем кротким и мирным во всем быти. Подданным же покоритися» (там же, 153). В целом же народ в его государственноправовой теории выступает прежде всего как субъект обязанностей и подчинения. Милеску Спафарий считает, что мир внутри государства является решающим фактором его силы и прочности, что «благоволение бо народа есть непоколебимое хранилище царя», а самое прочное и сильное государство будет тогда, когда правитель «безопасно… от подданных своих может почити» (там же, 149).

Представление самодержавия как якобы стоящего над классами и выражающего интересы всего общества, требование ограничения феодальной эксплуатации, заботы правителей о народе, проповедь классового мира внутри феодального общества имели своей целью защиту интересов класса феодалов в целом. Милеску Спафарий не выступал, да и не мог выступить против основ феодального строя, а ратовал лишь за устранение некоторых его пороков, пытался с позиций передовой части своего класса «улучшить» этот строй и укрепить феодальное государство. Теория «всеобщего блага», проповедовавшаяся мыслителем, являлась идеологической формой классовых требований передовой части служилого дворянства и нарождавшегося купечества, стремившихся путем внедрения законности, создания упорядоченного и сильного управления

укрепить централизованное государство и не допустить верховенства церковной власти.

Большое внимание Н. Милеску Спафарий уделяет вопросам морали, которые он также трактует не абстрактно, а связывает с практическими задачами укрепления централизованного государства.

Критикуя отдельные стороны феодальной морали с общегуманистических позиций, Милеску Спафарий резко выступает против тунеядства, лени, пьянства, взяточничества, лести, невежества, игнорирования гражданского долга и других пороков современного ему феодального общества. Эти пороки, пишет он в предисловии к «Хрисмологиону», наносят огромный ущерб государству: «Ничто бо разуму и царству таковый вред приносит, яко же пиаиство, и всех добродеяниях неприятель… и образ человека ослепляет и вся достоинства порочит, и яко единым словом покажем, сицевое есть, яко злым всем делам мати и начаток пианство есть» (16, 393–394). По мнению мыслителя, все граждане должны «не отрицатися от трудов», выполнять свой гражданский долг, заботиться о процветании страны. Мы уже видели при рассмотрении его педагогических взглядов, что он считал необходимым воспитание трудолюбия и других высоких моральных качеств гражданина — патриота своего отечества с самого детства. Восхваление труда, требование его всеобщности находят место во многих произведениях Н. Милеску Спафария. Он всячески старался «возвати житие от праздности», убеждал своих читателей гнать лень и сонливость. Так, в «Арифмологии» он иронически замечает: «Три неудобно разделяются…сонолюбей и ленив и мяхкая постеля» (26, 98).

Весьма показательным является то, что Н. Милеску Спафарий критикует и развенчивает царей, особу которых религиозное мировоззрение считало священной и неприкосновенной. Осуждая различные пороки отдельных царей, он резко выступает против тех правителей государств и других власть имущих, которые ради своей личной корысти растрачивают народное добро, проповедуют и разжигают вражду между народами, ведут захватнические войны и творят насилие над своими подданными. Мыслитель (как и Крижанич) называет их тиранами и мучителями народа. Ссылаясь на древнегреческого философа Фалеса, он пишет, что «ни едино есть сицевое зрелище скверное и мерзкое, яко тирана и мучителя» (16, 393).

В своей «Арифмологии», которую Милеску Спафарий составлял как кодекс моральных норм для современного ему общества, он излагает так называемые «Доводи преблагих начальников». Вот примеры требований, предъявленных им к

«начальникам»:

«1. О речи посполитой сицепопещися (так заботься. — *Д. У.*), яко и о себе.

2. От сокровища народного отстояти, яко от святого дела.

3. Благополучия не сребром, но делом преславным и честию счислити.

4. Не между себе притися смелостию и неправдою, но умирати лучшее терпети, нежели зло от людей своих слышати.

5. Болшее стыдится о прегрешении народном, нежели о особных своих.

6. Не тако страннии (т. е. иностранные. — *Д. У.*) обычаи смотрити, яко закон древний и обычай своея страны.

7. Союз творити не ползы ради лица его, но ради речи посполитой.

8. Подданных своих честно имати и свободне славы ради стран своих ниже мучительно.

9. Благодеяние градов к себе привлещи, ниже силою градов разорити.

10. Не токмо статии и союз содержати, но и обещание словесное, равно яко присягу держати.

11. Целомудрием и наипаче хвалитися, нежели силою.

12. Сице имети подданных, яко и он от начальников своих иметися хощет» (26, 107).

Но Н. Милеску Спафарий не ограничивается только рассмотрением обязанностей правителей и стремится, исходя из интересов государства, определить также обязанности граждан. В той же «Арифмологии» он излагает так называемые «Доводы благого гражданина», которыми, по его мнению, являются следующие:

1. «Желати того постоянние, еже вси желают.

2. От них же зло слышати, от их иже и народ зле слышит.

3. Вкупе со градом его во понуждении пребывати.

4. Приятелей и неприятелев тожде имети с речи посполитой.

5. Различныя беды терпети ради речи посполитой» (там же, 107–108).

Призывая правителей, начальников и всех граждан блюсти интересы отечества и неуклонно выполнять свой общественный долг, он одновременно ополчается против «злых граждан», нарушающих законы страны, не заботящихся о ее процветании и не выполняющих общественного долга.

Все эти моральные принципы, изложенные мыслителем, имели своей конечной целью укрепление могущества централизованного государства.

Общественно-политические взгляды Н. Милеску Спафария, в

частности его взгляды на государство, сложились на почве молдавской и русской действительности конца XVII в. под непосредственным влиянием идеологии передовой части русского дворянства и купечества, стремившихся укрепить самодержавие путем проведения некоторых реформ, осуществленных в России во время царствования Петра I. При рассмотрении политических взглядов Н. Милеску Спафария необходимо учитывать, что он непосредственно связывал укрепление могущества России с ее прогрессивной освободительной ролью по отношению ко всем подвластным султану христианским народам, в том числе к молдавскому народу. Он стремился к укреплению Русского централизованного государства как главной силы в освобождении молдавского и других народов, порабощенных Османской империей.

Взгляды мыслителя на государство как на организацию, призванную защищать порядок и заботиться о подданных, требования, выдвигаемые им о недопущении произвола и насилия, об охране и соблюдении законов, являлись в тех исторических условиях прогрессивными, ибо были направлены на укрепление централизованной власти, создававшей определенные условия для прогресса в области экономики и культуры, и обеспечение независимости страны. И если его теория защиты просвещенного абсолютизма являлась прогрессивной только в рамках того времени, то значение таких патриотических идей мыслителя, как необходимость развития экономики, распространения просвещения, улучшения положения народа, всеобщности труда, обязательности выполнения общественного долга, и особенно идеи борьбы угнетенных народов против иноземного порабощения и требования мира между народами, выходит далеко за рамки современной ему эпохи.

В отличие от многих мыслителей своего времени Н. Милеску Спафарий уделяет внимание народу — творцу материальных благ. Так, в своей работе, посвященной описанию Китайского государства, он подчеркивает любовь китайского народа к труду и его высокое мастерство как в области земледелия, так и ремесел. Источник богатств современного ему Китая мыслитель усматривает в чрезвычайно благоприятных природных условиях, с одной стороны, и в большом трудолюбии китайского народа, в его искусном ведении хозяйства — с другой. «И иное изобилие, еже в Китае есть, — пишет он, — наипаче родится от рек и от озер, такожде и от китайского художества и работы их» (11, 25). Решающей причиной этого «изобилия» он считает трудолюбие китайского народа и его высокое мастерство: «Здешние люди (китайцы. — *Д. У.*) зело трудолюбивы в земледелании, чего ради

и земля плодовита есть» (там же, 191). Мыслитель, как видим, в какой-то мере предугадывает получившую распространение в XVIII в. мысль о роли природных условий и народонаселения в жизни общества.

Признание Н. Милеску Спафарием в XVII в. трудолюбия и мастерства народа определяющей причиной развития экономики, создания богатств страны является исключительно прогрессивным. Этим он объективно наносил удар по теологии, утверждавшей, что все зависит от воли божьей и что человек полностью находится во власти провидения.

Любопытно, что Милеску Спафарий критиковал религию китайцев и разоблачал их жрецов. Он считал их религию, «идолослужение», выдумкой самих жрецов, которые обманывают народ и используют религию для удержания его в страхе и покорности. «И сами жрецы им посмеиваются о том, — пишет он, — толко изобретена (религия. — *Д. У.*) для того, от них чтоб народ боялся и делал доброе, а от грехов хранился» (там же, 29). Хотя Н. Милеску Спафарий подвергает критике только («идолослужительскую») религию китайцев и его критика не распространяется, в частности, на православную веру, сама идея критики религии, указание на ее земное происхождение и на использование религии господствующим классом в своих корыстных целях, вне всякого сомнения, представляет большой интерес.

При характеристике китайской философии Милеску Спафарий высказывает догадку о том, что конфуцианство, получившее в Китае широкое распространение, стало господствующей религиозной идеологией класса феодалов, которые используют этико-политическое учение Конфуция в целях воспитания народа в духе рабской покорности. Так, характеризуя философию Конфуция и ее роль в то время в Китае, он пишет: «Философия же у них есть древняя, написана толко та, которая научает добрыя нравы имети, и о всяких добродетелех добре они написали, и всяко труждаются к тому, как лучше народ правити» (там же, 42). Конфуцианство учит, по мнению Милеску Спафария, о небе, о земле и о человеке, что есть человек и каким он должен быть, причем кроме правил поведения в быту эта философия учит «о царе и подданных его, как им быти послушным ему» (там же, 28). Далее он указывает, что философией (в смысле учения об управлении государством) овладевают только представители господствующего класса, а простой народ не допускается к управлению государством: «…в философии у них бывают бояре и воеводы и начальные люди. А простых и неученых к чести отнюдь не допускают» (там же, 27).

«Невежу и простеца не припустят ни в какое хотя и малое начальство» (там же, 41).

Приведенные высказывания мыслителя свидетельствуют об определенном упрощенческом подходе его к рассмотрению «религии китайцев». Вопреки его утверждениям во второй половине XVII столетия (как и в настоящее время) в этой стране не было какой-то единой религии. Наиболее распространенной религией в Китае было конфуцианство, но среди китайцев имелось также немало буддистов и даже христиан (католиков). Милеску Спафарий, считая религию китайцев «идолослужительской», имел, очевидно, в виду буддизм. Что же касается конфуцианства, то оно верно определено им как широкое течение общественной мысли Китая, включающее политику, этику, педагогику, религию, философию и т. д. В то же время он почти ничего не говорит о конфуцианстве как религии.

До конца своей жизни Н. Милеску Спафарий оставался пламенным патриотом Молдавии и России, ревностным сторонником укрепления русско-молдавской дружбы, неутомимым борцом за освобождение молдавского и других придунайских народов от османского ига. Живя в России, не забывал он и свою первую родину — Молдавию. Так, во время своей поездки в Китай, пересекая великую сибирскую реку Енисей, он писал: «Енисейская страна вельми хороша, будто Волоская (молдавская. — *Д. У.*) земля; а река Енисей будто Дунай, самая веселая и великая» (12, 55).

Заключение

зучение и анализ трудов Н. Милеску Спафария показывает, что в них нашла свое адекватное отражение современная ему эпоха во всей ее сложности и противоречивости. Его произведения относительно точно и глубоко отразили конкретную историческую реальность двух стран — Молдавии и России. В то время (последняя треть XVII и начало XVIII в.) господствовавший в обеих странах феодальный строй обнаружил (прежде всего в России) первые признаки разложения, главным образом в связи с зарождением в его недрах элементов буржуазного уклада. Этим, надо полагать, и объясняется тот факт, что в мировоззрении Милеску Спафария старые взгляды сосуществуют с новыми. Короче говоря, синкретизм его философских воззрений отразил переходный характер эпохи.

Проявлением такого синкретизма является, во-первых, сочетание в его взглядах схоластики и идей Возрождения и Просвещения. Появление последних свидетельствует и о начавшемся процессе распада духовной культуры феодализма и зарождения идей, служивших знаменем борьбы за существование носителей элементов нового экономического уклада. Во-вторых, взгляды Н. Милеску Спафария отразили тот уровень развития общественной мысли Молдавии и России, на котором философия, как таковая, отпочковывается от теологии и начинает заниматься собственной проблематикой.

Философские воззрения Н. Милеску Спафария, взятые в целом, идеалистичны по существу, они еще не оторваны полностью от теологии. В то же время они все больше наполнялись материалистическим содержанием, выраженным главным образом в форме элементов деизма.

В произведениях Н. Милеску Спафария можно проследить динамику связи его научных и философских интересов с конкретными задачами, стоявшими в то время перед Молдавией и Россией. Находясь в Молдавии, где вследствие усиления османского гнета и войн между ее могущественными соседями, разорявшими хозяйство страны, производительные силы и наука развивались крайне медленно, он занимался исключительно политическими и религиозными вопросами. Переехав в Россию, переживавшую подъем в развитии экономики, науки и культуры, Милеску Спафарий проявляет больше интереса к естественным

наукам и математике. Проблемы богопознания занимают его все меньше и меньше, претерпевает коренные изменения сам стиль его мышления. Он обнаруживает любовь к природе, восхищается естественными богатствами великой страны, ищет земные причины явлений природы и общества, значительное внимание уделяет вопросам теории познания, проводит идею всесилия человеческого разума и требует практической приложимости знания.

Но поскольку в период крупных общественно-исторических сдвигов и их подготовки центральными и определяющими в системе философского знания являются не проблемы изучения природы, не проблемы гносеологии, а вопросы о политической власти, то Н. Милеску Спафария, естественно, интересует главным образом социологическая тематика. Такой интерес питали два основных источника — общественно-политическая обстановка в Молдавии и России. Первая, находясь под ярмом иноземных угнетателей, нуждалась в сильной центральной власти, в определенном смягчении эксплуатации крестьян и в могущественных союзниках, способных помочь ей сбросить иноземное иго. Таким союзником могла быть только Россия. Вторая — великая покровительница Молдавии — находилась накануне петровских преобразований. Развитие ее производительных сил и внешней торговли требовало приобретения выходов к Балтийскому и Черному морям. В начавшихся войнах с Османской империей, преграждавшей России выход к Черному морю, она нуждалась в союзниках. Таковыми и стали порабощенные турецкими феодалами придунайские страны, среди них и Молдавия. Само собой понятно, что для достижения поставленных целей Россия нуждалась в дальнейшей политической централизации, уменьшении роли церкви, возвышении дворян, купечества и просвещенного монарха.

Насущные задачи, стоявшие перед Молдавией и Россией, нашли идейное оформление в социологических воззрениях Н. Милеску Спафария. Значительная общность этих задач стала платформой пропагандируемой им концепции укрепления дружбы Молдавии с Россией, их военно-политического союза. Его социологические взгляды объективно отвечали интересам служилого дворянства и купечества. Субъективно же Милеску Спафарий, защищая устои феодального строя, ратовал за классовый мир.

Труды Н. Милеску Спафария представляют собой важный вклад в укрепление молдавско-русских общекультурных связей и в то же время этап становления собственно философских связей

двух народов.

В его мировоззрении можно найти элементы, присущие философским воззрениям некоторых предшествующих и современных ему молдавских и русских мыслителей. Так, у замечательного молдавского летописца и мыслителя Гр. Уреке (см. 107, 33–35) мы находим идею борьбы за освобождение Молдавии от османского ига, а также поиски земных причин исторических событий; у другого выдающегося молдавского летописца — М. Костина — мысль о пользе просвещения и неправомерности захватнических войн (см. там же, 38–40); у Ю. Крижанича — учение о четырех элементах, связь философии с жизнью, теорию циклического развития государства, тираноборчество, заботу об «общем благе», элементы теории «естественного права» и др. (60, 270–275). Немало интересных идей мы находим у других выдающихся мыслителей Молдавии и России начала XVIII в. Во взглядах Дм. Кантемира (1673–1723), например, имеется значительно больше элементов деизма, он еще более высоко ценит научные знания, покоящиеся на данных чувственного опыта, стремится выявить естественные причины явлений природы и общества, пропагандирует учение о четырех монархиях, выступает за укрепление центральной господарской и царской власти, против чрезмерной эксплуатации крестьян, считает необходимым поддерживать мелкое и среднее дворянство, купечество, распространять научные знания. Осуждая несправедливые, захватнические войны, Дм. Кантемир не только оправдывает освободительные войны, прежде всего борьбу Молдавии за независимость, но и принимает действенные меры, способные обеспечить реализацию поставленной цели. Такой мерой явился Луцкий протокол (весна 1711 г.), согласно которому Молдавия входит в состав России на правах автономии и таким образом избавляется от ненавистного ига Оттоманской Порты. Этические и педагогические воззрения Дм. Кантемира содержат ярко выраженные светские элементы (107, 67–99). Почти все эти идеи мы обнаруживаем и в трудах Феофана Прокоповича (см. 78).

Изучение богатого наследия Н. Милеску Спафария помогает нам овладеть духовными богатствами эпохи феодализма, понять те идейные связи молдавского и русского народов, которые, возникнув в прошлом, постепенно расширялись и углублялись на протяжении веков и сыграли огромную роль в социальном, политическом и национальном освобождении молдавского народа и мощном развитии его экономики и культуры в условиях социализма.

Указатель имен

Авриль Ф. 105
Алексей Михайлович (русский царь) 38, 54
Аристотель 120–121
Арсеньев Ю. В. 8
Бантыш-Каменский Д. Н. 8
Баранович Л. 148–149
Бартенев П. 28
Белевич И. 41
Белоброва О. А. 139
Власий Г. 30
Галятовский И. 149
Гантимур 47–48, 51— 52
Гизель И. 120, 121
Гика Г. 35
Голицын В. В. 40
Головин Ф. А. 40, 145
Декарт Р. 133
Добрый А. 59
Долгово П. 61, 63
Досифей 26, 35, 38–39, 41, 57, 116
Епифаний Славинецкий 72, 114
Иоанн Палеолог (византийский император) 59
Кантемир Д. 29, 121, 180–181
Капица М. 107
Карл XI (шведский король) 36
Кедров Н. 8, 70
Костин М. 29, 180
Крижанич Ю. 45–47, 121, 131, 133, 149, 154–155, 159, 170
Кроковский И. 20, 121, 128
Лебедев Д. М. 78, 100, 107
Ленин В. И. 37, 75
Леопольд I (австрийский император) 56
Ломоносов М. В. 76
Лунга М. 145
Лупу В. 26, 31
Маркс К. 20, 161
Матвеев А. С. 40, 54, 55, 61
Медведев С. 115
Невилль де ля 31, 105
Некулче И. 16, 17, 29
Олеарий А. 152

Ордин-Нащокин А. Л. 159
Паисий Лигарид 72
Петр I (русский царь) 24, 56, 57, 145, 158, 172
Петр Могила 26
Помпонн А. де 36, 60, 104
Прокопович Ф. 128, 131, 133, 149
Пушкин А. С. 28
Симеон Полоцкий 72, 73, 115, 134
Софроний Почацкий 26
Стефан Г. 34, 36
Сырку П. А. 8
Уреке Г. 180
Федор Алексеевич (русский царь) 46, 54
Хмельницкий Б. 31
Энгельс Ф. 38, 146, 161
Яворский С. 120

Литература

1. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е.
2. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е.
3. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.

* * *

4. *Спафарий Н. Г.* Арифмология. — В кн.: Николай Спафарий. Эстетические трактаты. Л., 1978.

5. *Спафарий Н. Г.* Книга, а в ней повесть как в нынешнем веце богдайские татаровя одалели и завладели чють не все Китайское государство, такоже и обычай их татаров и бой описуется («Татарская книжица»). Описание Китайского царства. Государственная библиотека им. В. И. Ленина. Отдел рукописей, фонд ОИДР, 102.

6. *Спафарий Н. Г.* Книга Василиологион. Рукопись. Государственная библиотека им. В. И. Ленина. Отдел рукописей, фонд Румянцевский, шифр 413.

7. *Спафарий Н. Г.* Книга глаголемая естествословная. Рукопись. Государственная библиотека им. В. И. Ленина. Отдел рукописей, фонд Музейный, шифр 6743.

8. *Спафарий Н. Г.* Книга избранная вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах. — В кн.: Николай Спафарий. Эстетические трактаты. Л., 1978.

9. *Спафарий Н. Г.* Книга иероглифийская. — В кн.: Николай Спафарий. Эстетические трактаты.

10. *Спафарий Н. Г.* Книга о сивиллах. — В кн.: Николай Спафарий. Эстетические трактаты.

11. *Спафарий Н. Г.* Описание первыя части вселенныя именуемой Асии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городы и провинции. Казань, 1910.

12. *Спафарий Н. Г.* Письмо Николая Спафария к боярину Артемону Сергеевичу Матвееву (июль, 1675 г.). Русский архив. Год девятнадцатый, 1/1. М., 1881.

13. *Спафарий Н. Г.* Письмо Н. Спафария к ведавшему Посольским приказом боярину Головину от 5 окт. 1704 г. — В кн.: И. Н. Михайловский. Очерк жизни и службы Н. Спафария в России. Киев, 1895.

14. *Спафарий Н. Г.* Письмо Спафария к Ф. А. Головину от 15 ноября 1704 г. — «Русский архив», 1867, № 1–6.

15. *Спафарий Н. Г.* Письмо Николая Милеску Спафария Ф. А.

Головину о приезде из Валахии корабельных мастеров (1705 г.). — В кн.: Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы в трех томах, т. III. М., 1970 (№ 66).

16. *Спафарий Н. Г.* Посвящение царю Алексею Михайловичу книги Хрисмологион. — «Русский вестник», т. II. Спб., 1841.

17. *Спафарий Н. Г.* Предисловие к исторической книге, составленной по повелению царя Федора Алексеевича. — Е. Замысловский. Царствование Федора Алексеевича, ч. I. Спб., 1871. Приложение.

18. *Спафарий Н. Г.* Предисловие ко пречестнейшему князю П. М. Черкаскому в чину ученичества возлежащему. Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине, т. III, отдел III. Нежин, 1900.

19. *Спафарий Н. Г.* Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Н. Спафария в 1675 г. Спб., 1882.

20. *Спафарий Н. Г.* Сборник сочинений и переводов Николая Спафария 1676 г. Государственная библиотека им. Ленина, фонд 354, Собрание Вологодское, № 170.

21. *Милеску Спафарий Н. Г.* Сибирь и Китай. Кишинев, 1960.

22. *Спафарий Н. Г.* Сказание о великой реке Амуре, которая разгранила русское селение с китайцы. — В ж.: «Вестник Русского географического общества за 1853 г.». Спб., ч. 7, кн. II, 1853.

23. *Спафарий Н. Г.* Статейный список посольства Н. Г. Спафария в Цинскую империю. — Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы, т. 1. М., 1969.

24. *Спафарий Н. Г.* Хрисмологион. Рукопись. Государственная библиотека им. В. И. Ленина. Отдел рукописей, фонд Румянцевский, шифр 465.

25. *Спафарий.* Хрисмологион. Рукопись. Государственная библиотека им. В. И. Ленина. Отдел рукописей, фонд Музейный, шифр 2615.

26. *Николай Спафарий.* Эстетические трактаты.

27. *Milesku N.* Enchiridion, sive Stella orientalis. Arnauld et Nikole. La Perpetuite de la foi de eglise catholique, IV. Paris, 1669.

* * *

28. *Агасьева Н. А.* Из истории биологической мысли в Молдавии. Кишинев, 1978.

29. *Андреев А.* Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1. XVII в. М.—Л., 1960.

30. *Арсеньев Ю. В.* Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями. — Арсеньев Ю. В. Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии, т. X, вып. 1. Спб., 1882.

31. *Арсеньев Ю. В.* Николай Спафарий и его время. — «Русский архив», № 7, кн. 3, 1895.

32. *Арсеньев Ю. В.* Новые данные о службе Н. Спафария в России. М., 1900.

33. *Арсеньев Ю. В.* О происхождении сказания о великой реке Амуре. Изд. Русского географического общества, т. 18, вып. 4, 1882.

34. *Арсеньев Ю. В.* Статейный список посольства Н. Спафария в Китай (1675–1678 гг.). Спб., 1906.

35. Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962.

36. *Базилевич К. В.* В гостях у богдыхана. М.—Л., 1927.

37. *Бантыш-Каменский Д[митрий].* Словарь достопамятных людей русской земли. Часть пятая, «Спафарий». М., 1836.

38. *Бантыш-Каменский Н. Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами. Казань, 1882.

39. *Белоброва О. А.* К изучению «Книги избранной вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» Николая Спафария. — Труды Отдела древнерусской литературы АН СССР, т. XXX. Л., 1976.

40. *Белоброва О. А.* Аллегория наук в лицевых списках «Книги избранной вкратце» Николая Спафария. — Труды Отдела древнерусской литературы АН СССР, т. XXXII. Л., 1977.

41. *Белоброва О. А.* Личность и научно-просветительские труды Николая Спафария. — В кн.: Николай Спафарий. Эстетические трактаты.

42. *Белокуров С. А.* Юрий Крижанич в России. М., 1901.

43. *Белокуров С. А.* О Посольском приказе. М., 1906.

44. *Браудо А. И.* Записки де ля Невилля о Московии 1689 г. — «Русская старина», т. 72 (Спб.), ноябрь 1891 г.

45. *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха. Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук, т. 32. Спб., 1883.

46. *Голубев И. Ф.* Встреча Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарида с Николаем Спафарием и их беседа. — Труды Отдела древнерусской литературы АН СССР, т. XXVI. Л., 1971.

47. *Двойченко-Маркова Е.* Из истории русско-румынских культурных взаимосвязей XVII века. — В кн.: Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII в.). М., 1971.

48. *Демин А. С.* Русская литература второй половины XVII —

начала XVIII века. М., 1977.

49. Дополнение к Актам историческим, т. IV, № 67. Спб., 1859.

50. Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества, т. III, вып. 3, 1889.

51. *Зубарев Д.* О посольстве в Китай Николая Спафария с дворянами, подьячими, гречанами и иноземцами. — «Вестник Европы», 1827, № 23–24.

52. Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди. Заметки на статью П. Бартенева «Пушкин в Южной России». — «Русский архив». М., 1866.

53. «Известия», 14 ноября 1972 г.

54. Из истории русской философии. М., 1951.

55. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Избр. произв. XVI — нач. XIX в. Минск, 1962.

56. Исторические связи пародов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы в трех томах, т. III. М., 1970.

57. История СССР в 3-х томах. М., 1947, 1948, 1967.

58. История Молдавской ССР, т. I. Кишинев, 1965.

59. История философии, т. I. М., 1957.

60. История философии в СССР, т. I. М., 1968.

61. *Кантемир Димитрий.* Описание Молдавии. Кишинев, 1973.

62. *Кедров Н. Н.* Спафарий и его «Арифмология». — «Журнал министерства народного просвещения» (Спб.), часть XXXIII, янв., 1876.

63. *Кидель А., Соловьев В.* Николай Милеску Спафарий. — В кн.: Милеску Спафарий Н. Г. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960.

64. Китайская реляция о посольстве Николая Спафария в Китай. Маньчжурский текст в переводе А. О. Ивановского. Спб., 1889.

65. *Крижанич Ю.* Политика. М., 1965.

66. *Крижанич Ю.* Русское государство, ч. II; М., 1860.

67. *Кудрявцев И. М.* «Издательская» деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века). — В кн.: «Книга. Исследования и материалы». Сборник XIII. М., 1963.

68. *Кунгуров Г.* Путешествие в Китай. Иркутск, 1940.

69. *Кунгуров Г.* Албазинская крепость. М., 1959.

70. *Лебедев Д. М.* География в России XVII в. М., 1949.

71. *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений, т. 6. М., 1952.

72. *Михайловский И. Н.* Очерк жизни и службы Н. Спафария в

России. Киев, 1895.

73. *Михайловский И. Н.* Важнейшие труды Николая Спафария (1672–1677). Киев, 1897.

74. *Михайловский И. Н.* О некоторых анонимных произведениях русской литературы конца XVII — начала XVIII стол. — «Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине», т. III, отд. III. Нежин, 1900.

75. *Могилевский Б.* «Мечников». М., 1958.

76. *Мясников В. С.* Новые издания трудов Н. Спафария. — Жур. «Народы Азии и Африки», № 2, 1962.

77. Нарис історії філософії на Україні. Київ, 1966.

78. *Ничик В. М.* Феофан Прокопович. М., 1977.

79. Новая история Китая. М., 1972.

80. Отписка 1676–1677 г. Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Фонд: Собрание грамот, шифры 4610, 4617, 4626.

81. Памятники Дипломатических Сношений России с державами иностранными, т. V, VII.

82. *Полевой Б. П.* Новое о происхождении «Сказания о великой реке Амуре». — В кн.: «Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома». Л., 1972.

83. Посольство Спафари. Перевод с маньчжурского А. Ивановского. Записки Восточного Отделения Императорского Русского археологического общества, т. II, вып. III. Спб., 1888.

84. «Правда», 7 декабря 1973 г.

85. Пьесы школьных театров Москвы. Ранняя русская драматургия (XVII — первая половина XVIII в.). М., 1974.

86. *Робинсон А. Н.* Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974.

87. Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы, т. I. М., 1969.

88. *Руссев Е. М.* Борьба молдавского народа против оттоманского ига. Кишинев, 1968.

89. *Руссев Е. М.* Развитие молдавской культуры в XV — начале XVIII в. — В кн.: История Молдавской ССР, т. I. Кишинев, 1965.

90. *Руссев Е. М.* Славянский вклад в древнемолдавскую культуру. — Жур. «Кодры», 1971, № 8.

91. *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы. Спб., 1903.

92. *Соловьев С.* История России. Изд. II. Книга третья, т. XIV.

93. *Строев П. М.* Библиографический словарь, «Спафарий». Спб., 1882.

94. *Сырку Н.* Николай Спафарий до приезда в Россию.

Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества (Спб.), т. II, вып. 1–4, 1888.

95. *Сырку П.* Николай Спафарий. — Журнал министерства народного просвещения, ч. 238, апрель, кн. VI. Спб., 1885.

96. *Титов А.* Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890.

97. *Урсул Д. Т.* Философские и общественно-политические взгляды Н. Г. Милеску Спафария. Кишинев, 1955.

98. *Урсул Д. Т.* Из истории передовой философской и общественно-политической мысли в Молдавии в конце XVII — начале XVIII веков. — Жур. «Октябрь» (Кишинев) № 3, 1955.

99. *Фурсенко В.* «Спафарий-Милеску». — В кн.: Русский биографический словарь («Смеловский-Суворина»). Спб., 1909.

100. *Шренк Л. И.* Об инородцах Амурского края, т. I. Спб., 1883.

101. *Щебеньков В. Г.* Русско-китайские отношения в XVII в. М., 1960.

102. *Яцимирский А. И.* Домна Стефанида, невеста царя Алексея Михайловича. — «Исторический вестник», кн. IX. 1904.

103. *Яцимирский А. И.* Николай Милеску Спафарий. Страница из истории русско-румынских сношений в XVII веке. Казань, 1908.

104. *Яцимирский А. И.* Очерк жизни Николая Гавриловича Спафария. — В кн.: *Н. Спафарий.* Описание первыя части вселенныя именуемой Асии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городы и провинции. Казань, 1910.

* * *

105. *Спэтарул Милеску Николае.* Сиберия ши Кина. Кишинэу, 1956.

106. *Bianu J.* Bibliografia Romanesca veche. 1508–1830, т. I, 1508–1716. Bucuresci, 1903, p. 281–291.

107. Дин история гындирий сочиал-политиче ши филозофиче ын Молдова. Кишинэу, 1970.

108. *Коробан В.* Информаций деспре тематика романулуй популар кинез ла Милеску Спэтарул. — В ж. «Лимба ши литература молдовеняскэ», 1978, № 1.

109. *Матковски А.* Кэртурарул молдован Николае Милеску Спэтарул. — В кн.: Презенцеле молдовенешть ын публикациile русе дин аний 1880–1905. Кишинэу, 1976, п. 104–128.

110. *Некулче Ион.* О самэ де кувинте. Летописецул Цэрий Молдовей. Ед. а доуа. Кишинэу, 1974.

111. *Руссев Е. М.* Николае Милеску Спэтарул. — В кн.:

«Николае Милеску Спэтарул. Сибирия ши Кина». Кишинэу, 1956.

112. Storia delle letteratura moderne d'Europa et d'America, vol. 2. Milano, 1958–1959, p. 260, 261.

113. *Урсул Д. Т.* Н. Г. Милеску Спэтарул: Кишинэу, 1975.

114. *Baddely J. F.* Russia, Mongolia, Cina, vol. 1—11. London, 1919.

115. *Boureanu, Radu.* Viata Spatarului, Milescu. Bucuresti, 1948.

116. *Chaude.* Raspunsul lui Chaude. Reponse au livre de Mr. Arnauld. Paris, 1671.

117. *Grecu Al.* Despre legaturile lui Nicolae Milescu Spatarul cu Rusia. Studii. Revista de istorie si filosofie, IV. Bucuresti, 1950.

118. *Hasdeu B. P.* Viata si opera lui Nicolae Spatarul Milescu, in: a) «Sativulu», 1866, N 12–14; b) ziarul «Traianu», II, 1870.

119. *Panaitescu P.* Nicolai Spatarul Milescu. Paris, 1925.

120. *Picot E.* Notice biographique et bibliographique sur Nicolas Spatar Milescu, ambassdeur du tzar Allexis Michajlovic, en Chine. — Melanges Orientaux. Paris, 1883.

121. *Sion Gh.* Traductiune dupa notele de calatorie de la Tobolsk pana in China de Spatarul Nicolae Milescu, 1675, Analele Academiei Romane, Sect. istorica, ser. II, vol. X (перевод с греческого).

notes

Примечания

1

Здесь и ниже цифра в скобках обозначает номер источника в списке литературы, далее, курсивом, следует номер тома, если издание многотомное, затем — страница источника *(Прим. ред.)*.

2

Порта — правительство Османской (Оттоманской) империи.

3

«Синопсис» — сборник статей разных авторов, дававший элементарные сведения по древней и русской истории.

4

Относительно времени рождения Милеску Спафария мнения исследователей расходятся. Некоторые полагают, что он родился в 1625 г.; И. Н. Михайловский принимает другую дату — приблизительно 1635 г., основываясь на статейном списке посольства Н. Милеску Спафария в Китай. Там сказано, что во время аудиенции у богдыхана иезуиты «к посланнику пришли и спрашивали, сколько ему, посланнику, лет… И посланник говорил, что возрастом есть лет с 40…» (87, 426). А это было в 1676 г. В связи с этим автор настоящей работы также полагает, что Н. Милеску Спафарий родился приблизительно в 1635 г.

5

О пребывании Н. Милеску Спафария в Италии он сам сообщает в тексте «Книги о сивиллах» на л. 27 об. и л. 29 (см. 10, 59).

6

М. Милеску Спафарий был женат на «москвитянке», у него было три сына: Максим, Василий и Никита. Все его потомки под фамилией Спафарьевых жили в России, до революции числились в дворянах Калужской губернии и состояли на русской службе (см. 32, 58, 60).

7

Юрий Крижанич (1617–1683) по происхождению хорват, видный деятель западнославянской и русской общественной мысли, сторонник объединения всех славянских народов на базе унии между православной и католической церковью, идеолог дворянства. В 1659 г., будучи католическим священником-миссионером, отправился в Россию, где вскоре (1661) был сослан в Тобольск. После освобождения (1676) жил в Польше.

8

Население, платящее ясак — дань натурой.

9

Приказная изба — учреждение воеводского управления, стоявшее во главе уезда.

10

В рукописи «История о древности молдавских монастырей Нямца и Секула из Румынии» Августина Браги 1873 г. (л. 5–5 об.) упоминается о приезде «Николая письмоводителя» в Нямецкий монастырь и о том, что он «переводил в 1655 г. историю» о чудотворной иконе на основании дарственных грамот (библиотека Академии наук СССР в Ленинграде, 13.1.8, Собр. Яцимирского, № 21) (см. 26, 4).

11

Этот перевод без упоминания имени Н. Милеску Спафария напечатан в Бухаресте в 1688 г. и известен в научной литературе под названием Библия Шербана, по имени господаря Валахии Шербана Кантакузина (с. 26, 4).

Это отмечают и другие исследователи, в том числе И. Н. Михайловский и О. А. Белоброва.

В дальнейшем «Василиологион».

14

Все исторические трактаты Н. Милеску Спафария, за исключением «Предисловия к исторической книге…», являются компилятивными.

Тексты и вступительная статья подготовлены О. А. Белобровой.

16

Подносной экземпляр — экземпляр рукописи, поднесенный царю.

Есть также несколько списков так называемой второй редакции «Арифмологии» — старообрядческой переработки труда Н. Милеску Спафария.

Это сочинение длительное время считалось анонимным. И. Н. Михайловский впервые доказал, что оно принадлежит Н. Милеску Спафарию, и опубликовал его в «Сборнике историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине» в 1900 г. (74).

19

В книге «История СССР» (т. 1, 1948) на с. 477–478 ошибочно указано, что Н. Милеску Спафарий перевел описание Китайского государства, составленное иезуитами. В действительности эта работа является оригинальной, написанной на основании личных наблюдений, русских источников и материалов, собранных Милеску Спафарием в Китае, в том числе и у иезуитов, служивших при китайском дворе.

Считаем необходимым привести многие дословные выдержки из географических работ Н. Милеску Спафария, чтобы читатель мог получить лучшее представление об историческом колорите рассматриваемой эпохи и своеобразии выражения мыслей автора.

21

Термин «землеписание», используемый Милеску Спафарием, употреблялся в допетровскую эпоху. Слово «география» вошло в обиход в России лишь со времени Петра I.

Вертеж — полюс.

23

Следует отметить, что Н. Милеску Спафарий ошибочно считал Телецкое озеро одним из истоков реки Оби.

Сор — отмель, поросшая камышом.

25

Дощаник — легкое речное судно.

26

Ясырь — пленник, невольник.

27

Речь идет о Казахской орде.

Это неправильное представление о вреде хлеба, вероятно, вызвано чрезмерным употреблением его в тех случаях, когда остяки покупали хлеб.

29

Болваны — идолы.

Мызжут — бегают взад и вперед.

31

Шайтан — черт.

32

Кумирни — храмы.

33

Здесь автором допущена ошибка (или оговорка), ибо в других местах своего сочинения он пишет, что в Китае есть философия, и дает ей характеристику.

34

Речь идет о гадании астрологов по звездам.

35

Здесь, как и в некоторых других местах, у Н. Милеску Спафария допущена неточность.

36

Асканьяма — искаженное от маньчжурского «асканьи амбань» — член совета министерства, советник.

37

Этот русский список «Описания Китая» Н. Милеску Спафария 1685 г. и в настоящее время хранится в Парижской национальной библиотеке (см. 26, 8).

38

Предисловие («Николай Милеску Спафарий») написано Е. М. Руссевым. Рецензия на эту книгу помещена Е. И. Спиваковским в журнале «Советское китаеведение» (1958, № 2, с. 176–180).

39

Предисловие («Николай Милеску Спафарий») написали А. Кидель и В. Соловьев.

40

Рецензия на эту книгу опубликована В. С. Мясниковым в журнале «Народы Азии и Африки» (1962, № 2, с. 225–228).

41

Здесь термин «метафизика» употребляется не в смысле «антидиалектика», а обозначает всю философию в целом.

Чауш — курьер господаря (правительственный).

43

Мултянская земля — Валахия.